

Истинный д`Артаньян
Жан-Кристиан Птифис

Опубликована: 2009

Категории:

Виньетки: франция

New Chapter

Странная судьба выпала на долю д'Артаньяна! Благодаря честности, храбрости, исполнительности и нечастому среди придворных человеческому отношению к поверженным врагам короля он сумел при жизни стать «важной персоной», а потом – человеком, смерть которого равно искренне оплакивали сторонники противоборствующих групп и партий, военачальники и солдаты, король и слуги. Однако при этом д'Артаньян остался «маленьким человеком», но чьими руками великие мира сего добывали себе славу. Из книги Ж.-К. Птифиса мы узнаем, что именно благодаря д'Артаньяну и его мушкетерам Людовик XIV всего за несколько дней получил в свои владения город Дуэ, а затем Безансон и Доль во время Деволюционной войны, что «именно великая доблесть г-на д'Артаньяна и бравых мушкетеров принесла королю Маастрихт» (д'Алиньи) во время Голландской войны. Но загляните в учебники истории: там вы не найдете упоминаний о д'Артаньяне, зато узнаете, что фламандские города захватил лично Людовик XIV, а над удачными завоеваниями в начале Голландской войны «сообща потрудились король, Месье, Тюренн, Конде и герцог Люксембургский»¹. Это естественно. История манипулирует «крупными объемами», ей важнее общие планы и глобальные тенденции, нежели удачные действия, инициатива и храбрость отдельных людей. Итак, маленького человека по имени Шарль де Бац де Капельмор д'Артаньян стали постепенно забывать. Если поначалу написанные уже после его смерти Куртилем де Сандра Мемуары мессира д'Артаньяна пользовались популярностью, то вскоре и они забылись. Пришли другие времена и другие люди, как «великие», так и «маленькие». И все же... И все же трудно сейчас найти человека, которому было бы неизвестно имя д'Артаньяна. Мы знаем о нем с детских лет, и, наверное, не только Стивенсон мог бы сказать, что чему-то научился у капитана королевских мушкетеров. Д'Артаньян заставлял многих из нас не спать ночами, лихорадочно дочитывая

описание его приключений, рыдать и радоваться вместе с ним и его друзьями Атосом, Портосом и Арамисом, оказавшимися, согласно историческим документам, еще более «маленькими» людьми, чем он сам. Д'Артаньян заставлял педагогов ломать копья в ученых диспутах на тему о том, благотворно ли подобное влияние на молодежь или оно воспитывает в подростках драчливость и агрессивность. Однако независимо от исхода этих диспутов мальчишки все новых и новых поколений увлеченно играли в мушкетеров и под известный клич «Защищайтесь, сударь!» самозабвенно бросались в бой, осваивая понятия дружбы, чести и благородства. Этим невероятным явлением мы обязаны уже не только самому мессюру д'Артаньяну, но и его литературному родителю Александру Дюма-отцу. Роман «Три мушкетера» вышел в 1844 году и сразу же завоевал читающую публику. Он был переведен на множество языков и триумфально шествовал по Европе и Америке. Современники Дюма шутили, мол, если и есть еще сейчас где-то на земле необитаемый остров, на котором живет какой-нибудь Робинзон, то Робинзон этот наверняка занят тем, что сидит и читает «Трех мушкетеров». В написании романа А. Дюма сотрудничал с О. Маке, и принято считать, что именно Маке препарировал для Дюма роман Куртиля и поставлял ему основу для сюжета. Впрочем, многие исследователи сомневаются в том, что это было так просто. Во-первых, известно, что Дюма и сам читал «Мемуары» Куртиля и даже «зачитал» взятый им в библиотеке том этих «Мемуаров». Во-вторых, в основу работы над трилогией о мушкетерах легла не только книга Куртиля. Дюма пользовался «Мемуарами г-жи де Лафайет», «Мемуарами кардинала де Реца» и рядом других исторических источников века Людовика XIV. Об этой работе Дюма написал А. Моруа. Признавая, что Дюма заимствовал «героев и общий костяк сюжета», он пишет: «Но каждый раз, когда в „Мемуарах“ сцена только намечена, он пишет ее так, как написал бы драматург, прибегая к всевозможным эффектам, неожиданным поворотам сюжета, умело чередуя драматические и комические элементы. Тонкий штриховой рисунок мадам де Лафайет у Дюма превращается в музей, где выставлены раскрашенные, разодетые скульптуры, которые при всей своей карикатурности все же создают иллюзию подлинной жизни»². Некое смущение за собственное восхищение перед творчеством А. Дюма сквозит в этом высказывании, не правда ли? Разве д'Артаньян в романе «карикатурен»? Разве он похож на «раскрашенную, разодетую скульптуру»? Подобная скульптура вряд ли оказала бы столь сильное воздействие на умы

нескольких поколений, да и Стивенсон вряд ли назвал бы скульптуру самым лучшим своим другом... К сожалению, «серьезная» литературная критика долго не могла смириться с ярким, жизнерадостным талантом А. Дюма. Слишком уж многих задевали и заставляли восхищаться его романы. А раз так, значит, это – литература «массовая», несерьезная и в ней не может быть правильного изображения истории. В конце XIX и начале XX века появилось множество изданий, авторы которых ставили себе задачей открыть читателям глаза на якобы грубые исторические погрешности А. Дюма, на его легковесность и ненаучность. Никто не требовал, скажем, от Гюго уточнения исторической биографии лорда Фермена Кленчарли, прозванного Гуинпленом; все охотно признавали право писателя на литературный вымысел. Что же касается героев Дюма, то о них стали выходить многочисленные брошюры с названиями типа «История истинного д'Артаньяна» или «Историческая правда о г-же и г-не де Монсоро, Бюсси д'Амбуазе и шуте Шико»³. Читатель, почитающий историю, должен был насторожиться при словах «истинный», «историческая правда». Стало быть, у Дюма неправда? Но что есть истина, тем более в истории? Сейчас не так уж известен тот факт, что Дюма с ранней юности был ревностным почитателем У. Шекспира, можно сказать, учился у великого англичанина драматургии, а однажды написал для своего Исторического театра собственную версию «Гамлета» на основе шекспировского сюжета. В этот сюжет Дюма внес существенную поправку: он сохранил жизнь принцу Датскому. Забавно, но историческая хроника «Деяния датчан» Саксона Грамматика, из которой Шекспир почерпнул сюжет для своей трагедии, тоже не описывает смерти героя. Там он остается жив и побеждает своих врагов. Вот было бы курьезно, если бы Дюма назвал свою пьесу «Историей истинного Гамлета, принца Датского»... Отношение к Дюма как к несерьезному сочинителю, небрежно обращающемуся с историей, сильно затормозило процесс литературоведческого осмысления творчества этого писателя, которое всерьез началось лишь в последние годы. Чем объяснить такую предвзятость? Некоторые исследователи считают, что не последнюю роль в этом сыграла зависть собратьев по перу к чересчур плодовитому (более 500 произведений!) автору, пользовавшемуся колоссальной популярностью у публики. Думается, подобное однозначное объяснение недостаточно. Разве не было завистников у Гюго и Бальзака? Возможно, помимо недоверия к легкости и плодовитости пера А. Дюма, следует отметить особенность его идеологической позиции. Сын

республиканского генерала, участник революционных событий 1830 и 1848 годов, Дюма при этом дружил с наследным принцем Орлеанским, был принят в королевских домах многих стран Европы и даже претендовал на портфель министра культуры в правительстве Луи-Филиппа. Он фактически никогда не стоял на так называемой «активной классовой позиции» и всех людей, от последнего нищего до короля, оценивал по их человеческим качествам. Бурный, политически ориентированный век не мог не считать такую позицию легкомысленной. Эта же точка зрения по понятным причинам сохранялась в официальной советской литературной критике и политике советского книгоиздания: по данным Российской книжной палаты, вплоть до 50-х годов на русском языке вышло всего 34 книги Дюма, а цифру 100 изданий русскоязычный Дюма превысил лишь к 1977 году⁴. И это при том, что до революции выходили и отдельные издания романов писателя, и Полное собрание романов в 24 томах (84 кн.). Многие произведения А. Дюма, не соответствовавшие классовой позиции советских идеологов (например, романы о Великой французской революции), не переиздавались на русском языке с 1913 года и вплоть до периода перестройки. Другим поводом для подозрительности критики к произведениям А. Дюма была их, так сказать, фривольность. «Нравственный педантизм» XIX века не желал мириться с сочувственным описанием «падших женщин» и галантных похождения великих исторических лиц. Дюма упрекали в том, что он хочет «подменить идеализм классиков низменным реализмом»⁵. Жизнь входила в литературу, пробивая себе путь вопреки сопротивлению устоявшихся, но устаревших принципов. Дюма-отец, как и его сын Александр, чья «Дама с камелиями» неоднократно запрещалась цензурой, помогал осуществить этот прорыв, однако сам Дюма не мог при этом не получить ярлык легковесного развлекателя публики. Многие из соавторов Дюма и молодые писатели, чьи произведения он исправлял, делая из них шедевры, распускали слухи о том, что Дюма выдал их произведения за свои. Эти нападки слегка поутихли после того, как писатель выиграл пару процессов по такого рода делам, однако скандальность самих дел опять же сыграла на руку недоверию даже не к самому Дюма, а к его творчеству. Порицание произведений писателя и нежелание считать их «серьезной литературой» стали признаком хорошего тона у людей ученых, знающих и умеющих судить о культурных ценностях. И вот создается потрясающий парадокс. С одной стороны, романы Дюма, и в первую очередь «Три мушкетера», оказывали и продолжают оказывать

огромное воспитательное влияние на подростков и на многих взрослых, по данным психолога Ю. Н. Белехова, помогают молодым людям в решении собственных проблем, дают нам настоящих литературных друзей, таких, как д'Артаньян. С другой же стороны, суровые мужи от науки строго поучают нас, что, дескать, Дюма – писатель несерьезный, малообразованный, историю толком не знавший и перевиравший ее почем зря. При этом как бы в подтверждение своих мыслей приводят высказывание самого А. Дюма, заметившего некогда, что история для него «только гвоздь, на который он вешает свои картины». Однако для того, чтобы повесить столь яркие, огромные и многоплановые картины, какими являются исторические романы А. Дюма, гвоздь нужен весьма крепкий и основательный. Дюма, к его собственному сожалению, не имел возможности получить систематическое образование, но всю жизнь занимался самообразованием, поражая современников количеством прочитываемых книг и умением толково рассуждать на самые разнообразные темы. Работая над своими романами, Дюма изучал исторические труды О. Тьерри, Ф. Минье, Ж. Мишле, документы описываемой эпохи. Помимо перечисленных источников, использованных при работе над трилогией о мушкетерах, можно упомянуть, например, «Журналы правления Генриха III и Генриха IV», написанные придворным хронистом конца XVI – начала XVII века Пьером де л'Этуалем. Этот источник лег в основу трилогии о гугенотских войнах. Помимо художественных произведений, А. Дюма писал и исторические очерки, вся беда которых состоит опять же в том, что они написаны живым, доступным языком, способным заечь любого читателя, а не только историка-профессионала. Доступность изложения отнюдь не означает поверхностности самого исследования. По части анализа источников и обоснованности некоторых выводов Дюма ни в чем не уступал историкам-профессионалам своего времени, тем же Ж. Мишле или О. Тьерри. Другое дело, что с тех пор история шагнула вперед, осваивая все более новые методы и обнаруживая неизвестные ранее документы, и потому многое в представлениях историков XIX века кажется теперь устаревшим. Тут ничего не поделаешь. Это естественный ход исторического познания, который вовсе не должен ставить под сомнение добросовестность исследователей предыдущих поколений. Один из ведущих российских исследователей творчества А. Дюма, президент существующего с 1992 года Российского общества друзей Александра Дюма М. И. Буянов поставил в свое время перед собой задачу проверить достоверность событий, фактов и

реальность существования исторических лиц, во множестве описываемых Дюма в его книгах «Путевые впечатления. В России» и «Впечатления о путешествии на Кавказ». И что же? Оказалось, что за исключением ряда погрешностей в именах и названиях, ошибок в указании дат отдельных событий, естественных для незнакомого с русским языком иностранца, основной массив данных Дюма подтверждается историческими документами, материалами архивов и т.п.⁷ Более того, анализ текста показал, что Дюма не просто записывал свои собственные впечатления об увиденном, но предварительно ознакомился со всеми доступными тогда исследовательскими публикациями о тех местах, в которые направлялся. Сходную оценку «Путевых впечатлений» дает в предисловии к их русскому изданию М. С. Трескунов, ссылаясь при этом на специальное исследование А. Жуковской⁸. Отношение современных историков к «серьезности» исторических романов А. Дюма меняется. За последнее время появился целый ряд публикаций, подчеркивающих, что в художественном произведении на исторические темы важнее правильное изображение «духа времени», атмосферы, в которой развивалось то или иное историческое событие, нежели дотошное следование хронологии и точность передачи имен исторических лиц. Г. А. Сидорова в статье «Этика истории в произведениях А. Дюма»⁹ подробно анализирует несколько примеров отклонений сюжетов романов А. Дюма от документально засвидетельствованных событий и доказывает, что подобные отклонения «соответствуют самому жанру приключенческого романа, но при этом художественная логика не противоречит логике исторического развития». А. Моруа в свое время написал: «... цель искусства не в подражании действительности, а в преобразовании ее или даже в искажении ее с тем, чтобы вызвать у публики определенные эмоции»¹⁰. К этому следовало бы добавить, что эмоции при чтении исторического романа не должны, наверное, идти вразрез с тем самым «духом эпохи». Именно такая согласованность создает эффект жизненности персонажей и реальности происходящего, сохраняя при этом верность представления об описанном времени, о живших тогда людях. Короче говоря, согласие Романа и Истории зависит от точности пера автора, от его исторической интуиции. А интуиция Дюма-историка в описании исторических персонажей просто поражает. Когда читаешь книгу Ж.-К. Птифиса, невольно ловишь себя на мысли, что Дюма, в соответствии с жанром порой позволявший себе изменения времени и места действия, нигде не погрешил против истины в описании самих исторических персонажей. У

Куртиля авантюрист д'Артаньян не особенно напоминает того д'Артаньяна, который встает перед нами при чтении приводимых Птифисом документов. Зато те, кто хорошо помнит трилогию Дюма, не могут не узнать в историческом описании с детства знакомых персонажей: юного Людовика XIV, едва приступившего к управлению государством, Фуке, Кольбера и конечно же самого д'Артаньяна. После книги Ж.-К. Птифиса очень интересно перечитать «Виконта де Бражелона», например главу «Гайная вечеря», описывающую сомнения Фуке и его близких перед поездкой в Нант. Конечно, развитие действия несколько переиначивает реальный ход событий, оно становится более обостренным, сценичным. Но мелочи, из которых складывается портрет жизни, остаются те же: Пеллиссон и Гурвиль, убеждающие Фуке бежать, расчет на силу крепости Бель-Иль, посланцы короля, до последней минуты требующие у суперинтенданта денег, слово, переданное им друзьям: «Сент-Манде»... Д'Артаньян, едва не упустив Фуке, настиг его в Истории вместе с отрядом мушкетеров на улицах города. В Романе д'Артаньян в одиночку нагоняет Фуке на дороге, после чего они состязаются в благородстве, относясь друг к другу с уважением, которое пристало порядочному человеку даже тогда, когда приказ короля заставляет его делать что-то, противное его пониманию порядочности и честности. Д'Артаньян в Романе рассуждает так: «Я знаю, что ответит король, и я заранее склоняюсь перед его словами: „Государственная необходимость“. Ну что ж! В моих глазах это причина, достойная величайшего уважения. Я солдат, и я получил приказание, и это приказание выполнено, правда, вопреки моей воле, но выполнено. Я умолкаю». Можно ли представить себе, что реальный Шарль де Бац-Кастельмор д'Артаньян произнес или хотя бы подумал бы такие слова? Судя по книге Птифиса, вполне... А вот что говорит в Романе молодой Людовик XIV: «Могли бы вы, д'Артаньян, служить королю, в королевстве которого была бы еще целая сотня других, равных ему королей? Мог бы я при подобной слабости осуществить свои великие замыслы? Прошу вас, ответьте мне! Видели ли вы когда-либо художника, который создавал бы значительные произведения, пользуясь не повинующимся ему орудием? Прочь, сударь, прочь эту старую закваску феодального своеволия! Фронда, которая тщилась погубить королевскую власть, в действительности укрепила ее, так как сняла с нее давнишние путы. Я хозяин у себя в доме, господин д'Артаньян, и у меня будут слуги, которые, не имея, быть может, присущих вам дарований, возвысят преданность и покорность воле своего

господина до настоящего героизма. Разве важно, спрашиваю я вас, разве важно, что Бог не дал дарований рукам и ногам? Он дал их голове, а голове – и вы это знаете – повинуется все остальное. Эта голова – я!» Сказал бы такое «истинный» Людовик XIV? Возможно... Соответствует ли это «духу эпохи»? Несомненно. По словам М. И. Буянова, «Дюма отталкивался от реальностей и излагал их согласно поговорке, распространенной на родине д'Артаньяна – это правдиво, как вымысел, и невероятно, как сама жизнь»¹¹. Сам же Дюма написал о соотношении поэзии и жизни: «Объяснение ученого было бы гораздо логичнее, но будет ли оно истиннее? – Да, – скажут ученые. – Нет, – ответят поэты» («Впечатления о путешествии на Кавказ»). Роман и История дополняют друг друга. Оба они по своему истинны и совместно создают свойственный нашему времени синтетический взгляд на то, что происходило в прошлом. Как бы то ни было, эти представления менялись и будут еще меняться. Книга Ж.-К. Птифиса привлекает тем, что, несмотря на традиционное название «Истинный д'Артаньян», автор отнюдь не стремится противопоставлять Роман и Историю. Напротив, детально прослеживая жизненный путь исторического героя, он подчеркивает, что именно Роман «поднял его на высоту национальной эпопеи». Хочется добавить, что образ д'Артаньяна давно вышел за национальные рамки и стал культурным явлением мирового значения. Д'Артаньян Романа и д'Артаньян Истории становятся, таким образом, как бы разными ипостасями некоего единого д'Артаньяна, существующего в нашем представлении. Эти ипостаси нисколько не противоречат друг другу и скорее даже усиливают воздействие результирующего, знакомого всем образа. По мнению А. Моруа, сила героев Дюма заключается, помимо всего, в том, что они, «маленькие люди», действуя среди великих мира сего и присутствуя в решающие моменты, на деле творят Историю. Современная историческая наука тоже приблизилась к нам «маленьких людей» прошлого, и оказывается, что их роль в Истории зачастую действительно была решающей. В книге Ж.-К. Птифиса есть немало тому доказательств. Надо только, конечно, иметь в виду, что здесь д'Артаньян увиден глазами нашего современника, и мы с радостью читаем и воспринимаем его книгу с этих позиций, а лет эдак через двести, возможно, появятся новые исследователи, которые обнаружат какие-то недоступные нам источники, и будет опубликован еще один «Истинный д'Артаньян», который покажет, насколько все предыдущие представления (в том числе и наши с вами) несли на себе отпечаток мировоззрения и ограниченной

осведомленности своей эпохи... Э. Драйтова Предисловие Робер де Монтескью[1], очаровательный и изысканный поэт, воспевавший Голубые гортензии, любил возбуждать удивление и любопытство своих почитателей, небрежно упоминая в разговоре «своего кузена д'Артаньяна». – Д'Артаньян? Никто из присутствующих и не представлял себе, чтобы самый знаменитый герой Александра Дюма мог когда-либо существовать на самом деле. Такое мнение остается до сих пор! Огромное количество изданий знаменитой трилогии о мушкетерах (переведенной на 94 языка!), не менее сотни фильмов на ее сюжет, не считая телеспектаклей, заставило забыть о том, что храбрый шевалье, прежде чем обрести бессмертие в романтической литературе, сначала принадлежал Истории. Вместе с тем тот, кто создал ему посмертную славу, отнюдь не отрицает в Трех мушкетерах исторической реальности этого персонажа. Однако читатель, с нетерпением бросающийся вслед за молодым героем вперед по дороге в Париж, где того ожидают первые приключения, обычно не удосуживается пробежать глазами предисловие (впрочем, весьма краткое) этого увлекательного романа. Что же в нем сказано? «Примерно год тому назад, занимаясь в королевской библиотеке разысканиями для моей истории Людовика XIV, я случайно попал на Воспоминания г-на д'Артаньяна, напечатанные – как большинство сочинений того времени, когда авторы, стремившиеся говорить правду, не хотели отправиться затем на более или менее длительный срок в Бастилию, – в Амстердаме, у Пьера Ружа. Заглавие соблазнило меня: я унес эти мемуары домой, разумеется, с позволения хранителя библиотеки, и жадно на них набросился»[2]. В этом сочинении Дюма и его деятельный сотрудник Огюст Маке[3] (которого впоследствии Эжен де Миррекур[4] назвал негром, работающим под плеткой мулата) обнаружили описание приключений упомянутого мушкетера и трех его товарищей по оружию: Атоса, Портоса и Арамиса. Дюма посвятил долгое время поискам следов этих людей и, если верить ему на слово, обнаружил «рукопись in folio, помеченную Me 4772 или 4773, не помним точно, и озаглавленную: „Воспоминания графа де Ла Фер о некоторых событиях, происшедших во Франции к концу царствования короля Людовика XIII и в начале царствования короля Людовика XIV“». «Можно представить себе, – продолжает романист, – как велика была наша радость, когда, перелистывая эту рукопись, нашу последнюю надежду, мы обнаружили на двадцатой странице имя Атоса, на двадцать седьмой – имя Портоса, а на тридцать первой – имя Арамиса»[5]. Подобная точность может показаться убедительной.

На деле же Воспоминания графа де Ла Фер никогда не существовали кроме как в чересчур плодовитом воображении Дюма-отца. Регистрационные номера рукописи были приведены им исключительно для того, чтобы придать оттенок достоверности простой литературной мистификации в ее классическом виде. Что же касается цитируемых им Воспоминаний г-на д'Артаньяна, то они существуют в действительности. Читателю, желающему ознакомиться с ними, вовсе ни к чему сегодня обращаться к пожелтевшим страницам первого издания, вышедшего в 1700 году, поскольку с тех пор они многократно выходили в виде как роскошных, так и весьма скромных изданий, снабженных интересными примечаниями и гравюрами. Их автором был некто Гасьен Куртиль де Сандра, памфлетист, специализировавшийся на создании апокрифических мемуаров. Мы должны сказать о нем несколько слов, ибо надо признать, что, не будь его, не появились бы и мушкетеры 1844 года[6]. Гасьен де Куртиль, господин де Сандра, принадлежал к мелкому дворянскому роду, происходившему из Льежа и обосновавшемуся в XV веке в Бовези. Он родился в Париже (или в Монтаржи) около 1644 года и поначалу служил в королевской армии. Когда после Нимвегенского мира[7] войска были распущены, он, не имея никакого собственного имущества, которое могло бы дать ему средства к существованию, занялся ремеслом писателя, создающего занимательную литературу для публики. В 1683 году в голландском издательстве вышел его первый труд Поведение Франции после Нимвегенского мира. Неистовство, с которым автор осуждал политику Короля-Солнца, обеспечило ему немедленный успех. Этот взрывоопасный памфлет выдержал множество изданий и нелегально распространялся во Франции. Тем не менее было бы ошибкой видеть в Куртиль писателя, «стоящего на четких политических позициях». Человек старался заработать пером себе на жизнь и мало заботился о политике. Поэтому неудивительно, что он по инерции составил анонимный Ответ книге, озаглавленной Поведение Франции, и в нем полностью опроверг все то, что поначалу утверждал. Это было удачное и высоко рентабельное коммерческое предприятие, и впоследствии Куртиль неоднократно прибегал к подобным приемам. Так, после Мемуаров, содержащих описание различных знаменательных событий, случившихся во время правления Людовика Великого, в которых он прославлял величие дел короля, он опубликовал ядовитый шарж под названием История лживых обещаний после Пиренейского мира[8]. Он также основал газету Исторический и политический Меркурий, которая вышла в свет в 1689 году.

Его историко-романические труды весьма обширны. Помимо прочего, мы обязаны ему Историей Голландской войны, жизнеописаниями Колиньи, Кольбера, мемуарами маркизы де Френе, маркиза де Монбрюна, графа де Рошфора, Ж.-Б. Лафонтена, месье де Бордо, историей шеваляе Рогана, маршала де Лафейяда и т.д. При Людовике XIV эти сочинения имели привкус скандальности. Их читали исподтишка, выискивая редкие экземпляры, нелегально ввезенные из Голландии или Германии и сумевшие избежать конфискации, проводимой сбирами д'Аржансона[9]. То время отнюдь не было благополучным для памфлетистов. Как и следовало ожидать, в конце концов Куртиля арестовали в Париже. Он просидел в Бастилии с апреля 1693-го по март 1699 года – шесть долгих лет, в течение которых он и за стенами крепости продолжал наводить справки о политических событиях и придворных лицах, готовя материал для последующих трудов. Естественно, едва выйдя на свободу, Куртиль начал совершать один за другим новые неосторожные поступки, которые вновь стоили ему заточения в Бастилии, срока которого мы не знаем, тем не менее можем предположить, что оно было даже продолжительнее первого. Истощенный этим заточением, он скончался в Париже через несколько месяцев после освобождения, 8 мая 1712 года, в доме г-на де Бийи, владельца книжного магазина, «что подле образа Святого Иеронима» на улице Юрпуа. Таков был Куртиль де Сандра, журналист, полемист, памфлетист, прародитель историко-приключенческого романа, по мнению одних, духовный наследник Бюсси-Рабютена[10], по мнению других, предшественник Лесажа[11] и в любом случае духовный родственник Александра Дюма. Наиболее известной его книгой, несомненно, остаются Мемуары мессира д'Артаньяна, капитан-лейтенанта первой роты мушкетеров короля, содержащие множество вещей личных и секретных, произошедших при правлении Людовика Великого, которые впервые вышли в свет в трех томах в Кельне в 1700 году в издательстве Пьера Марто (псевдоним Жана Эльзевье), затем вторым изданием в Амстердаме у издателя Пьера Ружа в 1704 году и были переизданы в третий раз в 1715 году Пьером дю Кампом. В какой степени можно доверять этому произведению? В своем обращении к читателю Куртиль утверждает, что он якобы собрал «множество отрывков», обнаруженных в бумагах д'Артаньяна, и ограничился тем, что объединил их друг с другом в логическом порядке. На деле сам способ изложения в этой книге доказывает, что ее автор вряд ли работал на основе какого-либо текста, написанного рукой знаменитого капитана мушкетеров,

который лучше владел шпагой, чем пером. Если автор и описывает события, достоверность которых подтвердилась благодаря исследованиям последних лет, то он слишком часто грубо ошибается, путает даты и исторических лиц, искажает эпизоды, ибо – не будем забывать об этом – его герой успел умереть почти за тридцать лет до того, как сам он взялся за перо. Первые исторические исследования о жизни истинного д'Артаньяна, проведенные в начале этого века выдающимся эрудитом Шарлем Самараном, показали, сколь дерзко Куртиль занимался изобретательством¹². Многочисленные уточнения, проведенные нами в архивах, только подтвердили это первое впечатление. Уже во времена Куртиля нашлись люди, обратившие внимание на полностью апокрифический характер этого произведения. «Какая наглость печатать в трех томах Мемуары г-на д'Артаньяна, из которых д'Артаньяну не принадлежит ни одной строки», – читаем мы в анонимном письме, посланном из Роттердама лейтенанту полиции д'Аржансону 12 сентября 1701 года. Обратимся к столь же интересным, сколь малоизвестным Мемуарам графа Каррэ д'Алиньи, бывшего офицера мушкетерской роты. Он пишет: «Те, кто рассчитывает найти истинную историю г-на д'Артаньяна в некой книжке, озаглавленной Мемуары д'Артаньяна, будут обмануты в своих ожиданиях; автор сих никогда не был знаком с самим д'Артаньяном и заслуживал бы примерного наказания за то, что приписал столь значительной особе все эти романтические похождения, которые ему вздумалось изложить, по большей части не достойные даже более обыкновенных людей; сказанного достаточно для того, чтобы подорвать доверие к этому обманщику». Действительно, будучи неисправимым фельетонистом, Куртиль сводит Историю к цепи интриг, шпионских акций, измен, похищений, побегов, дуэлей. В Мемуарах мы видим, как д'Артаньян переодевается в платье монаха или повара, отправляется то с тем, то с другим посольством, изобретает тысячи забавных уловок, избегает ловушек и всегда, при любых обстоятельствах одерживает победу. Так что нашего сочинителя весьма легко уличить в распространении выдумок. К примеру, описывая многочисленные поручения, которые д'Артаньян выполнял в Англии или среди повстанцев-ормистов в Бордо^[12], он намеренно отождествляет своего героя с двумя беарнцами Исааком и Жаном-Шарлем де Баас, бывшими попеременно тайными агентами то Конде, то кардинала Мазарини. Вся эта история, написанная тяжелым устаревшим слогом, впрочем, передающим аромат своей эпохи, содержит описание множества мелких запутанных приключений и

длительных отступлений, которые на деле представляют собой романизованную хронику событий той эпохи, за исключением случаев, когда автор рассказывает свою собственную историю через посредство подставных персонажей. Короче, в этом произведении Роман и История соприкасаются, смешиваются и взаимопересекаются, причем первый оказывается испорчен, а вторая искажена. Итак, д'Артаньян из Мемуаров – это не тот д'Артаньян, который существовал в действительности, вопреки тому, во что пытались заставить поверить слишком многие авторы «истинных жизнеописаний», которые попросту с большей или меньшей степенью таланта пересказывали сочинение Куртиля. Итак, у нас есть три д'Артаньяна: д'Артаньян Дюма, д'Артаньян Куртиля и исторический д'Артаньян. «Д'Артаньян, или трехликий мушкетер», как сказал Эмиль Анри-о[13]. Вся сложность заключается в том, что первый в определенной степени зависит от второго, второй – от третьего, а о третьем, настоящем, почти ничего не известно. Поэтому пришлось начинать все сначала, обследовать почти неведомые пути, возвращаться к живым источникам и исходным рукописям, сохранившимся в публичных архивах. Обнаружив весьма многочисленные данные и неопубликованные документы, мы смогли совершенно по-новому взглянуть на известный сюжет и высвободить реального человека из его легендарного ореола. Теперь д'Артаньян может покинуть Роман и войти в Историю.

New Chapter

Глава I. Юнец из Гаскони Там, в краю мушкетеров, от тихих берегов Адура до шумных излучин Олорона, от Оша до По, от Ортеза до Тарба, от Вик-де-Бигор до Молеона, – там д'Артаньяна никогда не забывали! Там ему поклоняются, как поклонялись греческим богам, там стоят его изваяния, полностью следующие романтической традиции: со шпагой, в широкополой шляпе, с бородкой и усиками а la royale. Там он воплощает собой дух Гаскони, который иные назвали бы гением этой земли и присутствие которого незримо ощущается повсюду. Д'Артаньяна представляют скачущим галопом по поросшим лесом холмам Арманьяка или по старому графству Фезензак, гордо марширующим через деревни, дремлющие среди холмов желтой земли и сухих камней. Да, д'Артаньян – сын своей земли подобно тому, как маленький «Набулио» г-жи Летиции[14] навсегда останется сыном своего родного острова. Но где же, черт возьми, родился этот герой плаща и шпаги, которого каждый церковный приход, каждый город упорно считает своим? Его первый – литературный, естественно, – родитель, Куртиль де Сандра, немногословен в отношении его происхождения и детских лет. Он пишет то о «бедном гасконце», то о «беарнском дворянине»[15], но не указывает ни места, где тот провел детство, ни даты его рождения, ни даже его имени. Александр Дюма – само собой, поскольку он вдохновлялся трудами своего предшественника, – оказывается не более осведомленным. Он также считает его уроженцем Пиренеев или Беарна, возможно, гасконцем, но явно родом из земель доброго короля Генриха![16] Обращаясь с географией так же легко, как и с историей, он постоянно путает в своем рассказе эти две столь различные области, смешивает живые цвета своей палитры и в конце концов объявляет, что д'Артаньян родился в Тарбе... в Беарне![17] Так вот: пусть не обижаются беарнцы, д'Артаньян не имеет к их провинции никакого отношения. Он увидел свет не в По, и не в Оше, и не в Тарбе. Более того, он даже не

носил имени д'Артаньян... Под своим настоящим именем – Шарль Ожье де Бац де Капельмор – наш герой был коренным гасконцем и происходил из весьма скромного семейства, которое за полвека до того стало настаивать на своем дворянстве. Позднее, на протяжении всего XVIII века у членов семейства Бац-Капельморов неоднократно возникали неприятности с королевским правосудием, преследовавшим их за присвоение титулов. Пользуясь тем, что в Гаскони имеется большое число семей, носящих имя Бац или Дебац, они оправдывались, основываясь на брачном контракте некоего дворянина, относящемся к 1524 году, и на завещании 1546 года, полностью сфабрикованном значительно позже ради пользы дела. Не углубляясь в лабиринт родственных связей, в котором с удовольствием бродят любители генеалогии, скажем только, что в середине XVI века некий разбогатевший торговец Арно де Бац купил в графстве Фезензак замок Капельмор, относившийся к судебному округу Люпиака в приходе Мейме и принадлежавший ранее роду Пуи. Кроме того, он приобрел неподалеку «благородные покои» (то есть усадьбу) Ла Плэнъ «с тремя башнями и двумя консолями, со всем ей принадлежащим и от нее зависимым имуществом». Возможно, Арно был незаконнорожденным сыном Жана, сеньора де Сен-Жан, принадлежавшего весьма благородному роду Бац-Кастильон. Этого мы не осмелимся утверждать. Во всяком случае, достоверно известно, что, вопреки утверждениям ретивых и чересчур услужливых исследователей генеалогии, сам он вовсе не был дворянином. Ведь 12 мая 1565 года перед лицом сенешаля Лектура он отказался стать воспитателем нескольких дворянских детей под предлогом того, что «необходимо, чтобы воспитатели обладали достоинством своих воспитанников». Об Арно де Баце, который хитростью пытался причислить себя к земельной аристократии, скупал за большие суммы наличными дворянские имения разорившихся семей, мы практически ничего не знаем. Его старший сын Пьер, первый консул Люпиака[18], продолжал политику восхождения по сословной лестнице, женившись на Франсуазе де Куссоль. В его брачном контракте, составленном 1 апреля 1578 года люпиакским нотариусом г-ном Демонтом, слово «дворянин» было дополнительно приписано перед его именем другим почерком. У Пьера был сын Бертран – отец нашего мушкетера, – который унаследовал семейное имущество: имения Ла Плэнъ и Капельмор, а также ряд помещичьих прав и сеньориальные права ленных владений, пошлин и продаж в своем округе. Одержимый, как и его предки, бесом стремления к дворянству, Бертран породнился с

ветвью рода Монтеस्कью, одного из самых высокородных семейств Гаскони, потомков древних графов Фезензак. 6 февраля 1608 года в присутствии нотариуса из Вик-де-Бигора г-на Гандерата он сочетался браком с Франсуазой де Монтеस्कью, принадлежавшей сеньориальному дому д'Артаньянов. Имея еще множество детей, чьи браки предстояло устроить, отец Франсуазы, бывший офицер французской гвардии Жан де Монтеस्कью д'Ар-таньян, ограничился скромным даром в 1600 ливров, которые положил в корзину новобрачных. Бракосочетание состоялось в «замке д'Артаньян», на деле бывшем обычной фермой без каких-либо достопримечательностей, расположенной на берегу Адуря неподалеку от Вик-де-Бигора и Рабатена. Может быть, исходя из близости этой местности к Тарбу, Дюма и принял Тарб за место рождения своего героя? На самом же деле Шарль Ожье, сын Бертрана и Франсуазы, родился в старом доме Кастельмо-ров. К сожалению, точная дата его рождения, как и даты рождения его троих братьев – Поля, Жана и Арно, а также его трех сестер – Клод, Анриет и Жанны, неизвестна, поскольку относящиеся к этому периоду архивы церкви Сен-Жермье в Мейме, к приходу которой относился замок, не сохранились. Бесценная опись имущества (август 1635 года), составленная спустя два месяца после кончины Бертрана де Баца, позволяет нам представить семейную обстановку, в которой прошло детство д'Артаньяна. Эта обстановка была отнюдь не роскошной. Говоря по правде, Кастельмор вовсе и не был замком. Это был – и есть до сих пор – добротный двухэтажный каменный дом[19] без особых архитектурных изысков, находящийся на границе графств Арманьяк и Фезензак на тенистом холме, возвышающемся над небольшими долинами рек Дуз и Желиз¹³. Это строение, состоящее из одного дома прямоугольной формы, оканчивается на западной стороне двумя массивными квадратными башнями. В течение веков оно неоднократно перестраивалось. В ту эпоху, с которой начинается наше повествование, эта весьма скромно выглядящая дворянская усадьба была меньше, чем сейчас, и имела только две круглые восточные башни со стороны изначального фасада. Окопанная железом дверь открывалась в низкий зал с толстыми и холодными стенами, обставленный мебелью в грубом деревенском вкусе: «длинный стол», поставленный на козлы, по его сторонам две потерянные скамьи, буфет для посуды, пять кожаных кресел, «покрытых мало пригодным к употреблению стаметом», несколько обитых гобеленом и покрытых демикотоном табуретов, «налой у стены на полуночной стороне» и три старые картины на стенах. Из нижнего зала

можно было перейти в супружескую опочивальню, в которой стояли две кровати, два стола и три гардероба или шкафа, заполненных «старым бельем для обычного семейного пользования», «несколькими кружками и горшками для хранения конфитюров» и «некоторыми орудиями, служившими для обивки мебели совместно с куском gaze¹⁴ зеленого цвета». На нижнем этаже находились еще одна комната и просторная кухня, в которой имелись печь, старый буфет, железные крючья для котла «весом в 30 ливров» и длинные вертела «наподобие тех, что держат в харчевнях». Под ведущей на второй этаж деревянной лестницей стоял чан для солений, «в коем обнаружены 6 кусков свиного сала и 12 засоленных гусей для обеспечения семьи». В верхней зале стояло больше мебели, в частности: кушетка для отдыха, бильярд и 12 кресел, «наполовину истертых» и покрытых красным стаметом. Наверху было четыре спальни, в каждой стояли две кровати, покрытые желтым, зеленым или синим стаметом, с перинами и одеялами в чехлах, стол, скамья и сундук. Выйдя из комнат, можно было попасть в самую высокую башню замка, а оттуда – в устроенную на чердаке каморку сокольничего. В описи упоминаются еще находившиеся в замке 3 аркебузы с кремневым замком, 7 мушкетов, 2 шпаги, оловянная посуда общим весом в 300 фунтов, 6 латунных подсвечников, 2 малых котла, один большой котел, 3 кастрюли, 6 дюжин бывших в употреблении салфеток, 24 скатерти, 12 пар бывших в употреблении льняных простыней, 6 дюжин новых льняных салфеток и т.п. Здание соседствовало с маленькой домовою церковью, посвященной св. Франциску. Судя по обилию находившихся в ней стихарей и расшитых золотом риз, там довольно часто служили мессу. Чуть дальше находился сарай, в котором было множество пустых винных бочонков, бочки «для складывания винограда» и два чана, используемые в давилне. В достаточно просторной конюшне не было никого, кроме жалкого «черного жеребца-четырёхлетки» и рыжей лошади возрастом шесть лет... Обсаженная дубами и каштанами аллея выводила на древнеримскую дорогу, ведущую в сторону Тенареза, на которой оставили свои следы многие завоеватели. В одном лье от Кастельмора, на другом холме, находился Люпиак, ныне мирная община в департаменте Жер, кантон Эньян, округ Миранда. В начале XVII века это было небольшое военное укрепление. Городок был окружен пожелтевшими и обветренными стенами с несколькими толстыми зубчатыми башнями, одна из которых позднее стала называться башней д'Артаньяна. По неизвестным нам причинам семья Бац за несколько лет значительно

обеднела. Все девять принадлежавших ей в окрестностях ферм были обременены долгами. После смерти Бертрана весь его скот перешел в руки консулов и кредиторов. Несмотря на относительную бедность семейства, все барышни Капельмор достойно вышли замуж за местных дворян. В 1634 году Клод стала супругой Эктора-Антуана де Серриака, г-на Наваррона, дед которого – благородный предок! – был одним из убийц герцога де Гиза[20]. Анри вышла спустя шесть лет за Фри-Антуана де Лавардака, г-на Мейме. Младшая, Жанна, покинула монастырский пансион с тем, чтобы в 1652 году сочетаться браком со вторично овдовевшим Жаном-Антуаном д'Орфейем, г-ном де Пейру. Все сыновья Бертрана, за исключением Арно, тяготевшего к духовному поприщу, избрали военную карьеру. Что касается Арно, то, став доктором богословия и аббатом ком-менды Ла Рео в диоцезе Пуатье, он большую часть своей жизни прожил в Люпиаке, где в 1641 году стал ректором. Именно там этот почтенный человек мирно скончался в возрасте почти 80 лет в окружении своих прихожан. О жизни брата д'Артаньяна Жана, ставшего в 1650 году капитаном Персанского полка, почти ничего не известно. Несомненно, он погиб молодым на войне, и в его карьере, судя по всему, не было ничего примечательного. Напротив, о старшем из четырех братьев, Поль, родившемся в 1609 году, имеются более точные сведения. В мае 1640 года он фигурирует в списке личного состава роты королевских мушкетеров. В том же году, покинув этот престижный род войск, он участвовал в Итальянской кампании[21], имея чин лейтенанта французской гвардии. Согласно сообщению Газеты[22], он был ранен при осаде Турина, когда временно исполнял обязанности майора, руководя восемью гвардейскими ротами, находившимися под командованием графа д'Аркура. В июне 1642 года он вернулся в Капельмор, куда его призвали распри по поводу фермы, отчужденной от его наследственных земель. Поскольку дело затянулось, 12 июня он переделал быстрее завершение этого дела своему брату Арно, люпиацкому кюре. Потом мы опять встречаемся с ним при осаде Тортоны в Италии, где он 10 ноября получил еще одно ранение. На следующий год он получает чин капитана гвардии. Перед ним открывается возможность блестящей карьеры. Однако Поль, имеющий склонность к деревенской жизни, слишком хорошо чувствует беды своей наследственной земли, чтобы согласиться на постоянное проживание в гарнизоне. Закалившись в боях, он мечтает поднять Капельмор из руин, тем более что считает это своим долгом старшего сына. 26 сентября 1637 года по патенту короля Людовика XIII он

становится капитаном-лесничим в лесах Мазу и Кларака в Гаскони, а спустя девять лет к этим территориям добавляются леса Пелока и песчаные равнины Корбена. Вскоре после этого наш искусный охотник продает свою гвардейскую должность и окончательно удаляется в свои земли. Богатый и осыпанный милостями, он становится в этой местности своего рода патриархом, который имел честь в молодости служить сыну короля Генриха и Великому кардиналу[23]. Хотя в армии он был известен под именем господина д'Артаньяна, уйдя в отставку, он вновь принял имя Капельмор. Впрочем, в родных краях к имени столь знаменитой персоны с готовностью прибавляли слова «господин маркиз». Постоянно инспектируя свое имение и неустанно следя за работой арендаторов, внук Арно де Баца с удовольствием исполнял роль хозяина дарованной ему небом деревни. В январе 1665 года Людовик XIV пожаловал ему почетный титул губернатора крепости Брегансон. Это было небольшое провансальское местечко напротив Йоркских островов, ставшее знаменитым в наши дни из-за того, что теперь оно служит летней резиденцией президентам Французской республики. Но это еще не все. Благодаря своему образцовому поведению Поль в мае 1667 года сменил г-на де Пуанна на посту губернатора городка Наварранс на реке Олорон, и этот патент на его имя регулярно возобновлялся вплоть до его смерти. Поль долгое время не вступал в брак. Только в возрасте 58 лет он решил наконец жениться. В супруги он взял мадемуазель Анну-Генриетту, дочь Жана-Оливье де Пюжолле, виконта де Жюлиак. Увы! Его семейное счастье длилось недолго. Спустя год после женитьбы его жена скончалась, родив слабенькую девочку, также умершую через 12 дней после рождения. Поль де Бац, «маркиз Капельмор, сеньор д'Эспа, д'Аверона и других мест», прожил еще долгие годы, с болью наблюдая, как уходят близкие ему люди. Он был очень богат и известен в своих краях благотворительностью. Покровительствуя люпиакскому приюту, он построил придел Богоматери в церкви города Бобеста, который в какой-то мере стал семейной молельней Бац-Капельмо-ров. Именно там он и был похоронен. Благодаря почтенному возрасту он стал весьма известен среди мемуаристов и читателей газет. По свидетельству Данжо[24], он умер в мае 1703 года «в возрасте более чем 110 лет». Сен-Симон не был столь щедр, однако и он пишет, что Поль Капельмор прожил более ста лет. На самом деле старому губернатору Наварранса, видимо, было где-то около 94 лет, что тоже неплохо. Обратимся же теперь к его младшему брату Шарлю, который собственно нас и интересует благодаря своей исторической и

литературной славе. По правде говоря, у нас нет никаких данных о том, как протекало его детство в Люпия-ке. Как мы уже сказали, дата его рождения неизвестна. Одни относят ее к периоду между 1611 и 1615 годами, другие, делая на основе рассказа Куртиля де Сандра вывод, что он юношей прибыл в Париж около 1640 года, предпочитают отнести время его рождения к 1620-1623 годам. Из уже упоминавшейся инвентарной описи дома Кастельмороров следует, что в 1635 году трое из четырех братьев, Поль, Жан и Шарль, уже уехали из Гаскони; они «отсутствовали в этой земле и были на службе Его Величества». Один из более ранних документов, о котором мы еще поговорим, позволяет сделать вывод, что д'Артаньян уже был на военной службе в марте 1633 года. Речь идет о «реестре смотра» мушкетеров, прошедшего в Экуане близ Шантийи. В этом документе упоминается имя «Шарль д'Артаньян». Никаких сомнений: речь идет о нашем герое. Но сколько же лет могло ему быть в это время? Чуть больше двадцати. Тогда дата его рождения смещается к 1613 году, с возможной ошибкой на 3-4 года в сторону увеличения возраста. Поняв это, нам следует сразу перестать верить в те приписанные ему литературным вдохновением Дюма живописные приключения, которые относятся к первой половине царствования Людовика XIII. Речь идет о событиях, связанных с любовью Анны Австрийской к очаровательному Джорджу Вильерсу, герцогу Бекингемскому, о борьбе против ужасного кардинала Ришелье, об осаде Ла-Рошели... Во времена, когда разворачивались все эти события, Шарль де Бац был еще подростком, который дрался с соседскими мальчишками, шлепал по лужам Люпияка и разорял в лесу птичьи гнезда. Чему учили младших сыновей (в то время в области между Гаронной и Пиренеями их называли *carpet*, в отличие от современного *cadet*), готовя их к королевской службе? Читать, писать, считать, вдобавок начаткам латыни и элементарным основам катехизиса. Этому учил и люпияцкий ректор дядюшка Даниэль, единственный «ученый» человек в селении. Возможно, какой-нибудь старый учитель фехтования обучал еще владению рапирой. И еще были прогулки верхом по всей округе вместе с отцом, учившим держаться в седле. Получившему весь этот нехитрый багаж знаний молодому человеку 16 или 17 лет было уже незачем умирать со скуки в родовом имении, в котором к тому же было немало и других нахлебников. Конечно, имение Кастельмороров не было нищим замком капитана Фракасса[25], однако с многочисленностью птенцов гнезда Кастельмороров нельзя было не считаться. Итак, в один прекрасный день во времена правления

Людовика Справедливого[26], где-то в лето Господне 1630 года, юный Шарль, обняв свою мать и сестер и получив последние наставления отца, распахнул ворота старого семейного имения и, полный достоинства, не оборачиваясь, поскакал по дороге в Париж. Со времени правления доброго короля Генриха[27] множество таких гасконцев и беарнцев, дворянчиков без гроша за душой, достигнув возраста, в котором пробуждаются честолюбивые надежды, покинули отчий дом с тем, чтобы поискать славы и удачи. Они на несколько лет опередили великую иммиграцию сельского дворянства, которую впоследствии намеренно спровоцировал сын Людовика XIII. Для покупки мушкета, длинной шпаги и новой одежды было достаточно иметь 250 ливров. Многие так и оставались в солдатах, не сумев пройти ступень низших офицерских чинов. Другие, не имея постоянной службы, с голодным видом и вызывающе торчащими усами, жили группами в столичных трущобах, деля на всех скудный достаток, единственную приличную одежду и беднягу лакея. С утра до вечера эти отъявленные дуэлянты бродили по небезопасным улочкам Парижа с длинной шпагой, болтающейся на боку и бьющей их по икрам, шумно вторгались в дешевые харчевни и кабаки на берегах Сены в поисках какого-нибудь занятия, приключений или противника. Чем неказистее был вид такого вояки, чем больше дыр и следов починки было на его выцветшей куртке, тем яростнее кидался он на защиту своей чести. Таковы были эти гасконские дворяне, горячие, неотесанные, ходившие, выпятив грудь, вызывающе наглые и всегда готовые обнажить шпагу и разразиться колоритными проклятиями, произносимыми со звучным, свойственным их провинции акцентом. Эдмон Ростан[28] ничуть не приукрасил портрета, увековечив их в следующем стихе: Вот младшие дети Гаскони, Бретеры с младенческих лет, Бахвалы, что вечно трезвонят О предках, гербах и короне: Знатнее мощенников нет... Взгляд сокола, ноги вороны, Кошачьи усы, волчий след, Заколют, но честь не уронят! Некоторым из этих людей удалось добиться невероятного успеха, как, например, маршалу Жану де Гассиону, кузену супруги д'Артаньяна, который на несколько лет раньше его уехал из родных мест на старом тридцатилетнем малорослом коняге, привесив башмаки к палке, причем, как пишет Тальман де Рео[29], «казалось, что у молодого человека с деньгами так же плохо, как и с лошадыю». Однако это не помешало ему решительно двинуться вперед по пути славы. То же можно сказать о сыне торговца из Олорона, которого Бассомпьер упоминает в своем Журнале, а Дюма – в Трех мушкетерах – об Арно-Жане де

Пейре, г-не де Труави-ле, или, в местном произношении, де Тревиле, который благодаря храбрости и упорству возвысился до звания губернатора и сенешаля[30] Мон-де-Марсана, капитан-лейтенанта мушкетеров гвардии и закончил свою карьеру в чине генерал-лейтенанта королевской армии. Таков же был маршал Антуан де Грамон, прибывший ко двору в 1624 году с несколькими су в кармане в сопровождении старого управляющего родовым имением, слуги и старого лакея-баска. Рассказывают, что вечером за ужином у него хватило денег только на кусок хлеба. Все эти дворяне из южных краев, которых нужда гнала из разоренных поместий, имели лишь одно желание: поискать счастья на службе у сына короля Генриха. Несомненно, именно с этой же мечтой в сердце юный Шарль медленно тащился на своей кляче по пыльной дороге в Париж... Глава II. Три мушкетера Можно легко представить себе восхищение и другие чувства, охватившие, должно быть, молодого путешественника, когда в конце своего долгого пути он увидел силуэты башен Нотр-Дам, башни Сен-Жак-де-ла-Бушри и глыбу зубчатых стен Бастилии. Париж, мечта гасконцев, Париж с его узкими и живописными улочками, с площадями, кишачими пестрыми толпами торговцев вразнос, носильщиков и цветочниц, с палатками фокусников на Новом мосту, с баржами на Сене, со зданиями старого Лувра и угрюмым двором короля Людовика XIII. Да, Париж воистину был другим миром, и для всех этих полунищих провинциальных дворянчиков он был единственным городом, в котором, как говорил Жан де Жанден, «жили полной жизнью». Согласно легенде, впрочем, весьма похожей на правду, юный Шарль прибыл в столицу, имея при себе рекомендательное письмо, написанное его отцом и адресованное кому-то из высших военных командиров, что должно было облегчить ему доступ в качестве младшего чина в престижный полк французской гвардии. Будучи элитарным пехотным корпусом, этот род войск представлял собой в XVII веке нечто вроде передового боевого отряда, который участвовал и в войнах, и в парадах, отдаленно напоминающая более позднюю императорскую гвардию Наполеона. Французская гвардия была создана в 1563 году при Карле IX[31], потом была распущена и спустя несколько лет вновь воссоздана по окончании осады Гавра. Так что во времена Людовика XIII у нее была за плечами уже достаточно длительная боевая традиция. В 1630 году в гвардейский полк входило около двадцати рот по 200 человек в каждой. Полк находился под командованием генерал-полковника от инфантерии герцога д'Эпернона. Кадетами в это время называли совсем

молодых людей (иным не было даже 14 лет), которые в течение года или двух обучались владеть шпагой, пикой и мушкетом. Поскольку они полностью жили на довольствии поилка, никакого жалованья им не полагалось. Когда период обучения заканчивался, они могли получить «низший офицерский чин», то есть стать ефрейтором, капралом или сержантом. Те, что побогаче, покупали офицерскую должность: сначала должность знаменосца роты, затем лейтенанта и позже – капитана¹⁵. Само собой разумеется, что система продажи должностей была на руку более обеспеченным семьям и потому мало способствовала улучшению качества пополнения. Иногда – и это являлось некоторой коррективной жесткостью принципа – король мог внести необходимую сумму для покупки должности либо мог «пожаловать» должность какому-либо претенденту. Все кадеты имели также возможность, приняв участие в двух или трех военных кампаниях, перевестись в более почетный род войск, то есть в мушкетеры или в полк лейб-гвардии, и таким образом нести дальнейшую службу в непосредственной близости Его Величества. Согласно утверждениям Куртиля, д'Артаньян начал свою военную карьеру около 1640 года в роте г-на Гийона дез Эссарта, капитана французской гвардии и шурина г-на де Тревиля. Дюма воспользовался этим указанием, но перенес события лет на 15, чтобы заставить своего героя участвовать в осаде Ла-Рошели. В действительности же барон дез Эссарт получил звание капитана гвардии только в 1642 году и оставался в этом полку всего несколько месяцев, оказавшись замешанным в заговор Сен-Мара[32]. Сохранились два «реестра» роты дез Эссарта за 1642 год, в которых приводится полный список солдат, младших и старших офицеров. Один реестр был составлен в Лионе в апреле, другой – в октябре во время осады Перпиньяна. Ни в одном из них д'Артаньян не упоминается. В 1640 году сын Бертрана де Баца уже покинул свое гас-конское имение и лет 12 служил в королевских войсках. Принимая во внимание при этом, что он, вероятно, прошел обычный послужной путь в гвардейском полку, он должен был вступить в него где-то около 1630 года. Три года спустя его имя фигурирует в списке мушкетеров, участвовавших в смотре в Экуане 10 марта 1633 года. Ротным капитаном был в то время Жан де Вильшатель, г-н де Монталан, а его лейтенантом[33] – г-н де Тревиль. Этот первый документ, упоминающий Шарля д'Артаньяна и обнаруженный в начале нашего века неутомимым исследователем Жаном де Жорженом, вызвал недоумение тогдашних историков. Не зная о существовании инвентарного списка, составленного после

смерти Бертрана де Баца и удостоверяющего, что в 1635 году трое отпрысков Капельмора – Поль, Жан и Шарль – уже покинули родительское гнездо, они по-прежнему придерживались версии Куртиля. Для них д'Артаньян родился в 1623 году и приехал в Париж в конце правления Людовика XIII. Так что вновь обнаруженный «Шарль д'Артаньян», носящий такое же имя, что и знакомый им герой, мог быть для них только старшим сыном Бертрана II де Баца и Франсуазы, безвременно погибшим на войне. Наш кадет якобы занял его место. Все это явная выдумка, опровергаемая семейными архивами. Итак, можно быть уверенным, что юный Шарль де Бац де Капельмор прибыл в Париж около 1630 года и два или три года спустя стал мушкетером. Что же это был за престижный род войск – мушкетеры? В XVI веке словом «мушкетеры» называли солдат, вооруженных мушкетами и служивших в ротах копейщиков. По правилам на трех копейщиков должен был приходиться один мушкетер. Будучи новейшим достижением в области военного вооружения, мушкет был оружием тяжелым, сложным и неповоротливым в обращении. Существовало два типа мушкетов в зависимости от системы производства выстрела: действием кремневого замка или от фитиля, но в обоих случаях перезарядка и производство выстрела требовали выполнения девяти операций. Кроме того, владельцу этого оружия был нужен слуга, задачей которого было переносить мушкет и его аксессуары, запас пороха, пули и сошку, которая втыкалась в землю для обеспечения более или менее точной стрельбы. Усовершенствования, введенные при Карле IX, позволили отказаться от этих громоздких вспомогательных частей. В это время число мушкетеров значительно возросло. Они имелись почти во всех воинских частях, их легко было узнать по шишкам, шлемам и тяжелым кирасам с набедренниками. Вплоть до этого момента солдаты-мушкетеры не пользовались никаким особым престижем. В 1600 году Генрих IV создал для своей личной охраны элитарную роту, в которую вошли дворяне, вооруженные легкими карабинами. Они должны были сражаться верхом, следуя в бою за знаменитым плюмажем на шлеме своего государя[34]. Естественно, эти храбрые воины получили наименование карабинеров. В 1622 году Людовик XIII приказал заменить их карабины нарезными мушкетами. Именно тогда их стали именовать «мушкетерами королевского военного дома[35]». В роту входили капитан, корнет, квартирмейстер и сотня «мэтров», тщательно отбиравшихся с учетом вкусов короля и особенно вкусов их капитанов – сначала Жана де Монтале, а затем Жана де Вильшатель де

Монталана, которые оказывали явное предпочтение дворянам из Гаскони и Беарна. Приняв участие в операциях на острове Ре (1627), в штурме савойских укреплений Па-де-Сюза (1629) и в битве при Рувруа против лотарингцев (1632), эти люди выказали каждым своим действием столь безумную храбрость, что король и кардинал пришли в невероятное восхищение, и в октябре 1634 года Людовик XIII решил лично возглавить их, а капитан-лейтенантом¹⁶ назначить одного из самых отважных удальцов в роте Жана де Пейре, графа Труавиль. Несомненно, именно вступая в роту мушкетеров, молодой Шарль де Бац взял имя своей матери, которое принесло ему посмертную славу. Если быть совсем точным, следовало бы говорить не д'Артаньян (d'Artagnan), а Артаньян (Artagnan), или Артеньян (Artaignan), или уж по меньшей мере ставить перед фамилией какой-нибудь титул: шевалье или месье д'Артаньян. Однако в XVII веке написание родовых имен было, как известно, весьма курьезным. В документах можно найти в равном количестве не только написанные d'Artagnan, но и Dartagnan, Dartaignan, Artagna, Artagnant... Наш герой писал свое имя с буквой «i», сохраняя его архаическую форму, как, например, художник Филипп де Шампень (Philippe de Champaigne). Он всегда подписывал свое имя со строчной буквы. В XVI веке скромное владение Артаньян (Artagnan или Artaignan) близ Вик-де-Бигора перешло к Монтестью после женитьбы Полона де Монтестью, шталмейстера короля Наваррского Генриха д'Альбре, на Жакметте д'Эстен, г-же д'Артаньян. Супруги вступили в брак с условием общности имущества и «по причине любви», что являлось в ту эпоху столь исключительным, столь невероятным мотивом вступления в брак, что его даже сочли необходимым внести в брачный контракт! После смерти благородной супруги Полон принял имя г-н д'Артаньян. Его сын Жан отправился на войну с полком французской гвардии, где имел чин знаменосца, и был первым, кто заставил прозвучать при дворе Генриха IV имя своей матери. Это не помешало ему произвести на свет 11 детей от своей супруги Клод де Базильяк, среди них – Франсуазу, мать знаменитого мушкетера, Анри, ставшего впоследствии лейтенантом короля в Байонне (и отцом маршала Монтестью), и Арно, унаследовавшего владение д'Артаньянов. Согласно записке, обнаруженной в бумагах королевских составителей генеалогий д'Озье и Шерена, сам Людовик XIII пожелал, чтобы Шарль де Бац, в то время юный кадет гвардии, носил имя д'Артаньян в память об услугах, оказанных королю его «дядей по материнской линии» (на самом деле – дедом со стороны матери).

«Именно это, – добавляется в записке, – уравнило Монтеस्कью-Фезензаков с Бац-Кастель-морами, которые во всех отношениях стоят несравнимо ниже Монтеस्कью». Судя по всему, это объяснение было придумано *a posteriori* и скорее всего в начале XVIII века, когда Бац-Кастель-моров стали преследовать за незаконное присвоение дворянского звания. Более правдоподобно предположить, что Шарль по собственному побуждению решил носить имя своей благородной матери, явно имевшее более высокий престиж, нежели имя отца, в котором слышался отзвук его простонародного происхождения. В Париже молодой человек быстро свел знакомство со своими соотечественниками, приехавшими, как и он, поискать счастья в рядах королевской армии. Особую симпатию он испытывал к знаменитому Франсуа де Монлезену, называвшему себя маркизом де Бемо и бывшему мушкетером, затем сержантом французской гвардии и окончившему службу в чине коменданта Бастилии. Дюма вывел его на сцену в Виконте де Бражелоне в эпизоде с Железной маской. Куртиль де Сандра хорошо знал его в этой последней должности, поскольку в течение многих лет находился на его попечении в древней крепости в Сент-Антуанском предместье. Разумеется, он испытывал к нему как раз такую любовь, какую бывший узник может питать к своему тюремщику. Из-под его пера вышел карикатурный портрет Бемо: он выглядит тщеславным болтуном, гнусным скупердям, трусом и интриганом, страшно разбогатевшим, «не сделав при этом ни одного мушкетного выстрела». Этот портрет суров и смахивает на грубый шарж, хотя в том, что Бемо обладал значительным состоянием, сомневаться не приходится, но именно воином он показал себя весьма и весьма стойким. Об этом мы еще поговорим. Д'Артаньян завел и другие знакомства. Все помнят злополучное прибытие юного провинциала в дом мушкетеров таким, каким его описал Александр Дюма. С раннего утра роскошный дом г-на де Тревиля был наполнен бурлящей толпой мушкетеров в шляпах с перьями, богато разодетых офицеров в кружевных воротниках, слуг в ливреях, лихорадочно толкающихся в прихожей. Наш молодой человек пришел туда, имея химерическую надежду добиться того, чтобы его сразу приняли в роту. Столь же бестактный, сколь высокомерный, юноша преуспел только в одном: всего за несколько минут он был вызван на три дуэли тремя мушкетерами. И какими мушкетерами! Атосом, Портосом и Арамисом, самыми искусными фехтовальщиками королевства, заставлявшими дрожать даже гвардейцев Его Преосвященства... Все, конечно, помнят и о том, как впоследствии, встав на их сторону и

скрестив шпагу с их извечными противниками, молодой гасконец приобрел их доверие и стал их лучшим другом. Атос, совершенный образ дворянина, жил под псевдонимом, скрывавшим одно из лучших имен Франции, – на самом деле он был граф де Ла Фер, чьи Мемуары якобы помогли Дюма создать свою эпопею. Затем – колоритный Портос, чья колоссальная сила и не менее безграничная храбрость основными чертами в чем-то напоминают генерала Дюма, отца романиста[36]. Зовут же Портоса г-н дю Валлон де Брасье де Пьерфон¹⁷. Согласно роману, этот честолюбивый человек, но верный товарищ получил титул барона на службе Мазарини. И наконец, Арамис – это шевалье д'Эрбле, выдающийся и загадочный человек, полуаббат, полумушкетер, одновременно участвующий и в интригах, и в военных действиях. Дюма от щедрот своих делает его (в Виконте де Бражелоне) епископом Вана, генералом ордена иезуитов и, наконец, испанским грандом, герцогом Аламеда... Этому знаменитому трио недоставало главы, человека, который соединил бы в себе их исключительные достоинства, но не разделял бы их недостатков. Известно, что этим человеком стал д'Артаньян, типичный герой романа плаща и шпаги, смелый, щедрый, умный, даже хитрый человек, чья верная шпага не знает промаха. Таковы эти «три мушкетера, которых на самом деле было четыре». Мы уже знаем, что д'Артаньян – реальное историческое лицо, и нам предстоит узнать о его настоящей жизни. А Атос? А Портос? А Арамис? Эти имена кажутся вымышленными... Прошло много лет, прежде чем Дюма признался в этом. В литературном еженедельнике *Le Pays Natal* в 1864 году он написал: «Меня спрашивают, когда именно жил Анж Питу, мы, мол, с ним не встречались... Это вынуждает меня сказать, что Анж Питу, так же как и Монте-Кристо, так же как Атос, Портос и Арамис, никогда не существовал. Все они просто признанные публичной побочные дети моего воображения». Однако славный Дюма даже в лучшие моменты искренности с трудом позволял себе честные и полные признания. «Побочные дети моего воображения»... Это выражение неточно. Если уж они «побочные дети», то их появлением на свет мы обязаны Куртилю, а не автору Трех мушкетеров. Куртиль действительно упоминает в тексте Атоса, Портоса и Арамиса. Правда, в Мемуарах г-на д'Артаньяна эти три товарища остаются эпизодическими персонажами и исчезают по мере развития сюжета, а Дюма увлеченно продлевает их бурное существование вплоть до правления Людовика XIV. Изначально же это были не три друга, а три брата, которых д'Артаньян встретил в доме г-на де Тревиля:

«Мушкетера, с которым я заговорил, звали Портос. У него было в полку два брата, из которых одного звали Атос, а другого – Арамис». Само собой разумеется, что Куртиль вовлекает их в столь же невероятные приключения, как и его достойный последователь. Итак, можно подумать, что это полная выдумка. Вместе с тем – и это еще один из сюрпризов Истории – эти три человека действительно существовали. Да! Атос, Портос и Арамис, дворяне родом из Беарна, реально жили, и, что еще удивительнее, их странные фамилии – это действительно их настоящие фамилии. Недаром Тальман де Рео в свое время с иронией сказал, что от имен беарнских мушкетеров «собакидохнут»! До сих пор существует деревушка Атос, расположенная на правом берегу горной реки Олорон между Совтер-де-Бе-арн и Орасом¹⁸. В XVI веке «доменжадюр» (domenjadur, или господский дом) Атоса принадлежал Аршамбо де Силлегу, совтерскому капеллану. Его наследником стал некий Жоан д'Атос, сын Жаклин де Силлег. Впоследствии он стал врачом короля Наварре кого Генриха П. Семейства д'Атос и де Силлег постепенно приобретали ореол благородства и сколачивали состояние, подвизаясь в местной торговле. Сначала они получили титул «купец», затем «дворянин» и наконец – высшая честь! – стали «монсенъорами». Этот последний титул носил в 1597 году Пейротон де Силлег д'Атос. В этом нет ничего необычного. Бац-Кастельморы и многие другие шли тем же путем. Одним словом, изрядная часть нашего «старого дворянства», претендующего на то, что их род восходит к временам, предшествовавшим Крестовым походам, на деле возникла не позже XVI века. Итак, в начале XVII века некто по имени Адриан де Силлег д'Атос, владелец Отвьеля и Казабера, женился на демуазель де Пейрэ, дочери «купца и присяжного заседателя» в Олороне и двоюродной сестре г-на де Тревиля. От этого союза где-то между 1615 и 1620 годами родился наш Атос: Арман де Силлег д'Атос д'Отвьель. Будучи троюродным племянником капитана мушкетеров, он, понятно, вступил в его роту (около 1641 года). Атос прожил недолго. Он умер в Париже в декабре 1643 года. Свидетельство о его смерти имеется в регистрационных книгах церкви Сен-Сюльпис: «Препровождение к месту захоронения и погребение преставившегося Армана Атоса Дотюбъеля (sic!), мушкетера королевской гвардии, найденного вблизи от рынка на Прэ-о-Клер» (22 декабря). Формулировка этого лаконичного текста заставляет предположить, что он умер вследствие тяжелого ранения, полученного на дуэли. Так что все последующие приключения, отнесенные Дюма к его жизни после 1643 года, - чистая фантазия. Атос не

был ни супругом Шарлотты Беккер, прозванной «Миледи», ни активным участником Фронды[37] в Двадцать лет спустя, ни возлюбленным герцогини де Шеврез, ни тем более отцом романтического Рауля де Бражелона, скромного воздыхателя Луизы де Лавальер¹⁹. А вот – мессир Портос, или, точнее, Исаак де Порто, происходивший из беарнской дворянской протестантской семьи. Его дед Авраам, закоренелый гугенот, потчевал наваррский двор жареными пулярками и различными блюдами под соусом. Дело в том, что он был «офицером кухни» короля Генриха во время его пребывания в По. Его отец, также носивший имя Исаак, занимался более интеллектуальной деятельностью, поскольку служил нотариусом при Беарнских Провинциальных штатах. Он женился на demuазель де Броссе и имел от нее дочь Сару. Овдовев, он сочетался вторым браком с Анной д'Аррак, дочерью «проповедника слова Божия в церкви Оду». Он стал богатым землевладельцем и пользовался покровительством благородного сира Жака де Лафосса, королевского наместника в Беарне. «Портос» был младшим из его троих сыновей. Он был крещен в По 2 февраля 1617 года, а позже вступил в гвардейский полк, в роту дез Эссарта, и фигурирует в двух уже упомянутых реестрах 1642 года. О его вступлении в мушкетеры ничего не известно, и можно задать себе вопрос, вступал ли он вообще в эту роту. Симпатичный Исаак де Порто не стал ни бароном дю Валлон, ни сеньором де Брасье или де Пьерфон, как утверждает Дюма. Он досрочно вышел в отставку и уехал в Гасконь. Возможно, это было следствием полученных на войне ранений. В 1650-х годах он занимал незаметную должность хранителя боеприпасов гвардии в крепости Наварранс; эту должность обычно давали недееспособным военным. Его старший брат Жан де Порто стал инспектором войск и артиллерии при губернаторе Беарна. «Портос был соседом моего отца, он жил от него в двух или трех милях», – пишет Куртиль-д'Артаньян. На деле добрая сотня километров разделяет Кагельмор и сельское поместье в Ланне, колыбель семейства Порто, квадратные башни которого до сих пор возвышаются в прекрасной долине Вера, несущего свои воды с Пиренеев. Однако в менее чем двух лье от Ланна, в долине Барету, находится аббатство Арамиц, светским аббатом которого был третий из наших мушкетеров. Неподалеку лежит небольшая деревня Арамиц, мирный центр кантона, в котором живет несколько сот человек. Наш Арамис, которого звали Анри д'Арамиц, родился около 1620 года. Он принадлежал к старинному беарнскому роду, прославившемуся в военных действиях. Во время религиозных войн

Арамицы участвовали в бесконечных драках, опустошивших Нижнюю Наварру и Суль. Некий капитан гугенотов Пьер д'Арамиц заслужил в этих стычках основательную репутацию бретера. У Пьера было трое детей: Феб, Мария, вышедшая замуж за Жана де Пейрэ и ставшая, таким образом, матерью будущего графа де Тревиля, и, наконец, Шарль, женившийся на Катерине д'Эспалунг. Этот последний и был отцом Анри. Как и его дальний родственник Атос, Арамис, будучи двоюродным братом капитана мушкетеров, вступил в 1641 году в его роту. Десять лет спустя мы вновь встречаем его в его родных краях, где он женился на демуазель де Беарн-Бонасс, от которой произвел на свет троих сыновей. В апреле 1654 года, намереваясь в скором времени вернуться в Париж, он составил завещание. Через два года он опять приехал в Беарн и мирно скончался там спустя еще 18 лет. Не исключено, что д'Артаньян был знаком с Атосом, Портосом и Арамисом. Сделаем в этом уступку легенде. Ведь беарнцы и гасконцы образовывали в Париже маленькие закрытые кланы, члены которых наверняка постоянно общались друг с другом. Однако в отличие от того, что написано в романе, их совместные приключения длились недолго; возможно, им хватило времени лишь на то, чтобы нанести тут и там пару хороших ударов шпагой да поразвлекаться в веселых компаниях в кабаках «Юдоли плача»[38] и трактирах возле рынка в Сен-Жерменском предместье. Рапиры королевских солдат покидали ножны по любому поводу. Каждый год некоторая часть воинственной молодежи, подхватив болезнь «долга чести», погибала во цвете лет после такого рода встреч. Кардинал Ришелье стремился запретить эту дошедшую со времен феодализма предосудительную практику, действуя столь же решительно, как тогда, когда он приказывал скрыть укрепленные замки. Однако нравы никогда не поспевают за приказами. Из бравады многие дворяне продолжали устраивать стычки, да так, что мода на дуэли, еще весьма распространенная в конце царствования Людовика XIII, не исчезла окончательно даже спустя сто лет. Поэтому Ришелье приходилось дозировать свою строгость в зависимости от того, принадлежали или нет виновные к числу его врагов. Известно, сколь неумолим был он в отношении молодых безумцев Росмадека и Буттевиля, устроивших драку на Королевской площади на глазах восхищенных зевак. Напротив, когда в подобных стычках оказывались замешаны его собственные солдаты, достойный прелат закрывал глаза. Между людьми кардинала, которыми командовал г-н де Кавуа, и людьми короля, которым предводительствовал удалой де Тревиль, существовали неприязнь и

соперничество, доводившие до самых отчаянных ссор. По вечерам они подкарауливали друг друга в темных и грязных улочках Парижа, чтобы всерьез сцепиться, как это делали шайки нищих по выходе из Двора чудес[39]. «Королю доставляло удовольствие, – рассказывает отец Даниэль в своей Истории французской милиции, – узнавать, что мушкетеры в очередной раз грубо обошлись с гвардейцами кардинала, а кардинал, подобно ему, аплодировал, когда побиты оказывались мушкетеры. Поскольку дуэли были запрещены, поединки мушкетеров и гвардейцев кардинала легко сходили за обычные состязания». Эти варварские и опасные забавы прервала война. Согласно двум военным историкам XVIII века Пинару и Лепиппру де Нефвилю, д'Артаньян получил боевое крещение при Аррасе, служа в гвардейском полку. Затем он участвовал в осаде Эр-сюр-ла-Лис, Ла-Бассе и Бапома. Эти два автора подчеркивают также его присутствие при осаде Каллиура и Перпиньяна в 1642 году. На следующий год, по их свидетельству, он сопровождал герцога д'Аркура в его поездке через Ла-Манш к Карлу I Английскому. Там он якобы присутствовал при сражении у Ньюбери, произошедшем 20 сентября 1643 года между королевскими войсками и солдатами Парламента. Спустя несколько месяцев мы вновь видим его во Франции при осаде Ла Байетты, Ла Капеллы, Сен-Фалькена и Гравелина. После этого, согласно их данным, он участвовал в кампании 1645 года вместе с отважной ротой г-на де Тревиля, присутствовал при взятии Касселя, Мардика, Линка, Бурбурга, Бетюна, Сен-Венана... Остановимся на этом. Правда состоит в том, что, не имея точных данных о юности нашего мушкетера, Пинар и Лепиппр де Нефвиль удовлетворились тем, что позаимствовали информацию из апокрифического труда Куртиля. На деле же мы, строго говоря, ничего не знаем о том, что делал д'Артаньян с 1633 года - даты вступления в роту мушкетеров – до 1646 года. Точно известно только одно: он недолго оставался среди мушкетеров, поскольку в 1640 году в призывных списках роты значится уже не он, а его брат Поль. Что же произошло? Вполне возможно, что он и далее продолжал служить в королевских войсках. Возможно, он, как и его друг Бемо, служил какое-то время младшим офицером французской гвардии. В любом случае, маловероятно, чтобы он сопровождал герцога д'Аркура в Англию. В Мемуарах государственного секретаря по иностранным делам Ломени де Бриенна, равно как и в связанной с этой миссией дипломатической переписке, о нем нет никаких упоминаний. Давайте же минуем этот кроющийся во тьме период, на который вряд ли когда-нибудь

удастся пролить свет, и перейдем к тому самому 1646 году, когда карьера д'Артаньяна и Бемо была отмечена весьма значительным событием, во многом наложившим отпечаток на всю их дальнейшую судьбу: в это время они оба поступили на службу к кардиналу Мазарини. Глава III. Простой дворянин на службе Его Преосвященства Итак, д'Артаньян и Бемо предстали пред очами нового хозяина Франции «синьора Джулио Мазарини», первого министра регентствующей королевы[40]. Между гасконцами и итальянцем быстро установилось взаимопонимание. Кардинал оценил достоинства своих новых подчиненных, а два бывших мушкетера вдруг инстинктивно поняли, что кардинал – великий политик. Вместе с несколькими другими людьми они составили так называемую свиту «простых дворян» Его Преосвященства, или, как их тоже называли современники, свиту его «домашних», причем в этот термин не вкладывалось никакого пренебрежения. Их должность совмещала функции посыльного, которому поручалось доставлять наиболее важные депеши, и политического агента. Это были сторонники, в полной мере преданные службе кардиналу и исполнявшие функцию военных курьеров, объявлявших о передвижениях войск, сообщавших своему начальнику о действиях противника, набравших пополнение и т.п. Бемо и д'Артаньян думали, что в материальном плане их новые должности принесут им то, чего они никогда не смогли бы получить в роте мушкетеров или во французской гвардии: богатство в виде тех славных полновесных звонких монет, которыми, как говорили, была полна государственная казна. Увы! События быстро показали, что эти надежды – чистая иллюзия. Во-первых, государственная казна была не так полна – отнюдь! – как многим хотелось верить. Кроме того, кардинал, неохотно расстававшийся со своими эку, серьезно намеревался сколотить свое личное состояние и ни в коей мере не распространял это намерение на своих подчиненных. Этот Гарпагон[41] в красной сутане, вытащив их из неизвестности, быстро приучил их к своему образу действий и заставлял, не щадя себя, за ничтожное вознаграждение совершать долгие и опасные поездки. Всего за несколько месяцев такого образа жизни наши два солдата стали неузнаваемы. На несчастных нельзя было смотреть без жалости: изможденные лица, обвислые поля шляп, потертые кюлоты, основательно заплатанные куртки. В таком виде их не допустили бы даже до службы в передней. Похоже, в иные вечера у них не находилось даже одного су, чтобы поужинать. Их мечта о славе, почестях и деньгах рассеялась, как дым на ветру, оставив в сердце грусть и

горечь, вполне понятные у горячих и честолюбивых молодых людей. Они охотно вернулись бы в свою родную Гасконь – в этом нас уверяет Куртиль в Мемуарах графа Рошфора, – «если бы только могли найти кого-нибудь, кто одолжил бы им десять пистолей». Богатство пришло к ним лишь много позже. Впрочем, какой бы жалкой ни была их судьба, она казалась весьма завидной их бывшим товарищам мушкетерам, чью роту неожиданно распустили. 26 января 1646 года г-н де Тилладе, комиссар и дворянин из свиты Мазарини, объявил г-ну де Тревилю о роспуске его роты. Расформирование этого знаменитого подразделения, подписанное по всей положенной форме юным королем под тем предлогом, что содержание роты представляет собой «значительное бремя» для государственных финансов, на самом деле было вызвано тем, что излишне беспокойные мушкетеры вызывали в государстве немало беспорядков. Их начальник г-н де Тревиль, с наивностью школьника бросившийся в свое время в заговор Сен-Мара, получил в качестве компенсации место губернатора Фуа, что на деле означало ссылку. Хочешь – бери, хочешь – нет. Вечером 26 января мушкетеры с разбитым сердцем сдали свое оружие, свои плащи, свои парадные костюмы в королевскую гардеробную. Эпопея Великих Мушкетеров завершилась всеобщей печалью. Даже самые дерзновенные не могли бы в тот момент предположить, что спустя 11 лет мушкетеры вновь двинутся вперед, навстречу новым приключениям, с развевающимися перьями на шляпах. Для д'Артаньяна, вблизи наблюдавшего за этими событиями, перевернулась очередная страница жизни. Упрямый капитан де Тревиль, получивший изрядную ренту, мог позволить себе некоторую браваду перед «этим Мазарини» и протянуть более месяца, прежде чем принять в управление предложенный ему Фуа. Однако пока, собравшись вокруг извечного заговорщика герцога Орлеанского, старая гвардия брюзжащих дворян – Руильяки, Фонтрей, Немуры, Тревили – окончательно запутывалась в сложностях рыцарского поведения и трагикомических интригах, что, скажите на милость, мог сделать какой-то д'Артаньян, не имевший ни громкого имени, ни состояния? Уйти от кардинала? Стать деклассированным элементом, клиентом принцев, готовых платить за услуги, но так же легко и бросающих в беде? Нет, Бац-Кастельморам ни к чему было защищать вымирающих феодалов. Они ничем не были им обязаны, но были обязаны всем политике таких деятелей, как Ришелье и Мазарини, политике, нацеленной на унижение великих мира сего в пользу честолюбивого класса буржуазии и мелкого дворянства. Честь бедняка –

подчинение. Для него служба не только долг, но и необходимость. В июне 1646 года победитель при Рокруа герцог Энгиенский[42] вместе с герцогом Орлеанским осаждали Куртре. Д'Артаньян следовал за их огромной армией вплоть до самых границ. Несомненно, Мазарини, который уже опасался силы коалиции этих двух командующих, поручил ему держать его в курсе их передвижений. 28 июня д'Артаньян прискакал радостный ко двору, чтобы сообщить, что крепость вот-вот падет. Спустя два дня Газета Ренодо сообщала: «28 числа г-н д'Артаньян, один из дворян Его Преосвященства, прибыл из нашей Фламандской армии и сообщил, что крепость Куртре находится в таком тяжелом положении, что есть надежда, что Его Королевское Высочество (герцог Орлеанский) овладеет ею в течение ближайших 4 или 5 дней; он также сообщил, что неприятель перешел через реку Лис, желая попытаться ввести в крепость некое подкрепление через то расположение войск Его Высочества, которое неприятель считал менее укрепленным, однако ж был отброшен с большими потерями; о подробностях сего будет сообщено дополнительно». Спустя два года д'Артаньяну выпала новая военная миссия: он выехал в Перонн, чтобы встретиться с губернатором города Шарлем де Муши, маркизом д'Оккенкуром, и предупредить его о необходимости срочно усилить оборону города в связи с опасностью вторжения в страну неприятеля. 9 июня 1648 года д'Артаньян покинул Париж, имея при себе следующий приказ, обнаруженный в архивах Шарлем Самараном: «Г-н д'Артаньян сообщит г-ну д'Оккенкуру, что имеются данные из Брюсселя о скоплении неприятеля в Генилгау в количестве около трех тысяч человек, которые готовят некое нападение на наши пограничные крепости либо намереваются произвести отвлекающий маневр, проникнув на территорию Франции в каком-либо неизвестном мне месте. Поэтому он объявит упомянутому г-ну д'Оккенкуру, что тот должен быть настороже, и попросит его предупредить других губернаторов (...), дабы они не были захвачены врасплох. Означенный д'Артаньян может даже, если г-н д'Оккенкур сочтет это полезным, отправиться с таким же сообщением в другие ближайшие крепости, такие как Сен-Кантен и Гиз...» В это время друг д'Артаньяна Бемо служил в армии в Италии. В октябре 1646 года он прибыл ко двору с сообщением от маршалов де Ламейерей и Дюплесси-Пралена о взятии Пьомбино. Год спустя он отличился в битве при Чиви-дале близ Бозоло, отвоеванном испанцами для герцога Модены. 30 июня 1648 года в битве за Кремону, когда он во главе отряда легкой конницы Его Преосвященства преследовал

неприятеля, ему выстрелом из карабина раздробило челюсть. Так что Куртиль лгал, когда саркастически насмеялся над его храбростью. Пока два бывших мушкетера, не вынимая ногу из стремени, скакали по всей стране, в Париже резко изменился политический климат. Ненависть к Мазарини достигла предела. Ему ставили в вину ведение бесполезной войны с Испанией и Империей и растрату общественных денег. Взбунтовались органы управления. Приказ об аресте троих членов Парламента[43], Шартона, Бланмениля и Бруселя, привел 26 августа 1648 года к выступлению Фронды. Известны этапы этого восстания: день баррикад, затем освобождение главарей из тюрьмы, бегство короля, королевы и кардинала в Сен-Жермен в ночь с 5 на 6 января 1649 года, интриги в Париже кардинала де Реца и герцога де Бофора, высокомерное поведение Парламента, который вместо того, чтобы удалиться в Монтаржи, как ему было приказано королевой-регентшей, поднял знамя восстания, произвел аресты, вооружил войска, искал союза с врагами-испанцами... Число врагов кардинала росло с каждым днем. Большая часть крупной провинциальной аристократии, обузданной Ришелье, но все еще самодовольно лелеявшей свои феодальные предрассудки, подняла голову, полная решимости восстановить свои забытые права. Что касается д'Артаньяна, агента кардинала, то он по-прежнему лез из кожи вон, постоянно исполняя то одну миссию, то другую. Почему он проявлял такую упорную преданность стороне, которая, казалось, вот-вот падет, хотя ему было легко встать в ряды сторонников Конде или своих друзей, так называемых «мелких хозяев»? Многие из его бывших товарищей по гвардии и мушкетерскому полку без колебаний отважились на этот шаг. Фронда, ценившая тех, кто мог бешено скакать верхом и наносить верные удары шпагой, была сильным искушением. Какие приключения в стиле Дон Кихота, должно быть, сулили всем этим полным геройского духа храбрым капитанам партии, возглавляемой столь славными именами, как Конде, Конти, Рец, д'Эльбеф, Лонгвиль, Шеврез, Монбазон, Мадемуазель[44] или Бофор! О, сколь упоительна такая активная жизнь! Конечно, обычный герой романа, чрезвычайно храбрый и отважный, в таких ситуациях не сомневается! Он отправляется в путь с пустым желудком и глазами, сияющими надеждой, со своей длинной шпагой, которая бьет его по икрам, Подобно капитану Фракассе, он отправляется в путь на поиски химерического идеала. Проткнув шпагой предателей, рубя направо и налево своих врагов, он побеждает, он празднует триумф, избежав самых опасных ловушек... Значительная часть нашей

романтической литературы жила на этих рассказах плаща и шпаги и питалась мифом о симпатичном скитальце-шевалье или об отважном жестоком воине, высокомерном и великолепном... На деле такой тип человека, конечно, существовал. Смутные периоды, как, например, первая половина XVII века, стоявшая на полпути между религиозными войнами и административной и военной перестройкой государства в Новое время, – такие периоды особенно способствовали появлению людей подобного типа. Необходимо, однако, подчеркнуть, что литература отводит им место в веке Людовика XIV, то есть именно в том периоде, когда этот тип уже исчезал. Д'Артаньян – Куртиль и Дюма прекрасно это понимали – не относился к такому типу людей. Он всегда оставался человеком, упорным в своей преданности королеве, ненавидимому всеми кардиналу и пошатнувшейся монархии, короче говоря, всему тому, что стоило не меньше, чем вся слава буйных и неудержимых героев Фронды. Зимой 1649 года восставшие парижане, вооруженные буржуа и возгордившиеся лавочники поуспокоились и заперлись в своих домах. Казалось, ситуация нормализовалась. Именно тогда Мазарини совершил самую грубую ошибку за весь период своего министерства. Он приказал арестовать троих принцев: Конде, Конти и Лонгвиля. Известие об этом моментально спровоцировало восстания в провинциях. Романтическая герцогиня де Лонгвиль забаррикадировалась в Нормандии. Сам Тюренн, мудрый и многоопытный победитель при Нордлингене[45], пустился на поиски приключений ради прекрасных глаз герцогини и закрепился в Стенэ. Бордо вооружился. В Нормандии демонстрировал свою силу граф Таванн. На этот раз Мазарини, как и д'Артаньяну, выпутаться было нелегко. Пришлось срочно скакать в Нормандию, затем – в Бургундию. Повсюду присутствие юного короля подле кардинала-министра производило желаемое впечатление. Оказавшись в изоляции, восставшие были разбиты при Бельгарде, а Дижон оказал хороший прием регулярной армии графа д'Аркура. Следовало еще отнять Бордо у своенравной и экстравагантной Клер-Клеманс де Мейе-Брезе, супруги Великого Конде. 23 июня 1650 года, находясь в Либурне, король потребовал, чтобы присяжные и жители Сен-Жан-де-Люз и Сибурна срочно прислали свои рыбацьи лодки и военные суда для проведения операций против Бордо: «Мы поручили г-ну д'Артаньяну довести до вашего сведения суть наших намерений и пишем вам это письмо по совету регентствующей королевы, нашей высокочтимой государыни и матери, дабы подтвердить, что вы должны с полным доверием отнестись к тому, что он

вам скажет от нашего имени (...), во всем остальном мы полагаемся на непосредственный рассказ означенного г-на д'Артаньяна, который более подробно сможет убедить вас в том, какую признательность мы будем питать к вам за службу, которую вы нам окажете». Вопреки тому, что можно было бы подумать, в этом письме имеется в виду вовсе не наш д'Артаньян, а его дядя по материнской линии Анри де Монтескью д'Артаньян, лейтенант короля по управлению Байонной. Документ, подписанный его именем и сохранившийся в архивах этого города, действительно подтверждает, что «в месяце июле или августе 1650 года, в то время, когда король находился в Либурне, направляясь к городу Бордо, эшевены[46] и присяжные Байонны по приказу короля послали несколько пушек и снарядили для боя два фрегата и 10 рыбацких судов, на каждом из которых находилось 25-30 человек». Возможно, дядя и племянник повстречались под стенами Бордо. В любом случае, в сентябре, когда осада затянулась, д'Артаньян – уже наш д'Артаньян – исполнял обязанности курьера между Мазарини и вернувшимся в столицу двором. Кардинал написал 6 сентября Гюгу де Лионну, главному секретарю королевы: «Я посылаю д'Артаньяна ко двору, дабы получить сведения о здоровье Их Величеств. Кроме того, он сможет более подробно рассказать обо всем, что здесь происходит». Де Лионн ответил: «Г-н д'Артаньян вручил мне вчера в Два часа вечера два письма, которыми Вашему Преосвященству было угодно оказать мне честь...» Казалось, королевская армия вновь начала брать верх над противниками. Но тут неожиданно ужесточилось положение на Востоке. Тюренн, проявив полную непоследовательность, в которой ему пришлось позже горько раскаяться, сдал Ретель испанцам. Маршал Дюплесси-Прален был срочно послан туда, чтобы осадить занятый противником город. 1 декабря Мазарини выехал к своей армии в сопровождении верного «Артаньяна». Спустя несколько дней Ретель сдался. Тогда победоносные войска бросились в погоню за восставшим Тюренном и разбили его войско 15 декабря. Это была блистательная победа. Кардинал, страдавший в это время от жестокого приступа подагры, неподвижно лежал в доме капитана гвардии г-на де Праделя. Не имея возможности лично поздравить маршала Дюплесси, находившегося в деревне Сомпюи, он послал туда д'Артаньяна, который в тот же день вернулся со списком пленных. Итак, Ретель был взят. В свою очередь пал и Шато-Порсьен. Однако продолжать этот победный марш оказалось невозможным, поскольку, по мере того как провинции стали успокаиваться, Мазарини окончательно убедился в том,

что власть ускользает из его рук в столице, 20 января 1651 года президент Парламента Матье Моле выступил с суровой обвинительной речью против кардинала. Гастон Орлеанский отказался участвовать в заседаниях Королевского совета, пока итальянец не уберется за границу. Наконец, Парламент потребовал освобождения арестованных принцев и немедленного изгнания Мазарини. Это была вынужденная уступка, на которую королева не могла не пойти. В лагере сторонников опального министра началась паника. Все чувствовали, что окончательно проиграли. Многие начали осторожно отходить в сторону. Другие, как, например, д'Артаньян, связав свою судьбу с кардиналом, оставались рядом с ним. Следовало смириться с неизбежным. Но – уступить? Ни за что! Этого слова для Мазарини не существовало. Ему нужно было лишь пригнуться, как тростник в бурю, и дожидаться лучших времен.

New Chapter

Глава IV. Двадцать лет спустя

Морозной звездной ночью с 6 на 7 февраля 1651 года кардинал, нацепив на себя серую венгерку и надев шляпу с широкими полями, покинул Пале-Рояль, пробираясь вдоль его стен, совсем как опереточный заговорщик. Однако вместо того чтобы направиться в сторону границы, он решил поставить на свою последнюю карту и поехал в Гавр с тем, чтобы освободить заключенных в крепость принцев. Он надеялся, что этот театральный жест позволит ему привлечь их на свою сторону и единым махом изменить положение дел. Несчастный кардинал глубоко заблуждался. Итальянец мог сколько угодно прощать, требовать, просить, умолять, канючить – старшая Мадемуазель даже утверждала, что он целовал сапоги принца Конде, – однако ничего, кроме самоуничижения перед этими ожесточенными и полными презрения великими сеньорами, из этого не получилось. После такой неудачи Мазарини оставалось только бежать, и как можно быстрее, чтобы не разделить несчастную судьбу своего менее славного соотечественника Кончино Кончини[47], убитого бандой молодых глупцов на мосту Лувра. Итак, в сопровождении только своей охраны и своих «домашних» Мазарини отправился скитаться по провинциям в поисках достойного убежища. Ему приходилось продвигаться по грязным, размытым дорогам, избегая опасных встреч. С печалью в душе и усталостью на лице д'Артаньян скакал рядом, сопровождая своего патрона в его плачевном отступлении. Кажалось, время браваурных скачек и героических поручений навсегда ушло. Остались только дежурства по охране, долгие ночные бдения на импровизированных ночлегах, когда развеивали скуку лишь монотонными партиями в бильярд или ландскнехт. Из Гавра они подались в Дьепш, оттуда в Дуллан, затем в Перонн, Ла Фер, Бар-ле-Дюк, Седан... Убежища не были ни удобными, ни надежными. В них оставались на ночь или Две, а потом опять приходилось уезжать, бежать,

бесконечно скитаться, подобно труппе бродячих комедиантов. Мазарини понял, что никто во Франции не желает его слишком компрометирующего присутствия. Только один иностранец, архиепископ Кельнский, соблаговолил разрешить ему провести некоторое время в его Буйонском замке и организовал отъезд в Германию. 19 марта он послал Бемо, бывшего в то время лейтенантом гвардии, в Антверпен к генерал-аншефу императорских войск графу де Фуэнсалданю, чтобы обеспечить свободный проезд по районам, контролируемым этими войсками. Эмиссар эрцгерцога Леопольда дон Антонио Пиментель обещал позаботиться о безопасности Мазарини и попытался соблазнить кардинала преимуществами перехода на службу к его господину. На это опальный чужестранец не без величия ответил: «Я окончу свои дни, служа Франции всеми моими помыслами и стремлениями, раз уж не могу служить ей другим способом». 3 апреля кардинал написал Гюгу де Лионну: «Я послал д'Артаньяна в Бонн передать мое почтение г-ну Курфюрсту и попросить у него какой-нибудь замок, где я мог бы укрыться, поскольку нунций не советовал мне ни в коем случае ехать в Кельн, население которого отличается исключительной грубостью. Я думаю, что мог бы поселиться в Лейшнике или в Брюле, находящихся в паре лье от города, один, с одной стороны, другой – с другой». Посольство оказалось удачным, поскольку спустя два или три дня курфюрст Кельнский предоставил в распоряжение кардинала небольшой замок Брюль и при его прибытии велел в его честь произвести артиллерийские залпы, как если бы речь шла о путешествующем высокородном принце или о приехавшем с визитом государе. Кардинал оставался в Брюле с апреля по октябрь 1651 года. В это время он рассылал эмиссаров по всей Франции, где оставался его интендант Кольбер, в надежде найти поддержку у многих министров (таких, как Сервьен, Лионн, Летелье), и более всего поддержку сердечно привязанной к нему королевы. Однако черт побери! В Париже было небезопасно проявлять чересчур кардиналистские настроения. На Новом мосту был вывешен «Тариф, предусматривающий вознаграждение тем, кто избавит Францию от Мазарини». Уведомление для желающих! «Тому, кто, убив его, отрежет голову и пронесет ее по улицам Парижа, – сто тысяч экю... Камердинеру, который удушит его меж двух перин либо, брея, всадит бритву ему в горло, – семьдесят тысяч экю... Аптекарю, который, ставя ему клистир, отравит наконечник, – двадцать тысяч экю...» Неутомимый и презирующий опасность д'Артаньян сновал по лотарингским и шампанским землям, из Брюля в Париж и из Парижа в

Брюль. Ему требовалась большая изворотливость, чтобы отводить от себя подозрения, получать в надежных местах сменных лошадей, обходить большие дороги и вооруженные отряды, убегать от патрулей, иногда без дороги скакать через поля... Закаленный всадник знал свое дело и вызывал восхищение кардинала. Наконец-то встал вопрос о вознаграждении! 23 апреля 1651 года Мазарини обратился к Лионну, чтобы он в этом деле заручился поддержкой у командира полка французской гвардии маршала де Грамоне: «Поскольку королева некогда позволила мне надеяться на присвоение Артаньяну чина капитана гвардии, я уверен, что, если он „маршал“ поговорит об этом с Ее Величеством, он увидит, что ее расположение не изменилось». К сожалению, в настоящий момент не было ни одной вакантной лейтенантской должности, и д'Артаньян получил только новые обещания – единственное, что Мазарини раздавал весьма щедро. После своей последней поездки д'Артаньян остался в Париже и там вместе с другими тайными агентами – Дальви-лем, Исааком Барте и шевалье Гуго де Терлоном – готовил заговор в пользу кардинала. В политической путанице того времени иметь зародыш партии сторонников при дворе означало иметь шанс, которым не следовало пренебрегать. Аббат Базиль Фуке, серый кардинал изгнанного министра, стал средоточием парижских интриг Мазарини. В декабре 1651 года Мазарини дал ему поручение прощупать настроения влиятельных членов Совета, в особенности же герцога Орлеанского, и привлечь на свою сторону ряд членов Парламента. 26 декабря он написал ему из Седана: «Если станет ясно, что Его Королевское Высочество не столь ожесточен против меня, и если ему покажется возможным, чтобы некий дворянин, прибывший от моего имени, передал ему письмо, то это можно поручить д'Артаньяну или Дальвилю, которые находятся в Париже. Они могли бы также доставить другие письма, какие дворянами будет сочтено необходимым доставить, например письмо королеве Англии²⁰, либо другие письма, на которых будет указано, что они посланы с нарочным. Я написал им, чтобы они исполнили все, что Вы им скажете». В январе 1652 года Мазарини, встав во главе 5 тысяч спешно набранных солдат, решил, что положение дел позволяет ему вновь вернуться на сцену. Он отправился в путь, твердо решив, что на этот раз вернет себе место первого министра, представ перед королем и двором в Пуатье. Тогда он опять почувствовал, что необходимо иметь при себе д'Артаньяна, и это доказывает, сколь высоко он ценил своего замечательного офицера. «Прошу Вас, – написал он 11 февраля из Пон-сюр-Ионна Базилю

Фуке, – скажите д'Артаньяну, чтобы он возвращался ко мне и принял бы все предосторожности, дабы с ним не случилось какого-нибудь несчастья. Во имя Бога, будьте осторожны и Вы, ибо, если бы все знали, до какой степени Вы сторонник Мазарини, думаю, Ваши дела пошли бы очень плохо». «Все», должно быть, об этом узнали, потому что в апреле Базиль, молодой галантный аббат и «почтовый ящик» кардинала в Париже, был взят под стражу людьми Конде. Более хитрому д'Артаньяну удалось благополучно достичь лагеря Его Преосвященства, где он вновь принялся ездить туда-сюда, играя роль доверенного эмиссара. Более тщательно, чем когда-либо, он готовил остановки на пути следования кардинала, привозя многочисленные инструкции губернаторам провинций. И вот холодным мартовским днем Бюсси-Рабютен, знаменитый кузен мадам де Севинье, состоявший в то время губернатором Нивернэ, увидел, как д'Артаньян въезжает на полузагнанном коне в Ла-Шаритэ-сюр-Луар; он вез с собой множество срочных писем: депешу короля, которую нельзя было послать обычным курьером, письма от Летелье и де Лавриера, оба из которых были государственными секретарями, а их письма содержали приказ об изъятии зерна в районе Невера, поскольку через эти земли должны были проходить войска Тюренна, раскаявшегося сторонника Фронды, возглавлявшего нынче королевскую армию. Ситуация еще далеко не была спокойной. Несмотря на постоянную серьезную угрозу нашим границам со стороны испанской армии, присутствие Мазарини рядом с королем все еще до такой степени не устраивало окружающих, что кардиналу вновь пришлось удалиться в сопровождении своих верных людей. Но на этот раз он уехал уверенный в том, что вернется с триумфом. Д'Артаньян не сразу последовал за своим господином в его отступлении к Буйону, поскольку весной 1652 года ему было пожаловано место лейтенанта в гвардейском полку, в роте Витремона. Он заменил на этом посту погибшего при Гравелине шевалье де Пасси. После стольких лет отсутствия полк принял его крайне холодно. В рукописи История гвардии за упоминанием о его назначении следует загадочный комментарий: «Со стороны полка возник ряд трудностей, произошедших из-за привязанности всех офицеров к Картгрэ, который служил старшим знаменосцем». Кто же был этот Картгрэ и какое отношение он имел к повышению в чине д'Артаньяна? Вот в двух словах вся эта история, насколько ее сейчас можно восстановить. Знаменосец Картгрэ был храбрым солдатом и пользовался большим авторитетом в полку после того, как при осаде Армантьера

в 1647 году он в отсутствие других офицеров по собственному побуждению принял командование шестью ротами гвардии, оказавшимися в тяжелом положении. Впечатленные героическим поступком, его командиры пообещали дать ему первое же вакантное место капитана. Однако эти щедрые обещания, сделанные под властью эмоций, были скоро забыты, и в 1652 году Картгрэ стал лишь старшим знаменосцем. Тогда он напомнил о полученном обещании и дал понять, что удовлетворится нашивками лейтенанта. И вот в апреле того же года лейтенант полка г-на де Витремона шевалье де Пасси погиб при обороне осажденного испанцами Гравелина. Картгрэ посчитал, что имеет право на его место. Однако Мазарини, уже давно пообещавший повышение д'Артаньяну, решил сделать ему перед отъездом подарок, не беспокоясь об обязательствах, взятых на себя командованием полка и особенно полковником д'Эперноном, имевшим право назначать людей на посты офицеров, погибших в сражении. Отсюда и то ошутимое недовольство в войсках, за которое пришлось расплачиваться д'Артаньяну. Все, несомненно, рассуждали следующим образом: «Какой-то агент кардинала, интриган благодаря слепому покровительству занял место, которое при нормальном течении дел должно было перейти к одному из наших!» Недовольство переросло в ярость после того, как 4 мая 1652 года неудачник Картгрэ погиб в битве за Этамп, которую Тюренн вел против войск Конде. Похоже, именно по этим причинам д'Артаньяну объявили бойкот. В начале 1653 года наш лейтенант гвардии вернулся к Мазарини и вновь разделил с ним его скитания. Для защиты от последних отрядов Фронды их сопровождало небольшое войско. В районе Ретеля дожди опустошили местность и сделали труднопроходимыми все пути и дороги. После взятия Шато-Порсьена дела пошли еще хуже. Реки, разлившись бурными потоками, затопили поля. Остановившись в Балане, кардинал счел, что благодаря непогоде он находится в достаточной безопасности для того, чтобы отправить войска на зимние квартиры и распустить артиллерию. Заведовавший интендантством г-н де Шамфор остался на месте, чтобы проконтролировать сдачу артиллерийских орудий, пушечных ядер и запасов шрапнели. К несчастью, никто не предвидел, что все мосты через Эну снесены. Именно тогда, согласно тому, что пишет в своих мемуарах Сувињи, д'Артаньян явился к Шамфору и потребовал, чтобы тот срочно построил деревянный мост на высоте Понтавера. – Мост! Мост! – воскликнул интендант, воздевая руки к небесам. – Каким же образом вы хотите, чтобы я его построил? У кардинала больше нет

войска, и все артиллерийские офицеры уже отсюда уехали. У вас что, есть дерево? Или плотники? Поскольку д'Артаньян не знал, что ответить, Шамфор пошел за инструкциями к Мазарини. Кардинал был не в лучшем расположении духа. Он был неприятно удивлен при виде Шамфора, сопровождающего его посланника, которого он «сурово отчитал» за то, что тот не смог толком передать его приказ. Следовало приложить всю возможную изобретательность и в рекордное время починить уже существующий мост, две арки которого были разрушены. Спустя несколько дней д'Артаньян смог наконец сообщить Шамфору, что Мазарини доволен, но и тут несчастный эmissар получил достаточно наглый ответ. – Можете сказать Его Преосвященству, – заявил разозленный интендант, – что я сделал это исключительно во имя службы королю. Что до вознаграждения, то я жду его только от Бога! Шамфор по крайней мере не тешил себя иллюзиями. Можно побиться об заклад, что д'Артаньян поостерегся передать эти нелестные слова тому, кому они предназначались! Тем не менее наконец-то маленький эскорт кардинала смог перебраться через мост и направиться в сторону Вервена. Однако из-за ничуть не улучшившейся погоды дорога оказалась длиннее, чем предполагали. Повозки на каждом шагу увязали в рытвинах. Бранясь на чем свет стоит, Его Преосвященство не раз выходил из своего экипажа. Что до г-на д'Артаньяна, то он надвинул поглубже шляпу и скакал в насквозь промокшей куртке, не произнося ни слова и заботясь только о том, чтобы его лошадь двигалась вперед по вязкой грязи Тьераша. Возможно, его гордость была уязвлена тем, что его господин высказал неудовольствие и сурово отчитал его. Однако вот Креси, Лан, Вилле-Коттре... Его глаза опять засверкали: он вновь был на том пути, по которому уже ездил тысячи раз; он приветствовал знакомые пейзажи. Впереди был Париж, башни Нотр-Дам... и в первую очередь добрая постель! Подле Даммартена маршалы де Ламотт и де Вильруа приехали оказать почетную встречу кардиналу. По мере приближения к столице все более и более плотная толпа собиралась у дороги и громко поздравляла итальянца с возвращением. После тяжелых лет Фронды это был апофеоз. 2 февраля улицы Парижа были так полны народа (несмотря на проливной дождь), что было непонятно, как кортеж проложит себе дорогу сквозь это людское море. Вокруг был тот самый непостоянный и эмоциональный народ, который всего за несколько месяцев до этого выкрикивал лозунги против Мазарини, сжигал его изображения и освистывал его сторонников! Даже те, кто, как пишет камердинер короля Пьер де

Лапорт, «раньше были его первыми врагами, поторопились явиться и склониться перед ним». Какой триумф в награду за терпение Джулио и д'Артаньяна! Глава V. Капитан королевского вольера Увы, слава не кормит человека, в особенности если этого человека зовут д'Артаньян и он трудится тайно, оставаясь в тени господина, имеющего репутацию скряги. Тем не менее, откладывая из своих скудных и редких наградных, из своего жалованья лейтенанта, д'Артаньян умудрился сколотить небольшое состояние. Когда в стране наступил внутренний мир, он, естественно, стал надеяться, что сможет воспользоваться этими деньгами, чтобы купить какую-нибудь придворную должность. В те времена в саду Тюильри находилось множество различных жилых зданий, в том числе симпатичный павильон королевского вольера, который мы можем и сейчас видеть на некоторых старинных гравюрах, – это был настоящий маленький замок, воздвигнутый в XVI веке напротив павильона Флоры и принадлежавший Екатерине Медичи[48]. С тех пор он служил охранным постом Лувра и жилищем «капитана птиц вольера». Случилось так, что в октябре 1653 года занимавший эту должность комиссар продовольствия Каталонии г-н Леклер находился на смертном одре. Охрана вольера не требовала особых усилий; вообще говоря, это был просто почетный титул, функции которого, однако, не казались достаточно возвышенными для того, чтобы заинтересовать обычных охотников за должностями. Короче говоря, наш гасконец, узнав о болезни г-на Леклера, схватился за перо, чтобы написать Мазарини и просить у него разрешения купить эту должность за шесть тысяч ливров, возможно, составлявших все его состояние. Принося ежегодно тысячу ливров дохода за вложенные изначально шесть тысяч, это место казалось весьма достойным и, помимо всего прочего, обеспечивало служебную квартиру подле Лувра. Кардинал благосклонно отнесся к этой просьбе, не обратив даже внимания на то, сколь незначительна была предлагаемая цена. Однако д'Артаньян ошибался, если думал, что он единственный, кто претендует на эту замечательную должность. Явился и другой претендент – Этьен Лекамю, начальник счетных служб и суперинтендант строительства. Он сразу же предложил за должность двадцать тысяч ливров, то есть, по его утверждению, столько, «сколько приблизительно она стоит». И он попросил своего кузена Кольбера замолвить за него словечко перед кардиналом. Интендант сделал вид, что согласен, однако, внимательно рассмотрев дело, решил, что эта должность была бы весьма выгодна и для него самого. Казалось столь соблазнительным переселиться в этот милый

павильон! «Поскольку я не надеюсь, что это предложение может быть поддержано, – написал Кольбер Мазарини по поводу прошения г-на Лекамю, – то если бы Ваше Преосвященство благо-склонно предоставили ее „эту должность“ мне, я был бы бесконечно обязан». Спустя несколько дней, 5 ноября, стало известно, что в Перпиньяне умер Леклер. Кольбер сразу же возобновил свои нескромные домогательства. «Я ценю эту должность за то, что она позволила бы мне жить вблизи Лувра», – замечал он вскользь кардиналу. Возможно, тот уже сожалел, что поторопился с ответом и позволил гасконцу «влиять на свои решения», однако он ценил собственные обещания. «Я уже ходатайствовал об этой должности для д'Артаньяна, который просил ее у меня, – отвечал он Кольберу, – и послал срочного курьера, однако я не знал, что она стоит более шести тысяч ливров. Если я смогу сделать что-нибудь для Вас, я это сделаю; однако ж поймите, что я связан обязательством». И Кольбер, как светский человек, ответил: «Что касается должности, которую я имел смелость просить у Вашего Преосвященства, то я очень рад, что Вы пожаловали ее г-ну д'Артаньяну». Разумеется, он отнюдь так не думал и с грустью мечтал об очаровательном домике, который только что от него ускользнул. Возможно, это стало первой досадой, которую будущий министр затаил против д'Артаньяна; ему придется еще не раз досадовать на него, в особенности же тогда, когда будут разворачиваться события, связанные с делом Фуке. Итак, выждав нужное время, лейтенант гвардии добавил к своим славным титулам звание капитана-консьержа королевского вольера в Тюильри. В апреле 1654 года, получив патент, он сразу же упаковал чемоданы, оставил скверную гарнизонную квартиру, где должен был жить как старый холостяк, и обустроился на манер большого сеньора в великолепном павильоне, предназначенном для исполнителя этой должности и находившемся в двух шагах от Лувра. В то же самое время товарищ д'Артаньяна Бемо в свою очередь также не пренебрегал возможностью устроить свои дела. Благодаря отважному поведению в бою он быстро получил повышение: Мазарини назначил его капитаном своей гвардии и помог приобрести большие владения, в частности фьеф Лезер близ Кастра, а также имущество многих дворян, конфискованное по делам о незаконнорожденности или после арестов за участие в дуэли. В сентябре 1653 года Бемо получил от кардинала особо щекотливое дипломатическое поручение. Уже в течение нескольких недель Генрих Лотарингский, граф д'Аркур, по прозвищу «Кадет-Жемчужина» за то, что постоянно носил жемчужную серьгу на

манер миньонов Генриха III, присоединился к лагерю Конде и овладел Брейзахом и Филиппсбургом. Задачей Бемо было убедить графа сдать оба города и отказаться от союза с мятежниками. Согласно написанной Мазарини инструкции, его роль состояла в том, чтобы в разговоре с графом д'Аркуром особо подчеркнуть материальные выгоды, которые тот получит, если поведет себя лояльно. Следовало одурманить его красивыми словами. От Бемо ожидали прекрасных речей, но отнюдь не конкретных обязательств. Эмиссар кардинала, огрубевший и скованный старый вояка, напрасно взял на себя эту дипломатическую миссию. Будущий комендант Бастилии явно не был создан для роли посла. Выслушав его фантастические гасконские посулы, его собеседник потребовал более конкретных обязательств. Он отнюдь не намеревался сдаваться, не получив от противоположной стороны письменных гарантий. «Кадет-Жемчужина» хорошо знал Мазарини! «Вы поручили мне дело, в котором запутался бы и кто-либо другой, чья голова лучше моей», – жаловался Бемо в письме кардиналу. После многочисленных бесплодных встреч, увенчавшихся жалкими договоренностями и сделками, он так и не продвинулся вперед. Именно тогда Бемо решил преступить границы инструкции и сделать запоздалому фрондеру предложение, более выгодное, нежели предполагалось. «Я занимаюсь делом, которое подошло бы более изощренным людям, – по-прежнему был он в письме Мазарини. – Я делаю, что могу и таким образом, как я это понимаю, и умоляю Ваше Преосвященство простить мне мое неумение, учитывая мое рвение, преданность и верность». Мазарини начинали беспокоить инициативы и грубые промахи его доверенного лица, который, как он знал, был большим болтуном. «Помните о том, что Вы не должны допустить, чтобы Вас принимали за простака, – писал он ему 3 января 1654 года. – Когда доходит до денег, гасконцы с радостью готовы пообещать миллионы». И это еще было ничто по сравнению с теми любезностями кардинала, которые Бемо услышал, когда переслал составленный им проект сдачи Бейзаха: «Вы не способны придерживаться данного Вам приказа. Одним словом, это означает, что Вы вообще ни на что не способны». Импровизированный дипломат оказался зажат в тиски между несговорчивым графом д'Аркуром и неуступчивым кардиналом. Он всерьез рисковал своей карьерой и имуществом: первая могла легко оборваться, второе могло быть конфисковано. Тогда он воззвал к оставшимся у него друзьям из окружения Мазарини: к Туссену Розу, Миле де Жеру и д'Артаньяну. В начале марта он передал Его Преосвященству через

своего слугу-баска оправдательное письмо. Он писал: «Пусть господа Миле и д'Артаньян будут моими поручителями в том, что я никогда не забывал о своей признательности: мне не нужно никакого вознаграждения ни в чинах, ни в собственности, даже если Вы увидите, что я невиновен». Письмо, содержащее все необходимые разъяснения, успокоило разбушевавшегося кардинала. Д'Артаньян, удобно обустроившийся в королевском вольере, переживал за своего верного друга. 14 марта он поспешил уведомить его о том, что настроение господина изменилось. «Могу заверить тебя, что все твои друзья с облегчением вздохнули, узнав после приезда баска, что ты не так виновен, как это представлялось ранее. Его Преосвященство увидел все в правильном свете, и на этот счет ты теперь можешь успокоиться. Твои друзья советуют тебе приехать чем скорее, тем лучше. Миле напишет тебе обо всем подробно; поэтому я посылаю тебе лишь короткое письмо. Скажу только, что не следует стремиться уехать в Нормандию. Напротив, следует направиться прямо сюда и вести себя еще увереннее, чем раньше; и не вздумай бросать дела так, как они есть. Если ты сможешь дать нам знать, когда приедешь, я тебя встречу. Прощай и постарайся не омрачать свою душу печалью, потому что для этого нет никаких оснований и Его Преосвященство вполне удовлетворен». Однако Бемо не стал сразу возвращаться в столицу. В мае 1654 года он с триумфом подписал с графом д'Аркурмом выгодный договор и даже предложил самого себя в качестве заложника во имя гарантии полного выполнения этого договора. 6 мая секретарь Мазарини Роз направил ему следующую забавную записку, по которой можно судить о гасконском духе колоритного Бемо: «Я старательно прочитал „кардиналу“ все Ваши письма, впрочем, не целиком, поскольку у Вас постоянно проскакивают фразы типа „черт побери“, однако это неважно, раз суть хороша. Г-н де Савейян говорит, что умирает от зависти, представляя, как Вы будете подкручивать усы и надувать щеки, рассуждая о государственных делах. Вы сейчас в зените славы. Мне представляется уже, как Вы являетесь, покрытый потом и пылью, и даете отчет о своих переговорах под аплодисменты Его Преосвященства. И да поможет Бог, чтобы после этого Вы вспомнили тех святых, к которым взывали во время бури». Так завершились щекотливые переговоры с графом д'Аркурмом, счастливый исход которых позволил бравому Бемо, подкручивая усы, вернуться к своим друзьям, вернуться еще более гордым и тщеславным, чем прежде... Глава VI. Рядом с господином Тюренном В начале июня 1654 года гвардейский полк отправился в Реймс для

участия в коронации Людовика XIV. 7 июня д'Артаньян присутствовал на этой пышной церемонии, о которой нам подробно поведали хронисты. Церемония завершилась грандиозным военным парадом на украшенных улицах города; при этом гремели органы и вовсю звонили колокола. Однако праздник не вечен! Следовало быстро вернуться на границы, где вновь оживились военные действия. На этот раз положение дел было серьезным, поскольку Великий Конде, этот ненасытный кондотьер с повадками хищника, перешел на сторону противника и угрожал безопасности королевства, стоя во главе 30 тысяч испанцев. Помазанник Божий, все еще ослепленный блеском своей коронации, решил сразу же проявить пыл в отношении исполнения своих новых обязанностей короля. Он лично возглавил армию и осадил Стенэ. После нескольких дней сражений, не выявивших перевеса какой-либо стороны, один гвардейский батальон и один батальон швейцарцев начали общий штурм. Гвардейцы, как взбешенные демоны, опрокинули солдат Его Католического Величества[49], обосновались у подножия крепостных валов, а затем, не отставиваясь в своем задоре, захватили рavelин. К несчастью, 27 июля мощная контратака заставила их отступить. Пока капитан де Витремон собирал своих людей, его лейтенант д'Артаньян вместе с несколькими удальцами атаковал «воробьиное гнездо», нечто вроде маленького плоского бастиона, стоявшего на середине куртины[50] неподалеку от упомянутого рavelина. Битва была ожесточенной. 28 июля кардинал Мазарини писал из Седана Летелльеру о ходе военных действий: «Вчера король вновь вернулся из лагеря при Стенэ после того, как на его глазах были захвачены все внешние укрепления. Оставалось всего два небольших укрепления: один – у рavelина и один – у малого бастиона. У бастиона были ранены один капитан и семь офицеров гвардии. Среди них Эрвийе, д'Артаньян, Лаай и шевалье де Монтегю (...); однако лишь у одного или двоих из них ранения являются опасными». Капитан Эрвийе умер от многочисленных ран. Что касается д'Артаньяна, то благодаря заботам главного полкового хирурга он быстро поправился. Можно предположить, что вместе со своим товарищем Бемо он участвовал также в освобождении Арраса, – это была громкая победа, отметившая начало возрождения могущества Франции в Европе. Следующим летом д'Артаньян участвовал в осаде Ландреси, города Конде, который был взят после трехдневного ожесточенного сражения в болотах, и Сен-Гислена, который победоносные гвардейцы повергли к стопам короля в День святого Людовика. С 30 июля 1655 года д'Артаньян

стал командовать отдельной ротой, впрочем, не получив еще официально капитанского «поручения». Это дело не обошлось без трудностей. Подполковник гвардейского полка г-н де Венн, будучи в весьма почтенном возрасте, решил выйти в отставку и продать свою должность за 80 тысяч ливров. Явилось много претендентов на его место. Мазарини выбрал шевалье де Фуриля, самого старшего из капитанов полка. Таким образом, его капитанская должность освободилась. Однако Фуриль потребовал за нее невероятную сумму: 80 тысяч ливров, то есть цену двух или трех обычных полковых должностей, равняющуюся цене, которую он сам должен был заплатить за должность подполковника г-ну де Венну. Д'Артаньян уже так давно мечтал стать капитаном, что никак не мог пренебречь этой возможностью. Чтобы набрать нужную сумму, ему пришлось уступить свою должность лейтенанта некоему гвардейскому прапорщику Фрасси, а затем – должность капитана-консьержа королевского вольера – губернатору Мезьера г-ну д'Эстраду, с правом преемничества для его сына. Даже после сложения этих сумм ему не хватало еще 4 тысячи ливров. Именно такую сумму ссудил ему по приказу Мазарини Кольбер 13 января 1656 года накануне ухода в отставку и официального освобождения от должности г-на де Венна. В июне д'Артаньян принял участие в осаде Валансьенна, которая стала крупной неудачей Тюренна и Лаферте. Во время этой осады было суждено погибнуть бывшему начальнику д'Артаньяна капитану де Витремону. «Я крайне опечален смертью бедного Витремона, – написал Мазарини д'Артаньяну 10 августа 1656 года, – и все, что Вы сообщили мне о том, что он послал Вас сказать, умирая, еще более усиливает мою скорбь. Я удовлетворил его желание и приказал передать его брату в награду командование ротой. Я прошу Вас всегда заботиться о своей, ибо ничто другое не обеспечит Вам в большей степени моего уважения и моей привязанности». 1657 год. Война разгорается снова. Нескончаемое число убитых и раненых все увеличивается, все больше картин нищеты и разорения, все больше опустошенных деревень, горящих мельниц, затопленных полей. На этот раз положение складывается в пользу французов, получивших ценное подкрепление в виде 6 тысяч «круглых затылков», и особенно – поддержку английского флота, посланного Оливером Кромвелем. Начинается победоносное продвижение французской армии. Она освобождает Ардр, берет Ла Мот-о-Буа, Бурбур и 30 сентября выходит к стенам Мардика, который спустя пару дней благополучно захватили гвардейцы после характерного для них яростного рукопашного боя. В ноябре

Тюренн занимается расквартированием на зиму большей части своей армии и оставляет при себе пять гвардейских рот, среди которых и рота д'Артаньяна. Они должны обеспечивать охрану Лувра. Так что наш капитан может наконец этой зимой насладиться покоем заслуженного отдыха в ожидании весны, когда ему предстоит отправиться на военную кампанию, которая должна стать решающей. 3 марта 1658 года он подносит к купели крещения в соборе Св. Павла дочь некоего Пьера де Лалора, «парижского буржуа». Он становится крестным отцом, а очаровательная маркиза де Пейро, супруга г-на де Бемо, – крестной матерью. В это время старый товарищ д'Артаньяна, имея за душой миллионы, всего-то за 150 тысяч ливров приобрел Пиффоне, округ Сане, большое сеньориальное владение, земли и поместье и ожидал получения пожизненной должности капитана-коменданта Бастилии, которую Его Преосвященство пообещал ему уже много лет назад. В мае 1658 года гвардейцы, размещавшиеся в Кале и в Париже, соединяются в Вье-Эдене под предводительством молодого графа де Гиша, сына маршала де Грамона, а затем направляются в сторону Дюнкерка. 13 июня разносится весть о появлении приблизительно в одном лье от Тюренна со стороны огромных белых дюн, обрамляющих побережье, дона Хуана Австрийского[51] и принца Конде во главе 9 тысяч пехотинцев, 6 тысяч конницы и десяти «огнестрельных жерл». Две армии несколько мгновений наблюдают друг за другом, и начинается столкновение. Кавалеристы и пехотинцы со сверкающими лазурью, золотом и серебром знаменами в смертельной схватке бросаются друг на друга в золотой пыли фламандских песков. Окинув поле битвы своим орлиным взором, Конде моментально оценил ситуацию. – Монсеньор, – обратился он к молодому герцогу Глостеру, который скакал рядом с ним, – Вам не приходилось раньше видеть, как дают сражение? – Нет, мой принц. – Ну-ну! Через полчаса Вы увидите, как его проигрывают. Суровый победитель битвы при Рокруа, чье лицо обветрилось во многих сражениях, не ошибся. Победа при дюнах, одержанная его противником Тюренном, ознаменовала закат испанского могущества и изменила судьбу Европы. Франция, ранее обескровленная и раздираемая убийственной гражданской войной, становилась доминирующей державой на континенте. Ей предстояло оставаться таковой на протяжении полстолетия. Король под звуки фанфар вошел в Дюнкерк, который затем скрепя сердце пришлось передать англичанам в соответствии с заключенным с ними договором. Кампания завершилась полным разгромом войск противника. Гвардейцы повсюду

сражались в первых рядах со свойственной им отвагой и первыми врываются в маленькие северные города, один за другим складывавшие оружие: 2 июля – Берге, 3 июля – Фюрн, 30 августа – Гравелин, 9 сентября – Дисмюд, Ауденарде... Наш гасконец также наблюдал закат испанского владычества. Перед ним простиралась древняя земля Фландрии с низким и бесконечным горизонтом, усеянная россыпью каналов и маленьких низких белых крепостей. Никто не скажет, что война легкое дело. Под отчаянно белым от жары небом, при жесточайшей нехватке питьевой воды и здоровой пищи, среди страдающих раненых, которых подстерегала смерть, среди ядовитых испарений трупов, сброшенных как попало в большие груды, – сколько человек оставалось еще посреди всего этого на ногах? Сам король подхватил в это ужасное лето жестокую лихорадку, всерьез угрожавшую его жизни. Наконец победа была достигнута, и в сентябре 1659 года после длительных нелегких переговоров Мазарини и испанский министр дон Луис де Харо подписали на Фазаньем острове на реке Бидассоа договор о мире, прекративший вражду между двумя великими народами христианского мира. В конце мая 1658 года, находясь в окрестностях Дюнкерка, д'Артаньян получил уведомление о своем назначении младшим лейтенантом королевских мушкетеров – роты, которая была только что вновь сформирована. Вы помните, что в 1646 году рота была распущена Мазарини. Спустя 11 лет, в январе 1657 года, для поддержки на парадах гвардейского полка Людовик XIV вновь сформировал эту роту, назначив на пост знаменосца своего старого товарища по играм Жозефа-Анри де Тревиля, сына бывшего капитана, на пост младшего лейтенанта – Исаака де Бааса, тайного агента кардинала, а на пост капитан-лейтенанта – племянника Мазарини Филиппе Манчини. Последний – он носил также титул герцога Неверского – был избалованным и ленивым ребенком, едва достигшим возраста 18 лет, и его единственным желанием было вернуться в Рим. «Его дух бывает озарен светом, – признавал Кольбер, – однако он настолько плотно увяз в материальном, что вряд ли сможет от него освободиться». Манчини питал явную неприязнь к военной службе. Так что было решено, что мушкетеры будут на деле подчиняться своему младшему лейтенанту. Впрочем, Мазарини поручил Исааку де Баасу присматривать за его племянником и «хорошенько заботиться» о том, чтобы не подвергать ненужной опасности столь неопытного молодого человека. В апреле 1658 года после отставки г-на де Бааса, которому пришлось срочно принять командование каталонскими войсками, должность младшего

лейтенанта мушкетерской роты, предмет вождения многих, захотел купить находившийся на службе Мазарини флорентийский дворянин капитан гвардии граф де Магалотти, однако по неизвестным причинам эта сделка не состоялась. Именно тогда кардинал остановил свой выбор на д'Артаньяне. Согласно сведениям военного историка XVIII века Пинара, который имел возможность пользоваться ныне утраченными служебными документами, приказ о назначении д'Артаньяна был датирован 26 мая. Мы не знаем, однако, когда он официально вступил в должность. В любом случае, в сентябре д'Артаньян все еще состоял при Мазарини курьером по особым вопросам и доставил королеве и «Конфиденту» (то есть королю) письмо, сообщавшее о взятии Тюренном Менина и о победе над принцем де Линем.

Глава VII. Госпожа д'Артаньян Ну а женщины? В перерывах между опасными поручениями, должно быть, редкая представительница слабого пола стала бы «жестоко относиться» к молодому галантному гасконцу. Куртиль де Сандра приписал ему на этом поприще – известным людям всегда все приписывают – многочисленные приключения, которые явно не стоит принимать на веру. Они составляют легко читаемую и наиболее развлекательную часть поддельных Мемуаров г-на д'Артаньяна – это та часть, в которой автор дает свободу своей игривой фантазии, впрочем, избегая приводить конкретные имена. Помимо «жены посла», «богатой вдовы», «дамы, имеющей положение в свете» или «субретки», там можно найти женские образы, послужившие позже прототипами Александру Дюма. В первую очередь это квартирная хозяйка д'Артаньяна на улице Старой Голубятни, которая превратилась в Трех мушкетерах в нежную и трогательную Констанцию Бонасье, наперсницу королевы Анны. В многословных разглагольствованиях Куртиля, не умевшего соединять в романтическом сюжете политическую интригу и галантную хронику, это юная трактирщица-нормандка, «девица приличного происхождения» и «весьма хорошенькая женщина, достойная того внимания, которое к ней проявляли». Ее муж, бывший пехотный лейтенант, став арендатором, представлял, если можно так выразиться, удобный случай по причине длительных отлучек от семейного очага. Вместо того чтобы превратиться, как у Дюма, в драму, это приключение становится водевилем: однажды вечером подозрительный трактирщик, вооружившись пистолетом и кинжалом, застаёт двух голубков в постели. Неумному охотнику за юбками не остается ничего другого, как выпрыгнуть из окна. Он в одной рубашке приземляется на дворе прямо на два десятка подмастерий торговца

жареным мясом, которые «воспользовались прекрасным лунным светом, чтобы наворовать себе мяса» Куртиль описывает также ужасную «Миледи», со всей ненавистью преследующую самоуверенного гасконца, который однажды ночью, воспользовавшись покровом темноты, посмел выдать себя за ее любовника маркиза де Варда. В романе Куртиля Миледи – дочь пэра Англии и фрейлина королевы Генриетты Французской, бежавшей в Париж после английской революции. У нее на плече нет клейма в виде лилии. Эту мелодраматическую деталь Дюма (или Маке) почерпнул из одного эпизода, входящего в Мемуары графа Рошфора, апокрифический труд, написанный тем же вездесущим Куртилем. Некоторые исследователи полагают, что образ Миледи не был полностью вымышлен. В ней хотели видеть некую леди Карлайл, дочь графа Генри Нортумберленда. Эта молодая дама много раз приезжала во Францию после смерти своего супруга лорда Хей, графа Карлайла, и занималась подготовкой брака принца Уэльского[52] с Генриеттой Французской. Согласно Мемуарам Ларошфуко, из которых Дюма тоже кое-что уворовал, эта бывшая любовница Бекингема, которую завоевал Ришелье, была замешана в деле о подвесках (упоминаемом, кстати, только этим писателем-фрондером). Остается узнать, произошло ли на самом деле ее приключение с д'Артаньяном. Было бы сложно найти этому подтверждение. В ее бумагах не сохранилось ни одного любовного письма, ни в одной женской исповеди не упоминается его имя. Галантная хроника, столь изобильная в тот век, являвший миру мало добродетели, глухо молчит на этот счет. Этому не стоит удивляться. В те годы д'Артаньян был еще слишком незначительной фигурой, чтобы, подобно расфранченным волокитам своего времени, навешиваться к сладострастным придворным дамам или к трепетным амазонкам Фронды. В Любовной истории Галлии для него не нашлось места, даже самого малозаметного. Есть, правда, забавный набросок анекдота в Хрониках королевской прихожей[53], в которых написано, что д'Артаньян экипировал свой полк благодаря щедрости некой таинственной «очень богатой вдовы, едва двадцати двух лет от роду», которую он преследовал своими ухаживаниями. К сожалению, эти «Хроники» абсолютно ненадежны. Они представляют собой ловкую компиляцию сплетен, недоброжелательных слухов и пересудов, почерпнутых из сборников галантных историй той эпохи. Своим появлением они обязаны велеречивому перу писателя XIX века Тушара-Лафосса. То, что написано о д'Артаньяне, позаимствовано опять же у Куртиля. Однако в целом все эти приключения, столь

великодушно приписанные нашему гасконцу, если и не являются исторической истиной, то вполне хорошо отражают беспорядочную чувственную жизнь, которую вели молодые офицеры в конце правления Людовика XIII и в период регентства Анны Австрийской. Мимолетные влюбленности, солдатские романы, обмен ударами шпагой с одураченным мужем или с сидящими в засаде наемниками, умыкания, шелковые лестницы, преследования со стороны комиссаров Шатле... Рассказы того времени полны подобного рода эпизодов, способных вдохновить плодовитое перо автора авантюрных романов. Достигнув сорока лет, возраста, в котором – об этом не следует забывать – в XVII веке человек становился «старикашкой», офицеры, устав от галантных вольностей, исполнялись, по словам Монтеня, «меланхолического настроения». Отрезвевшие любители вольной жизни стремились теперь только остепениться, женившись, как положено, на вдове с богатым приданым. Именно так и поступил д'Артаньян. Как известно, в 1658 году стоял вопрос о женитьбе Людовика XIV на совсем юной Маргарите Савойской. В ноябре 1658 года король и королева-мать в сопровождении эскорта мушкетеров отправились в Лион, куда Владетельная Герцогиня Савойская привезла свою дочь на смотрины. В последнюю минуту план помолвки, широко объявленной с тем, чтобы вызвать ревность Испании, был сорван в результате внезапного прибытия посланника Католического короля, приехавшего для того, чтобы предложить королю Франции более престижную руку инфанты Марии-Терезии Австрийской. Однако для некоторых поездка в Лион оказалась бесполезной, ибо скорее всего именно во время этой поездки, находясь в Шалоне-на-Соне, наш младший лейтенант мушкетеров познакомился со своей будущей супругой Анной-Шарлоттой-Кристиной де Шанлеси. Она была дочерью сельского дворянина, однако весьма достойного происхождения. Это был Шарль Буайе де Шанлеси, барон де Сент-Круа, происходивший из древнего шаролезского рода, на гербе которого была изображена «на золотом фоне лазурная колонна, усеянная серебряными каплями», и имелся девиз «*Virtus mini numen et ensis*»[54]. Вплоть до этого времени жизнь Анны-Шарлотты была сплошной вереницей испытаний и несчастий, которые слегка испортили ее характер. Ее отец давно умер. Она, как и все девицы на выданье того времени, получила достаточно примитивное образование, которым занимались ее дядя Понтю де Шанлеси и ее мать Клодин де Римон, г-жа де Ларошетт, утешившаяся во вдовстве, выйдя замуж за развеселого капитана-губернатора Шалона-на-Соне Шарля де Энен-

Льетара. В октябре 1642 года Анна-Шарлотта, казалось, обрела счастье и богатство – а она явно не мыслила себе возможности обрести первое без второго, – выйдя замуж за благородного сеньора Жана-Леонора де Дама, барона де Ла Клайетт, Клесси, Бенн и ТрEMON, чей род, один из древнейших в Бургундии, восходил к XI веку. Увы, ее супруг был сразу же призван на поля сражений, и там ему было суждено погибнуть при осаде Арраса, где он был капитаном кавалерии в полку Юкселля. От этого брака не было детей. Писатель Эжен д'Ориак, обнаруживший в прошлом веке в молитвеннике портрет графини д'Артаньян, дает нам следующее трогательное описание: «Она была молода, но уже носила на лице следы неизбывной печали. Ее глубоко посаженные черные глаза поблекли от слез, и ровная матовая бледность заливала ее лицо. При этом она была красива, но скорее красотой изящества, нежели красотой формы». Она унаследовала многочисленные имения в провинции, в частности, баронские владения Сент-Круа на Солмане близ Луанса в округе Шалон, которые она увеличила за счет покупки земли еще во времена своего первого замужества. Это значительное имение, находившееся в области Брес, сначала принадлежало дому Атиньи де Вьенна, Хохбергам, принцам Нефшательским, затем в начале XVI века – принцам и принцессам Орлеанским, Лонгвилям и Бурбонам-Конде. Шарль де Шанлеси приобрел эти земли в 1626 году и передал по наследству своей дочери Анне-Шарлотте. Кроме того, у нее была долговая расписка на 60 тысяч ливров, по которой основная сумма долга должна была выплачиваться в виде ренты, назначенной герцогом д'Эльбефом, и 18 тысяч ливров, полученных от дяди. К этим богатствам следует добавить прекрасную меблировку замка, оценивавшуюся в 6 тысяч ливров. Младшему отпрыску гасконского рода, не имевшему за душой ни гроша, трудно было ожидать такой партии! В полдень 5 марта 1659 года в малом зале Лувра два суровых нотариуса из Шатле, мэтры Левассер и Буанден, одетые в темные одежды с белыми воротничками, прицепив к носу очки в стальной оправе, составили в присутствии жениха, невесты и приглашенных лиц брачный контракт. Контракт устанавливал общее владение супругов всеми доходами и приобретенной совместно недвижимостью, что оставляло баронство Сент-Круа в полном владении вдовы капитана Дама. Многочисленные отступления на парижский манер были изложены на привычном жаргоне судейского сословия: «... каковая мебель, а также часть других сумм и прав, перечисленных выше, включая сумму в 30000 ливров, находящуюся в обороте, переходят в совместное

владение, а оставшиеся сверх того упомянутые средства и права будут и впредь принадлежать госпоже будущей супруге и ее родственникам, как и таковые же расходы, которые в настоящее время производит упомянутый господин супруг, а также средства, которые он получит в будущем от продаж или возмещений, останутся собственностью его и его родственников». Короче говоря, эти строки показывают, что баронесса де Сент-Круа, как женщина опытная и осторожная, заранее предусмотрела, что ее «господин будущий супруг» может оказаться изрядным расточителем. Она также настояла на упоминании в дополнении к контракту о том, что совместное супружеское хозяйство не должно зависеть от долгов, сделанных до вступления в брак. Конечно же, ей следовало заранее обо всем позаботиться! В случае смерти мужа она должна была получить вдовью часть имения размером в 4 тысячи ливров ренты, обеспечиваемой покуда не существующим состоянием «поименованного господина будущего супруга» исходя из его «движимого и недвижимого имущества, какое бы ни наличествовало ныне и в будущем». Кроме того, было оговорено, что в таком случае «поименованная госпожа будущая супруга будет проживать в одном из домов, кои будут числиться принадлежащими поименованному господину будущему супругу на день его кончины». Контракт был составлен от имени «всемогущего монарха Людовика Бурбона, короля Франции и Наварры» и «светлейшего и достойнейшего монсеньора Жюля Мазарини, герцога Майеннского и Неверского, пэра Франции и первого министра королевства». После того как суровые нотариусы закончили подробное чтение этих утомительных параграфов, новобрачные приняли горячие поздравления присутствующих, малочисленных, но не мало-значительных. Судите хотя бы по свидетелям, призванным почтить своей подписью окончательный документ. Со стороны Анны-Шарлотты мы отметим присутствие ее единоутробного брата Габриэля де Энен-Льетара, владельца Роша, Ларошетты и Соля, королевского лейтенанта в крепости Шалон, ее кузена Жана-Франсуа де Шанлеси, маркиза де Плево, который вскоре стал хранителем гардероба Месье – старшего из братьев короля, а также мессира Франсуа де Прага, дворянина, состоявшего на службе принца де Кариньяно. Со стороны д'Артаньяна не соизволил явиться ни один из его родственников, даже его братья Поль и Арно, кюре Люпиака, даже его дядя Анри де Монтескью, лейтенант короля в Байонне. Не найдем мы среди свидетелей и ни одного из тех троих храбрецов, которых Дюма приучил нас всегда видеть подле него. Вместе с тем можно отметить

присутствие Антуана де Грамона, маршала Франции и генерал-полковника французской инфантерии, в сопровождении его супруги Франсуазы-Маргариты Дюплесси-Шивре и их двоих детей, очаровательной брюнетки Шарлотты-Катерины, будущей принцессы Монако, которая тогда блистала в расцвете своих 20 лет, и графа де Лувиэни. Присутствовал также верный старый товарищ дней суровых Франсуа де Бемо, с радостью избавившийся на несколько часов от своей обязанности охранять узников Бастилии. Церковное благословение брака было дано спустя месяц в церкви Сент-Андрэ-дез-Ар, принадлежавшей приходу, ближайшему к месту пребывания супруги, которая по прибытии остановилась в лионской гостинице. Как предписывала традиция, религиозная церемония состоялась на восходе солнца без какой-либо торжественности. Вот запись акта бракосочетания (полная ошибок), с которой сохранилась старая копия, а оригинал скорее всего погиб в 1871 году во время пожара в Парижской ратуше: «3 апреля в шесть часов утра заключен брак мессира Шарля Ожье де Кастельмора, сына мессира Антуана (sic!) де Кастельмора, с дамой Анной-Шарлоттой де Шанлеси, вдовой Жана-Леонора Дама, шеваляе, владельца Ла Клетты (sic!). Присутствовал мессир де Бесемо (sic!)[55], капитан гвардии господина кардинала и комендант Бастилии». Брак по любви? В XVII веке такой мотив показался бы крайне смехотворным. Браки среди дворян и зажиточных горожан были далеки от того, чтобы скреплять сердечную привязанность, и по сути основывались на совпадении эгоистических интересов. Став вдовой, г-жа де Шанлеси мечтала уехать из своей отдаленной провинции Брес и вновь обосноваться «в свете». Что до нашего мушкетера, который не мог до бесконечности продолжать свою холостяцкую жизнь, то он, помимо состояния, обретал благополучное положение в обществе. У нашей супружеской пары родилось двое детей: два сына, которые по неизвестным причинам были крещены не сразу. Первый родился в начале 1660 года, возможно, в Париже, второй появился на свет в июле 1661 года в Шалоне-на-Соне. Этот второй ребенок был крещен малым крещением без наречения имени и какой-либо официальной церемонии шалонским викарием капитула св. Винсента, о чем повествует регистрационная книга прихода. Крещение сыновей д'Артаньяна состоялось только в 1674 году после смерти отца. Надевая на себя тяжкие узы супружества, наш мушкетер, похоже, не особо задумывался и не заботился о разумном выборе, который можно было бы сделать в его возрасте и с его жизненным опытом. Г-жа д'Артаньян, не обладавшая, судя по всему,

миролюбивым характером, недолго терпела бурную жизнь своего мужа. Его бродяжническая жизнь, преданность своему делу, а также легендарная расточительность не пришлись по вкусу строгой и методичной дочери барона Сент-Круа. Правда и то, что д'Артаньян нечасто бывал дома (особенно, как мы еще увидим, тогда, когда разворачивалось дело Фуке) и что он зачастую бросал деньги на ветер. Стоит ли говорить о других претензиях супруги? Может быть, наш гасконец, перевалив за 40 лет, остался отчаянным ловеласом? Может быть, он ценил в своих постоянно сменяющих друг друга возлюбленных то, чего так недоставало его законной супруге, – очарование, нежность, юность? Вполне возможно. Куртиль, до которого докатилось эхо слухов об этом мезальянсе, утверждает, что супруги нередко доходили до «семейных скандалов» из-за того, что д'Артаньян постоянно бегал за чужими юбками. Может быть, стоит хоть раз ему поверить? Как бы то ни было, но по прошествии нескольких месяцев достойная супруга покинула семейный очаг и удалилась в свое родовое имение Сент-Круа, куда ее муж совершал лишь короткие наезды, чтобы уладить какие-нибудь домашние дела. 16 апреля 1665 года Анна-Шарлотта, боясь, что все ее приданое будет пущено на ветер, в присутствии судейских секретарей Шатле отказалась от совместного владения имуществом, придерживаясь «брачного контракта и оставляя за собой все, что было ею приобретено и получено после вступления в брак». Во всех документах, сохранившихся в архивах того времени, г-жа д'Артаньян предстает как женщина с мстительным характером, склонная к сутяжничеству и всегда настаивающая на своих правах. Одержимость сутяжничеством этой постоянно с кем-то судившейся упрямщицы могла бы сделать ее прототипом графини из Сутяг Расина[56]. Ее постоянно видели обивающей пороги суда в округе Макон в сопровождении ее поверенного мессира Жана-Шарля Тевене, всегда одетого в черную мантию и квадратную шапочку и возбуждавшего по ее требованию процесс за процессом – то против брата ее покойного первого мужа Антуана Дама, то против ее кузена Жана-Франсуа де Шанлеси, унаследовавшего родовое имущество. Можно понять, что при такой супруге д'Артаньяну не приходилось бороться с собой, выбирая между своими профессиональными обязанностями и домашним очагом.

Глава VIII. На заре нового царствования В конце 1659 года д'Артаньян снова оседлал коня и покинул свой парижский дом. Дело в том, что король вместе со всем двором отправился в путь, чтобы сочетаться браком со своей кузиной инфантой Марией-Терезией. В представлении двух вдохновителей

мира, Мазарини и дона Луиса де Харо, союз короля Франции и испанской принцессы должен был увенчать завершение противостояния двух древних держав Запада. Поездка оказалась долгой, как и переговоры, которые никак не продвигались к концу. Двор не спеша направился на юг, останавливаясь в провинциальных резиденциях и соизмеряя скорость своего движения с появлением и исчезновением дипломатических затруднений. Наконец весной 1660 года, пробыв несколько месяцев в Лангедоке и Провансе, кортеж двинулся в направлении Сен-Жан-де-Люза, где французские и, испанские посланники соревновались в усердии, желая довести деликатные переговоры до заключения брачного контракта. У д'Артаньяна не могла не оставить прекрасных воспоминаний эта неспешная сказочная поездка по его родной старой Гаскони, которую он, возможно, за последние тридцать лет ни разу не видел. 25 апреля в 4 часа пополудни Людовик XIV прибыл в Вик-Фезензак. В архивах города до наших дней сохранилась реляция о его триумфальном въезде. В ней упоминается следующее: «Младший лейтенант мушкетерского полка г-н д'Артаньян, командовавший своим подразделением, обеспечивал ординарную охрану...» На следующий день, направляясь в Ногаро, они издали увидели полускрытый зеленой листвой приземистый силуэт Капельмора. Король, несомненно, позволил своему младшему лейтенанту съездить туда во время импровизированной охоты в окрестных лесах. Представим себе возвращение домой сына этой земли, великолепного в своем алом мундире с золотым позументом, смеющегося среди толпы старых крестьян, обнимающего своего брата Арно, умудренного жизнью ректора Люпиака, и распаивающего древние ворота своего имения, где жил еще в кругу своих близких месье Поль де Капельмор... Однако времени было мало. К вечеру, возможно, успев забежать на несколько минут в сельскую церковь Нотр-Дам-де-Бобест, где покоились останки его отца и матери, д'Артаньян вновь присоединился к жужжащей, как пчелиный рой, королевской свите. Д'Артаньян и его товарищи стали свидетелями первых празднеств нового двора. Они уже и до того с восхищением наблюдали великолепную коронацию в Реймсе, убежденные в том, что созерцают зарю великого царствования. Однако ж им не приходилось еще видеть ничего столь волнующего и грандиозного, как церемония королевской свадьбы в Сен-Жан-де-Люзе. 3 июня 1660 года Людовик XIV торжественно въехал в город в окружении самых лучших солдат своего военного дома, двух отрядов дворян-телохранителей[57] под командованием господ д'Юмьера и де Пюигилема

(будущего Лозена), лейб-гвардии и, конечно же, вновь сформированной мушкетерской роты. Эта последняя произвела такое сильное впечатление, что испанский министр дон Луис де Харо при виде ее воскликнул: – Если бы Господь спустился на землю, ему не нужно было бы гвардии лучше этой! В течение многих дней узкие улочки старого сите[58], убранные гобеленами и орифламмами[59] и украшенные цветами, были полны инкрустированных золотом карет, великолепных скакунов, покрытых праздничными попонами, и огромных толп сеньоров в самых разнообразных костюмах. Испанцев узнавали по презрительным взглядам, которые они бросали из-под черных шляп, и по ордену Золотого руна на цепи; французов – по пышности разноцветных плюмажей и по изящным камзолам с лентами. В толпе солдат, камердинеров и слуг то здесь, то там виднелись также скованно державшиеся старые дворяне из местной округи, несколько сбитые с толку новыми манерами и оглушительным гулом толпы, одетые в мундиры и строгие костюмы времен короля Генриха... Утром 9 июня Людовик XIV, одетый в черное, сдержанный и элегантный, вместе со своей прекрасной белокурой инфантой, облаченной в усыпанное лилиями платье, занял место под балдахином из фиолетового бархата в баскской церкви Сен-Жан-де-Люза. После церемонии венчания, проведенной епископом Байоннским, молодые супруги объехали праздничный город. Затем все лето 1660 года ушло на возвращение в столицу. Королевский кортеж, не торопясь, пересекал Францию. Впереди, гарцуя на белых конях, чьи длинные заплетенные хвосты доходили до земли, ехали мушкетеры в новеньких голубых накидках с золотыми галунами. В Бордо, в Пуатье, в Амбюазе, в Орлеане это был триумф, в Париже в середине августа это уже был иступленный восторг, которому больше не суждено было повториться в этом веке. Канцлер, ректор, купеческий прево в сопровождении своих свит и бесчисленной толпы подошли к ограждению перед тронном, чтобы предстать перед Их Величествами. На всех улицах по дороге к Лувру дома были украшены гирляндами, мостовые усыпаны зеленью и цветами, воздвигнуты триумфальные арки с аллегорическими статуями. Из-за живой изгороди из протазанов и алебард огромное количество народа, давя друг друга, наблюдало за проходом войск. Все оценили отличные мундиры мушкетеров, скакавших четверьмя группами во главе с д'Артаньяном, разукрашенным, по словам Куртиля, «как монастырский алтарь». Впереди полка маршировал отряд барабанщиков. Другой такой же замыкал шествие. Первую бригаду из 76 человек отличали шляпы с пышными

белыми перьями. На головах 72 человек второй бригады красовались шляпы с белыми, желтыми и черными перьями. У следующих 52 человек перья были белые, синие и черные, а у последних 60 – белые и зеленые. Каждый бригадир маршировал во главе своего отряда, а знаменосец – в середине. Этим триумфальным въездом юного короля особенно должен был наслаждаться человек, который незаметно наблюдал за ним, опершись о балкон дома Бовэ, ибо это был апофеоз его собственных трудов. Но кто бы мог узнать кардинала Мазарини в этом изможденном старце, согбенном и мучимом подагрой и мочекаменной болезнью? Ему не было еще 60 лет, но из-за утомления, накопившегося за годы гражданской войны, он выглядел на 10-15 лет старше своего возраста. Если бы не его невероятная энергия, которую он целиком поставил на службу Франции, ни у кого не хватило бы ни сил, ни, в первую очередь, терпения для того, чтобы восстановить авторитет государства, лавируя среди постоянно возобновляющихся опасностей, никто не сумел бы усмирить чванливое дворянство, свести на нет постоянно растущие претензии Парламента, положить конец европейскому военному конфликту и, наконец, получить для короля Франции в качестве залога будущего мира руку маленькой испанской инфанты, которую с искренним восторгом рассматривали в эти мгновения жители Парижа. Так завершался его великий труд, который продолжал и превзошел труды Ришелье и подготовил высший и беспокойный расцвет абсолютной монархии. Через несколько месяцев, 9 марта 1661 года, Мазарини почил в мире, удовлетворенный тем, что верно послужил своей второй родине, впрочем, никогда – отнюдь! – не забывая и своих собственных интересов... Д'Артаньян, не желая огорчать кардинала, сохранял за собой командование ротой французской гвардии, передав соответствующие предписания своему заместителю Клоду де Разийи. Сам же он в первую очередь занимался делами мушкетеров, которые, по словам венецианского посланника Баттисты Нани, стали «основным развлечением» короля: «Его Величество является их капитаном. Он командует ими, обучает их дисциплине, заставляет проводить учения и формирует эскадроны». Несомненно, именно здесь следует искать истоки будущей карьеры гасконца. Благодаря ежедневному общению с мушкетерами король стал доверять ему и давать важные щекотливые поручения. В марте 1661 года, спустя несколько дней после смерти своего покровителя, д'Артаньян, все более и более занятый службой при Людовике XIV, решил покинуть гвардейский полк. Не будучи богатым человеком, он все же не стал

пытаться извлечь выгоду из должности капитана, за которую, как мы помним, ему пришлось заплатить изрядную цену. Он избавился от нее, уступив по низкой цене знаменосцу гвардии Мазарини по имени Мере (несомненно, родственнику знаменитого шевалье, носившего то же имя[60]). В политическом плане кончина кардинала создала сложную проблему поиска его преемника, ибо король, совершенно опьяненный своими новыми ответственными обязанностями, был еще весьма молод и неопытен. Кто же должен был взять в руки бразды правления? Фуке или Кольбер? Общеизвестно, что между этими двумя соперниками сразу же завязалась ожесточенная борьба. Готовый на любую работу, Кольбер с ловкостью заставил короля прислушаться к себе и возбудил в нем ревность к Фуке. Он пользовался малейшей возможностью, чтобы описать юному Людовику XIV, жившему покуда в обстановке бедного, зачаточного двора, не достигавшего ни блеска, ни утонченности двора Валуа, то одиозное могущество и наглую роскошь, в которой жил великий казначей. Фуке надеялся, что сможет вернуть милость своего монарха, устроив у себя в имении Во великолепное празднество в его честь. Вечером 7 августа 1661 года длинная вереница карет, сопровождаемая французской гвардией и мушкетерами, въехала на парадный двор его замка. Хозяин дома, разодетый в золотую парчу, почтительно вышел навстречу ехавшему верхом государю. Он преклонил колена, поприветствовал прибывшего и пригласил его войти в имение. Парк и замок сразу же осветились, взметнулись ввысь блестящие брызги фонтанов. Г-н Фуке умел принимать гостей. Изумленные король и королева в сопровождении его архитектора Лебрена и садовода Ленотра посетили этот дворец из «Тысячи и одной ночи», погуляли по сказочному парку с очаровательными рошицами, мерцающими водопадами, освещенными гротами, клумбами цветов. Был подан легкий ужин. И можно представить, сколь он был вкусен, если повара звали Ватель![61] Как отличалось все это от тяжеловесных и пышных пиров в Лувре! Тонкие вина и изысканные блюда состязались в счастливом созвучии оттенков вкуса. Было накрыто 80 столов, 30 буфетов, заготовлено 120 дюжин салфеток, 500 дюжин серебряных тарелок, 36 дюжин блюд и сервиз из массивного золота. Встав из-за стола, все направилось в зеленый театр, обустроенный в конце пихтовой аллеи и освещенный сотней факелов. И потом, когда поднялся занавес, как говорит Лафонтен: Все послужило в Во усладе короля: И музыка, и воды, и звезды, и земля. В роли нимфы, сидящей в раковине, которая раскрылась в обрамлении двадцати струй воды из

фонтанов, появилась Мадлен Бежар[62]. Она очаровательно прочитала небольшой пролог, сочиненный искусным Пелиссоном, затем уступила место балету фавнов, нимф и сатиров. После этого на специальных подмостках Мольер представил свою новую комедию «Докучные». И наконец, в надвинувшейся ночи, когда огни театра гасли один за другим, а гобой и скрипки постепенно замолкали, гости маленькими группами двинулись к замку. В это мгновение, когда никто уже ничего более не ожидал, с расположенного на куполе фонтанаря взлетело облако ракет и серпантина, разлетевшееся на тысячу слепящих искр. Пока темное августовское небо озарялось блеском снопов сверкающих лучей и дождем искр, король покинул Во вместе со своими мушкетерами. Выйдя на крыльцо, он холодно поблагодарил хозяина. – Господин Фуке, – сказал он, – ждите от меня известий... » Глава IX. Ответственное поручение Великолепиие Во вместо того чтобы, как надеялся Фуке, произвести на короля благоприятное впечатление, только усилило в нем чувство ревности и враждебность. В то время как некоторые все еще думали, что суперинтендант унаследует если не официальный титул Мазарини – титул первого министра, то по меньшей мере его положение, Кольбер уже получил от Людовика XIV приказ об аресте своего могущественного соперника. В тот момент двор должен был направиться в Нант на заседание Провинциальных Штатов, на котором король одним своим присутствием рассчитывал заставить своих бретонских подданных выложить кругленькую сумму. Все заставляло предполагать, что именно в Нанте что-то произойдет... Еще перед отъездом король, вечно стесненный в деньгах, от души постарался опустошить кассы суперинтенданта, затребовав у него денег по двум статьям: для оплаты своего войска и на расходы двора. Фуке, несмотря на то, что его шпионы за последние месяцы постоянно предостерегали его «не верить доброму отношению и приятной мине» Его Величества, поспешил быстро удовлетворить это требование. Чересчур уверенный в своем могуществе, чересчур рассчитывающий на свою способность распутывать любые интриги, он совсем не обращал внимания на все более явственно проступавшие признаки своей будущей опалы. Он считал себя другом юного короля, необходимым человеком, которого не могут и не посмеют разлучить с монархом. Итак, 29 августа Людовик XIV и его двор покинули дворец Фонтенбло и отправились в Нант в сопровождении лейб-гвардии и мушкетеров. Проехав сначала до Блуа, а затем до Ансени, на третий день кортеж прибыл в столицу герцогини Анны[63]. Королевский Совет присутствовал в

полном составе, включая министров и государственных секретарей Летеллье, Кольбера, Бриенна, Лионна, Фуке... Дело в том, что последний без колебаний отправился вместе с двором в это путешествие, хотя друзья настойчиво советовали ему уклониться от поездки. Увы! Фуке уже, сам того не понимая, совершил смертельную ошибку: он только что продал г-ну де Арле свою должность генерального прокурора парижского Парламента, должность, делавшую его почти неуязвимым. С этих пор он фактически стал приговоренным, разгуливающим пока на свободе. 30 августа он прибыл в Нант совершенно разбитый и вдобавок мучимый лихорадкой. Вместе со своим другом Гюгом де Лионном, государственным секретарем «по чужестранным делам», он остановился в доме Руже. На следующий день, невзирая на свое болезненное состояние, он заставил себя пойти во дворец поприветствовать Его Величество. Король принял его крайне вежливо, делая вид, что беспокоится о его здоровье. В этот день Фуке не обратил внимания на царившую при дворе атмосферу таинственности. В окружении Людовика XIV все перешептывались, поспешно читали какие-то записки и сразу же их прятали. Мушкетеры и гвардейцы прохаживались тут и там в кулуарах дворца, а двери королевского кабинета были закрыты для всех, кроме нескольких редких избранных, к которым пока что относился и Фуке. Можно, конечно, удивиться тому, сколько предосторожностей было принято, чтобы арестовать одного человека. Разве король не был бесспорным хозяином королевства, первым дворянином Франции и единственным командующим армией? Что мог сделать против него богатый сеньор, ослепленный блеском собственного могущества? Следует, однако, представлять себе особенности атмосферы французского двора того времени. Мы находимся в начале правления Людовика XIV. Король, пока еще довольно неловкий молодой человек, едва успел усвоить политические наставления кардинала Мазарини. Он еще весьма далек от того образа всеподавляющего солнечного владыки, который сделает его правление символом абсолютной монархии. Робкий, не смеющий никому доверять, он не забыл еще беспорядков Фронды и унижений времен своего детства, болезненных картин ночного бегства в Сен-Жермен, несчастий и бедности двора. Время анархии окончилось еще так недавно, что он не считал, будто все опасности уже устранены. Разве фрондистское дворянство не осталось столь же вспыльчивым, а его дух столь же воинственным? Королева-мать, Конде, Тюренн, герцог де Бофор – все эти основные действующие лица гражданской войны, кроме Мазарини и герцога Орлеанского, –

разве все они еще не окружают его, питая в сердце тайную злобу? В таких условиях арестовать самого могущественного в королевстве человека, способного мгновенно расстроить все планы противника, обвинить двор и поднять своих сторонников на борьбу, было нелегким делом. Предстояло совершить настоящий государственный переворот, исход которого отнюдь не был предрешен. Суперинтендант в течение многих лет наращивал свое могущество. Он приобрел множество сторонников и почитателей в рядах бывших клиентов Мазарини. Он располагал укрепленным лагерем на Бель-Иль-ан-Мер и постоянно поддерживал его укрепления в боевой готовности; в его распоряжении были военно-морские силы Франции; он носил титул вице-короля Америки. Наконец, объявление об его аресте могло спровоцировать серьезные волнения в провинциях, особенно в Бретани, всегда готовой подняться на защиту своих привилегий против централизованной королевской власти. Ко всем этим опасным брожениям могла добавиться еще паника в финансовых кругах, чреватая непредсказуемыми последствиями. Все это объясняет, почему Кольбер, готовя арест, не хотел полагаться на волю судьбы. Он все ясно себе представил, спланировал и предусмотрел, вплоть до бульона, который Фуке должны были подать после его ареста. Однако для того, чтобы совершить этот акт высокой политики, нужен был доверенный человек, в характере которого строгость и энергичность сочетались бы с достаточной решительностью. Согласно традиции, поручения подобного рода исполнял капитан лейб-гвардии. В трагические для монархии времена именно ему приходилось брать под стражу таких мятежных фрондеров, как Бофор, Конде, Лонгвиль, кардинал де Рец... Именно своему капитану гвардии и доверенному лицу Витри король Людовик XIII в годы своей юности поручил арестовать, а может быть и убить, Кончини. Но где найти такого Витри? Должность капитана гвардии в описываемое время занимал дворянин, несомненно, честный, но, по видимости, отнюдь не обладавший требуемой решительностью. Это был герцог де Гевр. Кроме того, герцог был если не сторонником Фуке, то, по крайней мере, одним из его друзей. Так или иначе, король ему не доверял. Он видел подле себя только одного «полностью преданного ему»²¹ человека – младшего лейтенанта мушкетеров. В четверг 1 сентября Людовик XIV, расположившись в своем кабинете, звонком вызвал к себе Роза, бывшего секретаря Мазарини, которого он взял к себе на службу. – Позовите господина д'Артаньяна. Бросились искать д'Артаньяна: тот был не на посту во дворце, а у себя дома в постели, страдая от

приступа тяжелой лихорадки. Король не поверил. Не прячется ли его верный д'Артаньян за некой дипломатической болезнью? – Все равно пусть придет. Мушкетера сильно удивила и несколько раздражила такая настойчивость. Он попросил друзей отнести его в кабинет короля, чтобы тот убедился, что его не обманывают: страдающий лихорадкой больной действительно отвратно себя чувствует и едва может стоять на ногах. – Господин д'Артаньян, – сказал король, – я полностью доверяю вашей преданности и выбрал вас для выполнения определенного поручения. Если бы вы были в лучшем состоянии, я уже сегодня сообщил бы вам все его подробности. Вернитесь пока домой и позаботьтесь о своем здоровье, которое мне дорого. Дело, которое меня занимает, может быть отложено на два-три дня, когда вы уже опять будете на ногах. Д'Артаньян не заставил себя упрашивать, он быстро вернулся к себе. В пятницу и субботу под различными предложениями к нему приходили от короля дворяне, чтобы убедиться, стихает ли лихорадка. Все это время Людовик XIV, сидя в своем дворце, не занимался ничем, что было бы связано с официальной целью его приезда: он всего лишь раз пришел на заседание Бретонских Штатов. Задачу вытянуть из них добровольный дар в три миллиона ливров он поручил Фуке. Вплоть до последнего момента король без колебаний пользовался талантами этого человека. В воскресенье 4 сентября, почувствовав себя лучше, д'Артаньян отправился во дворец. Король находился в одной из галерей в окружении придворных, когда увидел мушкетера, о приходе которого только что доложили. – А! Господин д'Артаньян, – сказал он, прерывая беседу. – Я очень рад, что вы поправились. Расскажите, что нового в моей роте. – Государь, у меня с собой отчет. Король берет документ и начинает его просматривать, направляясь к окну и оставляя посреди зала полдюжины придворных, с которыми только что беседовал. Он делает д'Артаньяну знак следовать за собой. Они проходят вдвоем в кабинет, и король собственноручно запирает за собой дверь. После этого он осведомляется о здоровье своего преданного офицера, опять говорит о своей доверии к нему и объявляет, что, «будучи недоволен поведением господина Фуке», принял решение его арестовать. – Я предпочитаю вас господину де Гевру, которому мне следовало бы по правилам поручить это дело. Однако будь те настороже! Я не хочу от вас никакой неосторожности. Фуке слишком могуществен и слишком умен, чтобы не воспользоваться вашим малейшим неверным шагом. Чтобы не обижать господина де Гевра, суперинтенданта следует арестовать после того, как он, выйдя из Совета, минует

первый пост дворцовой охраны. Д'Артаньяна ошеломило возложенное на него поручение: арестовать самого могущественного королевского подданного, человека, перед которым трепещет сам король! Сможет ли он достойно исполнить то, чего от него ждут? Оправдает ли он доверие государя? В первую очередь он хочет заручиться письменным подтверждением своих полномочий. – Ваше Величество, – отваживается он вымолвить, – не могли бы вы дать мне письменный приказ, отражающий волю, чтобы я мог предъявить его господину Фуке? – Все готово, – отвечает Людовик XIV. – Пойдите к господину Летеллье, он в курсе наших намерений. Он пере даст вам пакет, содержащий приказы и инструкции, которые вы должны scrupulously соблюдать. Ему же вы дадите подробный отчет о ваших действиях. Сумма в 1000 ливров ждет Вас у господина Кольбера. Д'Артаньян салютует королю и собирается уходить. – Минуточку, господин д'Артаньян, – добавляет с улыбкой Людовик XIV. – Следует как-то удовлетворить любопытство той назойливой публики, которая ждет у двери моего кабинета и может удивиться, что вы столь долго оставались у меня. Скажите этим господам, что вы приходили просить меня о милости и я удовлетворил вашу просьбу. Мушкетер легко пробрался через толпу болтливых и развязных придворных. Затем он сразу же направился в Военный департамент, где нашел г-на Летеллье, окруженного разодетыми и напыщенными дворянами. – Его Величество, – громко сказал д'Артаньян, – оказал мне милость и велел срочно явиться к вам за документами. Все расступились. Летеллье все понял и сразу же повел Д'Артаньяна в свой кабинет. Конечно, король оказал ему «милость». Однако какую тяжкую! Д'Артаньян еще не пришел в себя. Он не мог понять, отчего чувствует себя столь ослабевшим – от охвативших ли его чувств или от болезни? У закаленного в боях мушкетера подгибались колени. Летеллье предложил ему сесть и налил добрый бокал вина, чтобы предотвратить новый приступ слабости. Наконец д'Артаньян вскрыл врученный ему государственным секретарем пакет, в котором содержались все необходимые инструкции. Дабы не допустить разглашения тайны, составлявших его копиистов держали под замком. Сначала д'Артаньян прочел королевский указ, предписывавший ему арестовать суперинтенданта. В нем говорилось: «Именем короля, Его Величество, решив по веским соображениям обезопасить себя от г-на суперинтенданта финансов Фуке, постановил и повелевает младшему лейтенанту конной роты мушкетеров г-ну д'Артаньяну арестовать вышеупомянутого г-на Фуке и

препроводить его под доброй и надежной охраной в место, указанное в меморандуме, который Его Величество вручил ему в качестве инструкции. Следует следить по пути за тем, чтобы вышеупомянутый г-н Фуке не имел ни с кем общения, ни устного, ни письменного. Дано в Нанте 4 сентября сего 1661 года (Подпись) Людовик». Далее следовал длинный меморандум, указывающий, какие действия следует совершить. В первую очередь д'Артаньян со своими мушкетерами должен был арестовать Фуке по выходе из дворца. В сопровождении пяти или шести человек он должен был препроводить его в квартиру королевского камергера, вокруг которой его отряд должен был расположиться на страже. Затем в документе указывалось: «Г-ну д'Артаньяну следует принять меры предосторожности, не теряя его (Фуке) из виду с момента ареста и не позволяя ему класть руки в карманы, чтобы он не имел возможности выбросить какую-нибудь бумагу, и сразу же по прибытии в упомянутый зал он должен сказать ему, что король требует принести ему все бумаги, которые он имеет при себе, и внимательно проследить за тем, чтобы он не спрятал ни одной из них». Отдельный документ предусматривал, что, если д'Артаньян окажется лишен «возможности действовать в результате приступа лихорадки», он может воспользоваться услугами двух приданных ему в помощь господ офицеров лейб-гвардии Деклаво и Мопертюи. Еще один указ предписывал д'Артаньяну послать одного бригадира и двух мушкетеров в Ансени, чтобы выполнить приказ, который будет передан им там на следующий день: приказ останавливать всех курьеров, посланных не от имени двора. Людовик XIV старался сделать так, чтобы в Париже как можно позднее узнали об аресте. В пакете были еще и другие подписанные Летеллье депеши, снабженные необходимыми печатями и приказывавшие комендантам крепостей и замков, в которых должен был останавливаться Фуке, «оказывать всю необходимую помощь г-ну д'Артаньяну». Письмо к г-ну де Камарсаку, коменданту замка в Анжере, предписывало вывести из замка находившийся там маленький гарнизон. Другое письмо короля содержало инструкцию мэрам и эшевенам этого города принять д'Артаньяна и его отряд, бесплатно расквартировать их и продавать им провиант. В Анжере, где Фуке предстояло ожидать дальнейших указов, д'Артаньян имел право предпринимать любые шаги, необходимые для обеспечения его пленника надежным местом жительства. Кроме всего прочего, ему поручалось обеспечить его меблировкой, обслуживать его, короче, предусмотреть все удобства, однако же при этом обыскивать его белье. Д'Артаньян

возвращается домой, чтобы тщательно изучить эти документы и отдать необходимые приказы. Предосторожности ради он посылает маленькие отряды мушкетеров к дому Руже проверить, нет ли там какого-нибудь подозрительного движения. Что касается суперинтенданта, то он уже целый день не виделся с королем. Отстояв мессу, он сразу же вернулся к себе. Спустя немного времени его навестил Кольбер, который, цинично пользуясь последними мгновениями свободы соперника, вновь затребовал у него денег на нужды флота. Где-то после полудня государственного секретаря и друга суперинтенданта Ломени де Бриенна вызвали к королю. – Пойдите к господину Фуке, – сказал король, – и предупредите его, что заседание Совета состоится завтра в 7 часов утра. После этого я все утро буду на охоте с моими мушкетерами. И действительно, на следующий день наметили эту охоту, чтобы усыпить бдительность суперинтенданта и предотвратить его возможное бегство в Бель-Иль. Итак, Бриенн направился в дом Руже. Там все пребывало в спокойствии. Он нашел Фуке страдающим от лихорадки и кутающимся в домашний халат. Фуке спросил, что происходит во дворце и ни капли не удивился царящему там возбуждению. – Сударь, – доверительно сказал он Бриенну, – вы – один из моих друзей, и я открою вам тайну. Кольбер проиграл, и завтрашний день станет одним из счастливейших в моей жизни. Бриенн вместе с хозяином дома, не задерживаясь, прошел через большой зал, где юные пейзане Бель-Иля, одетые в алые платья с полосками из черного бархата, под звуки флейты и скрипки играли фольклорный спектакль. Посланец вернулся к королю и сообщил ему, что у суперинтенданта новый приступ лихорадки. – Сходите к господину Фуке еще раз сегодня вечером и справьтесь, стало ли ему лучше, – сказал Людовик XIV. – Я хочу, чтобы он исполнил свое обещание и вовремя пришел завтра на Совет. Бриенн выполнил поручение. Около одиннадцати часов он явился в дом Руже. На этот раз он нашел суперинтенданта в лучшем состоянии, ужинающим в компании нескольких друзей. – Решено, Бриенн, – сказал тот, – я обязательно приду на Совет. – Берегитесь, это ловушка, – прошептал его интendant Гурвиль. – Как можно скорее бегите из Нанта. Я советую вам отправить завтра во дворец ваши Туустые носилки со спущенными шторами, а самому уехать из города в самой простой карете... Фуке только пожал плечами. – У вас слишком бурное воображение, мой дорогой Гурвиль. Король никогда не осмелится арестовать такого человека, как я. Я всегда верил в свою звезду – и всегда преуспевал. Между тем, несмотря на все свое бахвальство, суперинтendant

был озабочен куда более, чем это могло показаться. Присутствие мушкетерских патрулей на улице не ускользнуло от его внимания. – Сударь, – сказал он Бриенну, – меня только что известили о том, что капитан гвардии Шавиньи вместе со своим полком погрузился на два больших корабля и направился на захват Бель-Иля. Гурвиль настаивает на том, чтобы я бежал через акведуки²². Однако, – добавил он, – я не собираюсь ни чего такого делать. Следует пойти на риск. Я не могу поверить, что все это готовится против меня. Пока у Фуке и во дворце весело ужинали до поздней ночи, д'Артаньян расположил своих людей в боевом порядке. К 6 часам утра значительный отряд мушкетеров в полном вооружении разместился у запасного выхода из дворца со стороны поля, а два эскадрона по 20 человек каждый ожидали со стороны парадного двора и центральных ворот. Часом позже король открыл заседание Совета, на котором присутствовали Лионн, Летеллье, Кольбер, Бриенн, Бушра, Фуке... Едва суперинтендант вышел из своего дома, мушкетеры д'Артаньяна расположились группами перед дверьми, контролируя все входы и выходы. Заседание во дворце проходило как обычно. Когда оно закончилось, первыми вышли Кольбер и Лионн. Мишель Летеллье подошел к Бушра, ведавшему в Государственном Совете прощениями и бывшему комиссаром короля в Бертонских штатах. Он быстро сунул ему в руку скомканный листок. – Быстро прочтите и исполняйте, – прошептал он. Бушра незаметно развернул листок, на котором были написаны следующие слова: «Король повелевает Вам сейчас же опечатать дом г-на суперинтенданта». Тем временем Людовик задержал Фуке у себя и весьма любезно беседовал с ним. Он настойчиво хотел показать ему какой-то важный документ, который якобы искал у себя на столе. Проходя возле окна, он увидел во дворе д'Артаньяна в форме мушкетера со шпагой на боку. Тогда он наконец разрешил суперинтенданту откланяться, и тот вышел из зала Совета, как всегда, чувствуя себя как дома и, возможно, радуясь тому, как милостив к нему молодой король. Он прошел по большой лестнице, где его ожидала толпа почитателей и просителей. По пути он поприветствовал Бушра, все еще державшего в руке известный нам листок. Да, в это мгновение именно он был истинным хозяином государства, обладателем реальной королевской власти. Потом он спокойно вышел из дворца, беседуя то с одними, то с другими и теребя свои широкие кружевные рукава. Как мы уже говорили, д'Артаньян получил приказ арестовать Фуке, как только тот выйдет за ворота. Однако прежде следовало получить от Летеллье подтверждение приказа.

Поэтому д'Артаньян не пошел сразу вслед за Фуке. Увидев, что Летелле вместе с г-ном де Лафейядом спускается по лестнице, он решил подойти к нему, но министр был полностью поглощен важной частной беседой. По всей вероятности, Лафейяд пытался прикрыть отъезд Фуке, задерживая Летелле. Д'Артаньян был удивлен и несколько обеспокоен. Он ничего не знал о том, что произошло на Совете. Может быть, король передумал? Что делать? Прервать беседу министра, удаляющегося под окружающие двор деревья и ничего ему не говорящего? Наконец, д'Артаньян подбежал к Летелле, только что освободившемуся от навязчивого собеседника, и спросил его: не изменилось ли что-нибудь? – Ничего не изменилось! Д'Артаньян в ужасе поспешно возвращается на дворцовую площадь и видит там своего друга Роза. – Где суперинтендант? – тихо спрашивает он. – Он несколько минут назад вышел из зала Совета. В это время носилки Фуке уже миновали замковые стены, высокомерно проплыли мимо второго эскадрона мушкетеров и, продолжая путь, тихо исчезли на улицах города. Такая неприятность могла сорвать все дело. Д'Артаньян посылает своего помощника Мопертюи сообщить королю, что он упустил суперинтенданта. Затем вместе с 15 мушкетерами он вскакивает в седло и бросается на поиски на улицы Нанта. Он настигает носилки на соборной площади и велит окружить их. – Сударь, мне нужно поговорить с вами, – бросает он Фуке. – Не может ли ваше дело подождать до того момента, когда я вернусь к себе? – Нет, сударь, то, что я должен вам сказать, не терпит отлагательств. – А! – озадаченно восклицает суперинтендант. Он выходит из носилок и приветствует д'Артаньяна взмахом шляпы. Тогда д'Артаньян сообщает ему о том, что получил приказ задержать его. – Однако, господин д'Артаньян, точно ли, что вам нужен именно я? – Абсолютно точно, сударь. Вот письменный приказ Его Величества. И д'Артаньян предъявляет уже известный нам указ об аресте. Фуке читает и перечитывает его несколько раз, постепенно меняясь в лице. Затем, пытаясь подавить тяжелые чувства, охватившие все его существо, он все же выдает себя, прошептав: – Ничего подобного я не ожидал. Я верил, что король милостив ко мне более, чем к кому бы то ни было в нашем королевстве. Я в вашем распоряжении, месье, но прошу, чтобы все было сделано без лишнего шума. Несколько просителей, которые вплоть до этого момента сопровождали носилки суперинтенданта, бросились врассыпную, боясь, что солдаты уведут и их. Фуке воспользовался этим минутным замешательством, чтобы прошептать Кодюру, слуге Анны Австрийской, которого он хорошо знал:

«Быстро в Сен-Манде!» Зоркое око д'Артаньяна ничего не заметило. Кодюр сразу же помчался к самому верному камердинеру Фуке Лафоре и предупредил его об аресте хозяина. Не теряя ни минуты, Лафоре бегом бросился прочь из Нанта, добрался до первой подставы лошадей, приготовленной суперинтендантом «на всякий случай» в двух лье от города, и пустился галопом в Париж. Там он явился к другу суперинтенданта мадам Дюплесси-Белльер, в чьем доме собрался маленький военный совет во главе с аббатом Фуке. – Следует отправиться в Сен-Манде и поджечь дом, – посоветовал аббат. – Это единственное средство спасти моего брата. – Вы сошли с ума, аббат, это все равно что подписать ему смертный приговор. Фуке не в чем упрекнуть, и король будет вынужден отпустить его. – Нет, мадам, у него есть важные бумаги, которые не должны попасть в руки врагов. Спор затянулся, и те несколько часов, на которые Лафоре опередил официальных курьеров, были потеряны. Благодаря этому гражданский судья д'Обре успел без труда опечатать в первоизданном виде бумаги Фуке в его доме в Сен-Манде, а канцлер Сегье сделал то же самое в суперинтендантстве. «Фуке хотел получить печати, – с иронией сказал последний, – вот он их и получил». Тем временем в Нанте после ареста суперинтенданта гвардейский офицер Деклаво отправился во дворец и объявил королю, что его приказ выполнен. Тогда Людовик XIV вышел из своего кабинета и прошел в караульное помещение, где в то время находились многие дворяне, в том числе Тюренн, Конце, Лионн, Вильруа. Последовавшая сцена всем известна и напоминает лубочную картинку. – Господа, – громко сказал король, – я велел арестовать суперинтенданта. Наступило время, когда я сам стал заниматься своими делами. Я решил арестовать его четыре месяца назад. Если я откладывал исполнение этого намерения до сегодняшнего дня, то лишь для того, чтобы нанести удар в такой момент, когда он сочтет себя наиболее почитаемым как государством, так и собственными друзьями. От этих слов на присутствующих повеяло смертельным холодом. Они с ужасом вдруг увидели истинный характер сына Анны Австрийской. Двор был подавлен энергией молодого суверена. В кулуарах герцог де Гевр в ярости хлопнул дверью, заявив с завистью: – Что я сделал, чтобы получить такую пощечину? Что я, не смог бы арестовать его не хуже д'Артаньяна? Я смог бы арестовать собственного отца, а уж тем более своего лучшего друга... В это время д'Артаньян, вместо того чтобы препроводить арестованного в замок, как это предусматривалось меморандумом, предпочел не слишком привлекать внимание и отвести его в

ближайший дом, который принадлежал Великому Архидиакону Фурше, синдикку Штатов и дяде первой жены Фуке. Попав туда, суперинтендант принялся громко протестовать против ареста и незаконных действий по отношению к его персоне. Д'Артаньян со всей вежливостью попросил его соблаговолить без сопротивления согласиться на личный обыск, который ему приказано произвести. Все найденные на арестованном бумаги были сложены в пакет, который гасконец опечатал. Затем он послал своего квартирмейстера г-на де Сен-Мара с этим пакетом к королю, снабдив его также запиской, в которой сообщал о благополучном исходе операции и своем скором отъезде в Анжер. Выпив бульону, того самого знаменитого бульону, предусмотренного Кольбером, Фуке сел в карету с железными решетками на окнах – настоящую клетку на колесах, – где рядом с ним заняли места д'Артаньян, два его помощника гг. де Мопертуи и Деклаво и губернатор Бриансона г-н де Бертран. Карета направилась в Анжер. В Мовэ к этой карете присоединился эскорт из сотни мушкетеров, и все вместе они проскакали быстрым аллюром еще шесть лье. Прибыв в Удон, д'Артаньян убедил Фуке передать ему письменный приказ с указанием коменданту Бель-Иля г-ну де Лаайю де Нуайе сдать крепость войскам короля. Мопертюи получил задание немедленно доставить этот приказ Людовику XIV. Спустя 15 дней один из офицеров гвардии получит в результате ключи от крепости и со своими 150 солдатами разоружит гарнизон. Таким образом будет устранена опасность мятежа. 7 сентября зарешеченная карета прибыла в Анжер и попала в толпу зевак, которые, с радостью узнав об аресте, явились посмотреть на униженного Фуке. – Не бойтесь, что он сбежит, – кричали они д'Артаньяну. – Мы его сразу же удавим собственными руками. Приехав в замок короля Рене[64], который губернатор только что приказал очистить, д'Артаньян занялся расстановкой постов охраны и достойным обустройством своих подопечных: Фуке, его слуги Лавалле и вновь прибывшего его личного врача Пекке. Замок Анжера, старая средневековая крепость с десятью массивными башнями, усеченными на высоте бойниц, был в это время обветшалым, можно сказать, заброшенным зданием, лишенным каких бы то ни было удобств. Король разместил там небольшой гарнизон, однако вот уже десятки лет никто не заботился об его обустройстве. Ничто не предвещало, что ему предстоит стать тюрьмой. Следовало обеспечить в этом здании надежную охрану арестованных, снабдить их мебелью и условиями жизни, соответствующими их бывшему положению в обществе. Выполнение всех этих задач

быстро опустошило кошелек д'Артаньяна. 17 сентября ему пришлось просить Кольбера выдать предусмотренную на расходы тысячу ливров: «Я был вынужден купить для него какую-то посуду и найти подходящую кровать, ибо та, на которой он спит, не из приличных, да и эту я взял напрокат. В моем приказе значится, что я должен покупать необходимую ему мебель». Следовало также позаботиться о самом здании, большая часть которого находилась в плачевном состоянии. Мост грозил обрушиться, колокольня церкви опасно наклонилась. Д'Артаньян сообщил об этом Кольберу и попросил его отдать приказ о проведении наиболее насущных ремонтных работ. «Поскольку я ничего не смыслю в строительстве, – писал он, – надеюсь, Вы сочтете правильным, что я не вмешиваюсь в эти дела». Кроме того, д'Артаньян попросил Летеллье прислать еще 25-30 мушкетеров, чтобы усилить охрану узников. «Уверяю Вас, что мои товарищи ужасно утомлены... Дело не в том, что их у меня недостаточно для охраны крепости и надежного содержания арестованных, а в том, что их недостаточно, если учесть все неудобства, которые они вынуждены испытывать». При дворе не могли не считаться с тем, как д'Артаньян выполнял доверенное ему дело. «Г-н Фуке, – пишет в своих Мемуарах секретарь суда Фуко, – в первые дни после заключения под стражу казался беспокоящим и подавленным. Он использовал малейшую возможность, чтобы вызвать у охраны сочувствие к себе и разузнать у нее новости. Однако все эти попытки оказывались безуспешными благодаря заботам и необычайной старательности г-на д'Артаньяна, который, впрочем, обращался со своим узником самым наилучшим образом, какого только можно было желать». Лишь однажды бывший суперинтендант дал волю ожесточению против своего тюремщика Это произошло, когда тот приказал поставить решетки на дымовой трубе в его комнате. – Господин д'Артаньян, – воскликнул он. – Вы, видно, считаете, что дымовая труба для вас лучший путь к чину маршала Франции! Спустя несколько дней король попросил д'Артаньяна послать в Нант отряд своих людей, чтобы обеспечить охрану при перевозке в Анжер поэта Пеллиссона, который также был арестован. Он добавил, что полностью удовлетворен заботами д'Артаньяна об охране Фуке и хочет в ближайшее время освободить его от дальнейшего выполнения этой задачи. Миссия д'Артаньяна должна была завершиться выполнением еще одного, последнего поручения – препровождением Фуке и Пеллиссона в Амбуаз, где их следовало передать под охрану знаменосца лейб-гвардии г-на де Талуё, а затем отвезти уже одного

только Пеллиссона «в славный город Париж», в королевскую крепость Бастилию. Для конвоирования Пеллиссона до Анжера был избран квартирмейстер г-н де Сен-Мар с отрядом в двадцать мушкетеров. Наконец 1 декабря 1661 года д'Артаньян смог покинуть город короля Рене со своими узниками и со всем своим отрядом. Чтобы не допустить общения Фуке и Пеллиссона во время переезда, д'Артаньян приказал поместить первого в зарешеченную карету, а второму предложил ехать верхом. И вновь они поскакали с большой скоростью. Население соседних деревень сбегалось по пути следования кортежа. – Дорогу! Дорогу! – кричали офицеры, сопровождая свои выкрики угрожающими жестами. Толпа оборванцев расступалась, пропуская вызывавших опаску всадников в голубых униформах, но не переставала выкрикивать «тысячи ругательств и тысячи оскорблений» в адрес бывшего хозяина Во. В тот же вечер мушкетеры прибыли в пригород Сомюра со стороны моста. На следующий день, 2 декабря, они переночевали в Ла-Шапель-Бланш. 3 декабря подобные сцены повторились в Туре, и с таким напором, что карета и ее сопровождение, хотя и достигавшее сотни человек, оказались окружены и буквально захлестнуты толпой. Гасконец еще больше, чем раньше, испугался, что взбесившаяся толпа сломает карету и уволочет его узника. Впрочем, и на этот раз нескольких пинков ногами и нескольких угрожающих наскоков конем хватило, чтобы освободить место для проезда. Устроившись во временной тюрьме, мушкетеры удвоили бдительность и разгоняли образовывавшиеся то здесь, то там сборища людей. Наконец восстановилось спокойствие. Однако это было временное умиротворение, ибо местные жители, хорошенько выспавшись за ночь, без сомнения, готовы были на следующее утро опять в свое удовольствие поносить проворовавшегося суперинтенданта. Тогда наш младший лейтенант принял на свой страх и риск решение покинуть город глубокой ночью. Карета была готова к трем часам утра. Солдаты бесшумно оседлали лошадей, а Фуке и Пеллиссон на этот раз охотно заняли свои места – один в карете, другой верхом. И вот в спящем городе вдруг раздался топот коней и скрип окованных колес кареты, катящей бешеным аллюром по неровной мостовой. Кортеж достиг Амбуаза, когда солнце еще не взошло, и д'Артаньян, согласно предписанию, передал Фуке в руки г-на де Талуё. Мишель Летеллье не мог пожелать новому тюремщику ничего лучшего, как действовать так, как действовал его предшественник: «Точность действий г-на д'Артаньяна, проявленная при охране, была столь велика, что у г-на Фуке не было никакой

возможности узнать, что готовится здесь в отношении него. Его Величество надеется, что Ваши действия будут столь же безукоризненны». Фуке весьма сожалел об отъезде д'Артаньяна, спасшего его в Туре от нападения мстительной толпы. Г-н де Талуё не обладал подобной деликатностью. Он бросил все еще серьезно больного Фуке в темницу с глухо запертыми окнами, которые спустя два года навели проезжавшего через Амбуаз Лафонтена на меланхолические рассуждения. Что до д'Артаньяна, то он уже опять был в пути и 12 декабря перепоручил заботам старого друга Бемо своего последнего узника Пеллиссона. Он был счастлив, что достойно выполнил поручение, и уж ни в коем случае не досадовал на то, что наилучшим образом избавился от неблагоприятной обязанности изображать из себя импровизированного тюремщика.

New Chapter

Глава X. Д'Артаньян – тюремщик

Увы! Бедный д'Артаньян и не предполагал, что его карьера тюремщика только начинается. В Венсенне, куда суперинтендант был переведен в конце 1661 года, между двумя офицерами, которым была поручена его охрана, – лейтенантом короля по управлению замком г-ном де Марсаком и знаменосцем лейб-гвардии г-ном де Талуё – вскоре начались раздоры. Их стычки заставили короля вновь призвать к себе своего верного мушкетера и приказать ему незамедлительно отправиться в Венсенн и обеспечить надежную охрану Фуке и его приближенных, служа столь же ревностно, как это уже было в Анжере. На следующее утро, 4 января 1662 года, в 4 часа утра д'Артаньян в сопровождении пяти десятков мушкетеров с факелами в руках уже был у ворот Венсенна. В силу королевского приказа все, что касалось безопасности замка, включая охрану ворот и охрану подъемного моста, перешло теперь в его ведение. Господ де Марсака и де Талуё просили больше не беспокоиться об охране узника. Итак, д'Артаньян стал царить в венсеннской темнице подобно тому, как Бемо царил в Бастилии. Помня о дерзком побеге герцога де Бофора[65], осторожный гасконец с самого своего приезда стал принимать все возможные меры предосторожности. Он расположил на втором этаже тюрьмы у дверей занимаемого Фуке помещения специальный отряд мушкетеров и, кроме того, приказал, чтобы в комнате узника находилось двое часовых. Посредником между Фуке и остальным миром мог быть только он сам. Например, он лично передал суперинтенданту Библию и труды св. Августина, он же по поручению Фуке продал два драгоценных камня, с которыми тот пожелал расстаться. 4 марта по подъемному мосту замка проехали комиссары Понс и Ренар, а также секретарь суда Жозеф Фуко, которые прибыли для того, чтобы допросить арестованного. Процедура допроса обещала быть долгой, поскольку в разных домах Фуке было

изъято не менее шести тысяч документов: письма, доклады, расчеты, памятные записи, проекты, планы. Все это следовало рассмотреть подробнейшим образом. Необходимо признать, что в целом этот судебный процесс был крайне несправедливым, показывающим, до какой степени ослепления может дойти правосудие, если оно действует под нажимом власти. С самого начала в разбирательство постоянно вмешивалась Канцелярия. Пункты обвинения были в избытке составлены Кольбером, его дядей Пюс-сором, секретарем суда Фуко, государственными советниками Лозеном и Лафоссом, советником Парламента Понсе, и все они были столь предвзятыми, что виновность и осуждение бывшего суперинтенданта ни у кого не вызвали сомнения. Дознание проводилось самым бесчестным образом, многие документы были изъяты или проигнорированы. Проинструктированные канцлером Сегье секретари записывали не все ответы обвиняемого. Некоторые параграфы обвинения были абсолютно справедливы. Фуке отнюдь не был святым: зачастую он путал государственную казну со своей собственной. Как артистичный и склонный к некоторым вольностям большой сеньор, какового он из себя изображал, владелец замка Во достаточно ловко жонглировал королевскими миллионами. Впрочем, в его время это было прощительно. Разве сам Мазарини не составил успешно свое значительное личное состояние на основе общественных доходов? Однако Фуке был далек от того, чтобы быть той бесчестной темной личностью, которую безжалостно делало из него обвинение. В середине июня Палата правосудия, рассмотрев протоколы первых допросов, постановила, что Фуке должен быть «препоручен», то есть что, вместо того чтобы быть заключенным по приказу короля, он отныне становится узником по постановлению Палаты. Поэтому он уже не должен был оставаться под охраной венсенских мушкетеров, и режим его содержания под стражей слегка смягчился. Ему позволили исповедоваться замковому канонику и разрешили даже передать через тюремщика несколько писем семье. В наступающее лето д'Артаньян мог иногда позволять ему подышать воздухом на тюремной террасе и передавать ему, поскольку состояние его здоровья ухудшилось, «лакричную воду». Все эти меры не могли не обеспокоить врагов Фуке, в особенности мрачного и сурового Кольбера, сторонника жесткой и мстительной политики. Он пустил слух, что заключенный может легко общаться с внешним миром, что охрана недостаточна, неэффективна и состоит с ним в сговоре... Обеспокоившись этими тайными подстрекательствами и злонамеренными слухами, гасконец

нахмурил брови. Кто осмеливается распускать подобную клевету? У него, всегда столь щепетильного, были все основания для огорчения. Он тотчас направил ко двору письмо с решительным протестом против того, чтобы его бдительность и честность ставили под сомнение. Летелле сразу же успокоил его: «У Вас нет никаких оснований беспокоиться о том, что в Париже говорят, будто бы г-н Фуке в курсе всего, что происходит; эти ложные и не имеющие никаких оснований слухи не произвели на короля ровным счетом никакого впечатления». Д'Артаньян успокоился. Он по-прежнему продолжал заботиться об охране, стараясь предупредить любую попытку побега. Так, он приказал арестовать некоего незнакомца, который пытался подкупить одного из мушкетеров, прося его передать заключенному записку. Сразу же извещенный об этом король приказал бросить виновного в тюрьму. В это время подстрекаемый Кольбером генеральный прокурор Дени Талон старался ускорить судебное разбирательство. Фуке получил право прибегнуть к помощи двух выбранных его семьей адвокатов, мессиров Лоста и Озана, знаменитостей адвокатского мира. Собрав все душевные силы, узник принялся за составление своих «оправданий», которые преданные ему люди взяли тайно напечатать и распространить в Париже. Эта публикация составила в целом пятнадцать выпусков, которые сразу же возымели огромный успех у просвещенной публики того времени. Язвительность и меткость выражений, убедительность аргументов свидетельствовали о том, что бывший великий казначей королевства сохранил ясность ума, несмотря на заключение и усталость. Суперинтендант защищался, как яростный лев в клетке, контрактаковал суровыми обвинениями бывшего интенданта Мазарини, злобствующего Кольбера, решившего построить свое счастье на гибели соперника. 30 мая 1663 года по приказу короля Палата правосудия была переведена в Арсенал[66]. Поскольку казалось нежелательным, чтобы заключенный находился в месте, слишком удаленном от того, где заседали следователи, было решено перевести его в Бастилию под охраной всей мушкетерской роты. В древней крепости в Сент-Антуанском предместье царил друг Бемо, который в отличие от д'Артаньяна не пренебрег возможностью установить приятельские отношения с Фуке во времена его могущества. К величайшему замешательству Бемо в шкапулках суперинтенданта было обнаружено множество его писем. Теперь же он считал себя другом Кольбера и давал всем понять, что будет счастлив тайно охранять столь опасного преступника. Однако Людовик XIV, который не слишком ему доверял, предпочел

избавить его от выполнения этой щекотливой задачи и поручил ее выполнение д'Артаньяну. Итак, наш мушкетер на все время судебного процесса установил в Бастилии, в комнате по соседству с камерой своего подопечного, свою походную кровать, а г-жа д'Артаньян продолжала у семейного очага коротать свои дни в одиночестве, замышляя месть... На внутренней площадке Бастилии и на дороге, идущей вокруг крепости со стороны контрэскарпа[67], д'Артаньян расположил своих мушкетеров, дав им приказ днем и ночью следить за окнами тюрьмы и докладывать обо всех подозрительных движениях. Поскольку общественное мнение, поначалу откровенно враждебное, затем более неопределенное, стало теперь проявлять сочувствие к заключенному, д'Артаньян в еще большей степени, чем ранее, опасался дерзкой попытки освобождения извне. Что касается самого Фуке, то д'Артаньян мог не волноваться и спать спокойно. Несчастный узник и не мыслил о побеге. Живительное одиночество вдали от мирского тщеславия возродило в нем веру его детства. И с этих пор Фуке, сидя в своей камере, размышлял, молился, постился к великой радости своей набожной матери, которая за несколько месяцев до этого отреагировала на известие о его аресте следующим поразительным восклицанием: – Благодарю тебя, мой Боже! Я всегда просила тебя о его спасении; вот и путь к нему! Фуке вставал утром в 7 часов. Посвятив некоторое время духовным упражнениям, он садился за работу и работал до 11 часов вечера. Чтобы развлечься, он посвящал днем какое-то время чтению душеспасительных книг, которыми его снабдил д'Артаньян. За несколько месяцев его внешний вид стал неузнаваем. Его некогда темные длинные волосы полностью побелели, спина сторбилась, голос ослабел. Его породистое лицо, нравившееся стольким прекрасным женщинам, было теперь изрезано глубокими морщинами. Будучи унижен, он перестал носить пышные одежды с кружевными рукавами, обшитыми золотой тесьмой, и надевал более простую одежду. Д'Артаньян все время обращался с ним очень уважительно, однако из боязни злословия избегал открытого проявления своей все более возраставшей симпатии, ибо его мнение так же, как и общественное, эволюционировало в этом направлении. Каждый день он наносил Фуке визит и справлялся о его нуждах. Когда наступало время допросов, он заходил в камеру заключенного и вместе с несколькими охранниками отводил его в зал, где заседали судебные следователи и секретари. В часы трапез он отправлялся на кухню и, заменяя Вателя, давал указания о том, какие блюда желает нынче узник. «Г-н д'Артаньян, – сообщал в своем

Журнале Оливье Ле-февр, – сказал мне, что в период Поста он подавал Фуке только сельдь, треску и другую свежую рыбу; на Пасху – говядину и баранину, а не цыплят или дичь; что Фуке постился на хлебе и воде каждую субботу и с тех пор, как был арестован, д'Артаньян постоянно видел его либо молящимся Богу, стоя на коленях, либо пишущим, сидя за столом». Тем временем процесс начал принимать более благоприятное для заключенного течение. Прокурор Шамийяр и судья-докладчик д'Ормессон спорили по каждому поводу. – Я не могу допустить, – бурчал д'Ормессон, – чтобы меня подхлестывали каждое утро. Господин де Шамийяр из разряда тех советчиков, каких я не терплю. По мере ознакомления с документами досье, д'Ормессон становился все более терпимым по отношению к Фуке, понимая, с каким упорством и с какой страстью того стараются погубить. Неправильность проведения процесса с каждым днем становилась для него все более очевидной, равно как и несправедливость большинства выдвигаемых против заключенного обвинений. В Бастилии отношения между комендантом де Бемо и его другом д'Артаньяном складывались не лучшим образом. Дело Фуке поссорило их. Попав в стены крепости, младший лейтенант мушкетеров стал относиться к своему сотоварищу с ужасным недоверием и был раздосадован тем, что не получил задания охранять и Фуке и Пеллиссона. Короче говоря, наши два приятеля с холодностью боролись друг против друга, смотрели друг на друга высокомерно и обедали отдельно. Сложилось даже соперничество по части обедов – соперничество за то, кто пригласит к себе судей-докладчиков! «В понедельник 7 апреля на Страстной неделе (1664 г.), – рассказывает тот же д'Ормессон, – я с утра работал в Бастилии, и ничего необычного там не происходило. Я пообедал у г-на Бемо, куда д'Артаньян не пожелал явиться и пригласил к себе на обед моих помощников, как бы сердясь, что я общаюсь с г-ном де Бемо». Чтобы не вызвать недовольство такой отчаянной головы, как д'Артаньян, д'Ормессон спустя несколько дней пообещал два раза подряд прийти обедать к нему, где, впрочем, добавляет достойный следователь, он «нас очень славно попотчевал». К счастью, весной 1664 года король уехал из Парижа в Фонтенбло и решил увезти с собой Палату правосудия и обвиняемых. Поскольку не было возможности надежно охранять заключенных в месте, «кое было создано для развлечения и удовольствий», было решено разместить их по соседству, в старой тюрьме Морэ, куда д'Артаньян явился 21 апреля, чтобы осмотреть это внушительное здание, в котором ему предстояло командовать.

Защищенная подъемным мостом и толстыми – в несколько метров – стенами, эта башня-крепость полностью обеспечивала надежную охрану узника. Тем не менее дотошный тюремщик приказал кое-что перестроить в интерьере и счел за благо поставить на окнах решетки. Вплоть до последнего момента план переезда хранился в полной тайне от бывшего суперинтенданта и его братьев по обвинению. В Фонтенбло, в Овальном кабинете, где его принял Людовик XIV, д'Артаньян получил указание не позволять своим узникам говорить с кем бы то ни было, даже со своими адвокатами, – настолько еще вызывало страх бывшее могущество Фуке. «Мы не должны ничего упускать из виду, – писал Фуко Кольберу 4 июня. – Гордыня его сторонников все еще непомерна, все полны угроз, и г-н д'Артаньян сказал мне сегодня, что Вам, сударь, следует остерегаться более, чем когда-либо. Он, кстати, счел необходимым поехать завтра в Морэ, желая лично убедиться, в каком состоянии находится это место, прежде чем перевозить туда заключенных». 17 июня два советника Фуке, Озани и Лост, придя в Бастилию для консультации со своим клиентом, были отправлены обратно д'Артаньяном, который просил их через неделю приехать в Морэ. 24 июня 250 мушкетеров поскакали в качестве эскорта за пятью тяжелыми каретами, увозившими всех обвиняемых; каждая карета была запряжена шестеркой лошадей. За ними ехали две повозки с багажом и материалами следствия. В полдень сделали остановку в Плесси, где д'Артаньян приказал накрыть обед для своих подопечных в разных комнатах. Вечером все прибыли в пункт назначения. 25 июня, как и было условлено, Озани и Лост явились к воротам тюрьмы, откуда тюремщик, как настоящий цербер, послал их прочь, сообщив, что по приказу короля они смогут увидеться со своим клиентом не ранее вторника 1 июля. Обменявшись с д'Артаньяном любезными колкостями, два судебных чиновника покинули крепость, вернулись в «отвратное жилище», которое нашли себе в городе, и стали ждать, когда можно будет поговорить с Фуке. Спустя два дня Людовик XIV объявил д'Артаньяну, что отныне он должен запретить адвокатам приходить в тюрьму в другие дни, кроме вторника и пятницы. Еще более жестким ограничением права посещения стало то, что тюремщик получил приказ присутствовать при всех встречах. Королевский приказ был предъявлен адвокатам, когда они появились на подъемном мосту тюрьмы 1 июля. Д'Артаньян настежь распахнул перед ними двери, однако на этот раз они уже сами отказались встретиться со своим клиентом на таких условиях. За несколько месяцев до того, еще в

Венсенне, наш мушкетер уже объявил им, что у него есть приказ присутствовать при их беседах с клиентом. Озане и Лост ответили тогда, что они не смогут исполнять свои обязанности, если им не будет предоставлена свобода. Они особенно подчеркнули, что «их весьма почтенный возраст несколько затрудняет им слышание», а потому приходится говорить громко и «с усилием, дабы они могли отчетливо слышать то, что им сказано, и свободно обсуждать все вопросы, появление которых они могут предвидеть». Тогда д'Артаньян передал эти аргументы королю, и тот ими удовлетворился. Узнав, что король вновь отдал тот же приказ, Фуке стал энергично протестовать. «До какой крайности, – воскликнул он, – хотят довести человека и так растоптанного страшными врагами, которым бесконечно доверяют в делах! Как может он серьезно заниматься своей защитой, если во время визита адвокатов он должен быть окружен „подозрительными личностями?“ Несчастный Фуке понимал, что упорно добивающийся его гибели клан подстерег, обложил его со всех сторон и хочет заставить замолчать. Стена молчания, возведенная д'Артаньяном вокруг его тюрьмы, еще сильнее подчеркивала это ощущение подавленности. Никаких сомнений в том, что тюремщик принимает участие в выполнении плана, составленного его врагами. Не доверяя больше приятному обращению д'Артаньяна, Фуке стал видеть в нем «подозрительную личность», способную передавать обвинению конфиденциальные сведения. В течение двух недель адвокаты, разделяющие точку зрения своего клиента, настаивают на своем отказе говорить при свидетелях. В Палате, куда были перенесены дебаты, решение короля вызывает длительные дискуссии. Привыкшие к низкопоклонничеству следователи явно возмущены, но не осмеливаются откровенно восстать против короля. Один из них, несомненно, более смелый, нежели остальные, пытается сделать торжественное внушение Людовику XIV – его сразу же одергивает услужливый канцлер Сегье. Тогда д'Ор-мессон предлагает компромисс: заключенному будет разрешена дополнительная встреча с советниками на следующий день после каждого нового «уведомления». Вместе с тем д'Артаньян будет присутствовать при всех встречах. 11 июля это предложение было принято 17 голосами. Д'Ормессон понимал, что такое ограничение прав защиты несправедливо, однако можно ли было сопротивляться прихоти юного солнца, лучи которого уже начали ослеплять? Фуке и двум его тугоухим адвокатам пришлось смириться. Другой докладчик г-н де Сент-Элен предложил, чтобы д'Артаньян, как человек, не участвующий в судебном

разбирательстве, присутствовал при беседах, «однако расположившись в углу комнаты». Расположившись в углу комнаты! И плохо же он знал нашего гасконца! Любопытный по природе, отличающийся беспокойным характером, достойный тюремщик принимал свою задачу близко к сердцу, пожалуй, даже слишком близко. А вдруг Фуке своим отрешенным видом и показной набожностью просто хочет усыпить его бдительность? Мушкетер не только настаивал на том, чтобы присутствовать при визитах двух адвокатов, он желал все слышать и все понимать, даже рискуя вызвать бурю протестов. Ни одно слово не должно ускользнуть от его внимания! Да, он хочет все видеть своими глазами, прочитывать все, что пишет подсудимый, просматривать бумаги двоих старцев, совать нос во все составляемые документы. – Господин д'Артаньян! – вскричал возмущенный Фуке. – С вашей стороны было бы куда честнее прямо сказать, что мои враги хотят помешать мне защищаться. Д'Артаньян холодно ответил, что выполняет приказ. Вмешались Лост и Озане. За всю свою карьеру они ни разу не видели ничего более отвратительного. В переданной судьям жалобе они горько сетовали на бестактного типа, «который желает все видеть, все слышать и полностью лишает свободы». «Подобные действия, – добавил со своей стороны Фуке, – несовместимы с гуманностью, с разумностью и другими королевскими достоинствами, необходимость которых провозглашает Его Величество». Д'Артаньян поспешил усмирить бурю и честно сказал заключенному: – Сударь, я обязуюсь хранить в тайне все, что касается вашего дела, но, если вы заговорите о чем-либо другом, я буду обязан сообщить об этом Его Величеству. 27 июля, встретив д'Ормессона во дворе замка Фонтенбло, д'Артаньян объявил ему, что собирается вести себя во время совещаний самым порядочным образом, добавив при этом, что ни за что не отступит от этого и что «богатства целого королевства не соблазнят его на отступление от своего обещания». Явно удовлетворившись таким отношением, Фуке с этих пор стал оказывать д'Артаньяну полное доверие и свободно говорил в его присутствии. Начиная с этого времени между охранником и узником возникло взаимное уважение, граничащее с дружбой. Даже сами адвокаты, столь недовольные королевским решением, были вынуждены признать, что г-н д'Артаньян «выполняет его со всей возможной порядочностью». 14 августа король, двор и обвиняемые вернулись в Париж. В связи с этим д'Артаньян еще раз продемонстрировал свое великодушие. У него был приказ нигде не останавливаться; как честный служака, он выполнил приказ, однако, проезжая через

Шарантон, он приказал замедлить движение кареты Фуке, чтобы дать несчастному возможность поцеловать, не выходя из кареты, жену и детей, которых тот не видел уже три года. По возвращении в Париж Палата правосудия разместились в доме Сегье. Последние допросы заключенного происходили поэтому в Малом Арсенале, в двух шагах от Бастилии, в которую ему пришлось вернуться. 20 ноября г-жа де Севинье, не отрекшаяся от дружеского расположения к суперинтенданту, написала г-ну де Помпон-ну: «Проходя мимо Арсенала, пешком, чтобы иметь возможность поразмяться, он „Фуке“ спросил, что за работы там проводятся. Ему ответили, что рабочие строят бассейн фонтана. Тогда он подошел поближе, высказал свои замечания, а затем, повернувшись с улыбкой к д'Артаньяну, сказал ему: – Не странно ли вам, что я вмешался? Дело в том, что раньше я неплохо разбирался в подобных вещах. Те, кто любит г-на Фуке, находят подобное спокойствие достойным восхищения». 27 ноября маркиза сообщила, что видела, как узник выходил из Арсенала под охраной отряда мушкетеров: «Я должна рассказать Вам, что я сделала. Представьте себе: дамы предложили мне пройтись до Арсенала, чтобы повидать нашего бедного друга. Я была в маске и весьма издали увидела, что он идет. Рядом с ним был г-н д'Артаньян, а сзади, в 30-40 шагах, – 50 мушкетеров. У него был весьма задумчивый вид. Что до меня, то, когда я его увидела, у меня задрожали колени, а сердце забилося так сильно, что это было совершенно невыносимо. Проходя мимо нас по дороге к темнице, д'Артаньян подтолкнул его и обратил на нас его внимание. Тогда он поприветствовал нас, и на его лице появилась знакомая Вам улыбка. Не думаю, чтобы он узнал меня; однако уверяю Вас, мне стало не по себе, когда я увидела, как он входит в эту маленькую дверцу». В четверг 4 декабря допросы были завершены. На следующий день д'Артаньян, желая предупредить возможную бурную реакцию своего подопечного, явился с визитом в его камеру в 8 часов утра. Он нашел его у огня со священной книгой в руке, глубоко спокойного и полного самообладания. – Сказать по правде, сударь, – признался он Фуке, – вы меня постоянно удивляете. Я думал, что сейчас, когда при близжающемся вынесении приговора, вы будете заниматься со ставлением последних соображений по этому поводу. – Моя карта бита, – ответил Фуке. – Мне остается лишь молиться Богу и ждать приговора. Каким бы он ни был, я приму его с тем же спокойствием духа, в котором вы видите меня сейчас. Я готов ко всему. 13 декабря в 3 часа утра в парижском небе появилась комета. «Благоприятный знак! – воскликнули сторонники

опального суперинтенданта. – Еще не все потеряно... » «Поначалу, – пишет добрая Севинье, – ее заметили только женщины, и над ними посмеялись, однако потом ее видели все. Г-н д'Артаньян бодрствовал всю прошлую ночь и тоже прекрасно ее видел». Говорят, мушкетер даже пошел среди ночи к своему заключенному, чтобы показать ему высоко над башней Святой Капеллы это замечательное светило, явившееся из другого мира и освещавшее небо спящей столицы своим ярким хвостом. Комета принесла Фуке удачу! 20 декабря, в первую очередь благодаря ловкому вмешательству д'Ормессона, Палата правосудия вынесла ему менее жестокий приговор, чем можно было ожидать: он был приговорен к изгнанию. Друзья Фуке воспряли духом и от радости чуть не спалили Париж огнем своих факелов. Среди противников воцарилось глубокое уныние, смешанное с несказанной яростью. Король получил известие о приговоре, будучи у мадемуазель де Лавальер. Сдерживая гнев, он бросил только: – Если бы его приговорили к смерти, я позволил бы ему умереть. В любом случае приговор Палаты нельзя было привести в исполнение. Если до настоящего времени Фуке охраняли со столькими предосторожностями, то это было не столько из боязни, что он убежит, сколько из-за того, что он, по словам аббата Буллио, знал «секреты государства». Не могло быть и речи об изгнании человека, который слишком много знал. Потому, несомненно по наущению Мишеля Летеллье, король заменил предписанное судом изгнание на пожизненное заключение. На памяти следователей еще никогда не было подобного скандала. Фуке, уже состарившийся и измотанный, должен был провести остаток своих дней в тюрьме Пиньероля, небольшого французского города на обращенном к Италии склоне Альп. По рекомендации д'Артаньяна охрана бывшего суперинтенданта была поручена одному из его квартирмейстеров г-ну де Сен-Мару. Этот старый вояка, в юности служивший в мятежных войсках принца Конце, был, по мнению мадам де Севинье, «весьма порядочным человеком». Тем не менее король настоял на том, чтобы д'Артаньян, несмотря на усталость и отвращение к подобного рода поручениям, сопроводил заключенного до пиньерольской темницы. В понедельник 22 декабря, как рассказывает д'Ормессон, «г-н д'Артаньян, вернувшись от г-на Летеллье, где он беседовал с ним наедине, обнял меня и сказал мне на ухо, что я человек знаменательный¹, что он ничего хорошего от всего этого дела не ожидает и что, как только он вернется, то обязательно заедет ко мне. Мне показалось, что он опечален этой поездкой в Пиньероль, которую ему навязали и от которой он не мог

отказаться». Спустя немного времени, около 10 часов, секретарь суда Фуко в своем мрачном одеянии и в сопровождении многочисленных судебных исполнителей в украшенных султанами шляпах явился к воротам древней крепости Сент-Антуан-ского предместья и объявил д'Артаньяну, что должен сообщить заключенному о королевском приговоре. Фуке в сопровождении Бемо, Сен-Мара, д'Артаньяна и двух мушкетеров был приведен в древнюю тюремную церковь. Секретарь суда стоял за специально установленным столом. Узник, бледный, с усталым лицом, казавшийся уже просто трепещущим старцем, вышел вперед, держа шляпу в руке. То есть «хороший, храбрый» человек. – Сударь, – сказал Фуко холодным церемониальным тоном, – вам следует назвать ваше имя, дабы я знал, с кем разговариваю. – Вы его и так знаете, – возразил узник. – Речь идет не о том, что мы знаем или не знаем. Мы обязаны следовать порядку и предписаниям правосудия. Прошу вас, сударь, ваше имя. – Я не назову его здесь, как не назвал и в Палате, – повторил бывший суперинтендант. – Я отказался тогда приносить присягу и, чтобы следовать моим принципам, я сейчас также протестую против приговора, который вы собираетесь мне зачитать. Фуко велел секретарям записать этот ответ, затем, покрыв голову, начал зачитывать приговор. Однако Пекке и Лавалле, неотлучно сопровождавшие суперинтенданта, принялись кричать о том, что «у тех, у кого сердце не железное, оно сейчас разорвется» (по словам г-жи де Севинье). Кончилось тем, что они перекричали спокойный и монотонный голос судьи, и красный от смущения Бемо был вынужден лично препроводить их в соседнюю комнату. Уверенные в том, что их хозяина хотят убить, они принялись еще громче голосить и жаловаться. Тогда д'Артаньян «был настолько человечен, что послал сказать, чтобы они не мучились, поскольку речь идет только об изгнании». Дело не стали затягивать. В 11 часов во двор Бастилии была подана карета, в которую сели Фуке, д'Артаньян и два офицера. Карета сразу же двинулась в путь в окружении сотни мушкетеров, под стук копыт и скрип колес проехала через подвесной мост. Пригород был заполнен народом. Со всех сторон неслись крики: «Виват!» Заключенный приветствовал этих людей, всегда столь щедрых на проявления как привязанности, так и ненависти, улыбался им и с наслаждением, смешанным с меланхолией, смаковал мимолетную сладость своей популярности. Какая слабая компенсация за то, что он даже не получил разрешения ни увидеться с семьей, ни взять с собой своих дорогих Пекке и Лавалле! Путешествие суровой зимой 1664 года длилось 20 дней. Первую

остановку сделали в Вильнев-Сен-Жорж, где переночевали. В Фонтенбло д'Артаньян, понимая, что находится слишком далеко от Кольбера, чьего быстрого возвышения следовало теперь ожидать, направил Кольберу записку, которая характеризует его как опытного придворного: «Если я не явился получить разрешение на отъезд и Ваши предписания, то почтительно прошу поверить, что мне это крайне неприятно, но Вам хорошо известно, что я был обязан так поступить, подчиняясь долгу и пристрастиям; и если г-н Фуко сдержит данное мне обещание, то он подтвердит мое неудовольствие по поводу отъезда и расскажет Вам, что именно не позволило мне к Вам явиться». Однако угрюмый контролер финансов не почувствовал к д'Артаньяну никакой признательности за эти банальные извинения и, как мы еще увидим, вскоре подложил ему изрядную свинью. После Лиона карета поехала по горной дороге. В течение всей этой бесконечной поездки, когда вокруг простирались унылые зимние пейзажи, д'Артаньян, по словам мадам де Севинье, был «единственным утешением» Фуке. Переезд совершился без особых осложнений, за исключением инцидента в Гренобле, где второй консул города отказался открыть ворота перед авангардом мушкетеров под надуманным предлогом, что у них якобы нет пропуска. На следующий день д'Артаньян удовлетворился тем, что приказал посадить наглого чиновника в тюрьму на 24 часа. «Когда королю сообщили об этом, – писал младшему лейтенанту мушкетеров Летеллье, – он весьма одобрил то, как Вы повели себя в этих обстоятельствах, и (...) счел, что консул понес за свои действия, более неосторожные, нежели преступные, достаточное наказание и впредь исправится». 16 января вдали показался Пиньероль. Можно себе представить, что, увидев посреди крытых красной черепицей кровель, колоколен и шпилей мрачную средневековую крепость, пять башен которой возвышались над маленьким, итальянского типа городком, гасконец должен был от души поздравить себя с тем, что ему не предстояло всю жизнь оставаться тюремщиком! Какое одиночество, какое изгнание! Он с облегчением вздохнул, передал Фуке приехавшему за несколько дней до того г-ну де Сен-Мару и вручил ему также список драконовых охранных мер, составленный Летеллье. Государственный заключенный не имел права никакого общения с внешним миром – ни писем, ни посещений; в его камере не должно было быть ни бумаги, ни чернил, он не имел права держать у себя более одной книги зараз. «Что касается формы и способа, которым вышеуказанный капитан Сен-Мар должен охранять вышеуказанного Фуке, – добавлял

министр, – то Его Величество не предписывает никакой формы, полагаясь полностью на его осторожность и предусмотрительность и на то, что он будет следовать примеру вышеуказанного г-на д'Артаньяна, который охранял заключенного от лесов Венсенна до Бастилии». 30 декабря г-жа де Севинье записала: «Я надеюсь, что наш дорогой друг уже прибыл, но точных известий у меня нет. Известно только, что г-н д'Арта-ньян, по-прежнему ведя себя очень обходительно, снабдил его всеми необходимыми теплыми мехами для того, чтобы без неудобств перебраться через горы. Я узнала также, что он получил письма от короля и сообщил г-ну Фуке, что тому не следует падать духом и нужно мужаться, что все будет хорошо». Д'Артаньян несколько недель оставался в Пиньероле, где его роскошно принял городской совет. «В знак уважения к нему и желая просить его заступиться за них перед Его Величеством в делах, которые могут возникнуть в будущем», отцы города сделали ему подарок в виде огромного количества каплунов, куропаток, бекасов, кроликов и фазанов, которых они велели закупить в Турине. Д'Артаньян, несомненно, остановился в пиньерольской тюрьме и участвовал в ее укреплении. В частности, именно он настоял на том, чтобы рядом с камерой заключенного была обустроена небольшая комната, где мог бы жить его слуга. Так в течение трех долгих лет наш мушкетер достойно выполнял обязанности тюремщика, несомненно, с ностальгическим чувством вспоминая запах пороха, оглушительные пушечные залпы, гром барабанов и головокружительное упоение яростной атаки. Показав себя одновременно строгим в выполнении своих обязанностей и гуманным в повседневном их соблюдении, он вызвал уважение и восхищение молодого короля, двора и сторонников суперинтенданта, тех, кто остался верен ему и не пожелал, живя с волками, выть по-волчьи. Только Кольбер и его клан затали на д'Артаньяна злобу за его слишком благодушное поведение. Мало кто из его современников мог бы похвастаться такой гибкостью и таким успехом. Многие восхищались его поведением. «Я решил, что должен написать Вам это письмо, – писал ему в Пиньероль Летеллье 23 января 1665 года, – чтобы сообщить Вам, что Его Величество удовлетворен всеми Вашими действиями, совершенными за время поездки». Г-жа де Севинье также была наилучшего мнения о нашем мушкетере. И говоря позже со своей дочерью о другом офицере – лейтенанте короля в Сен-Мало г-не де Сент-Ма-ри, она сочла наилучшим комплиментом для него следующие слова: «Это новый д'Артаньян, который верен королю и человечен в обращении с теми,

кого ему приходится держать под стражей». Глава XI. Д'Артаньян и старшие мушкетеры Хотя дело Фуке несколько нарушило обычный распорядок службы д'Артаньяна, он все это время сохранял за собой командование ротой, продолжая следить за ее набором, организацией и дисциплиной. Именно он отдавал текущие приказы, распределял патенты, отдавал приказы о присвоении дворянского звания или пенсии, в случае отъезда мушкетеров подписывал свидетельства о достойном поведении и сурово наказывал тех, кто позволял себе неподчинение или провоцировал ссоры. Короче говоря, он создал ту традицию жесткого соблюдения «всякого рода мелочей и деталей, четкости и точности», которую молодой герцог Сен-Симон не мог не отметить, говоря в конце века об офицерах этого рода войск. Безупречное поведение д'Артаньяна во время судебного разбирательства против суперинтенданта укрепило его репутацию как при дворе, так и в армии. Возникает необходимость найти несколько «закаленных и мудрых» дворян для помощи французскому посланнику в выполнении сверхсекретной миссии при испанском дворе? Обращаются к д'Артаньяну: меморандум Летеллье от 28 мая 1664 года предписывает ему выбрать среди лучших мушкетеров восемь человек, выдать каждому по 20 пистолетов и приказать им немедленно двинуться в сторону границы, не надевая формы и объединившись в группы по четыре человека. Мелкопоместные провинциальные дворяне, желая определить своих буйных отпрысков в королевские войска, забрасывали д'Артаньяна прошениями. Зная, что он вхож к королю, у него просили поддержки в самых разнообразных делах. Например, в 1665 году он ходатайствовал в пользу мушкетера по имени Клотю, желавшего получить место белого брата в аббатстве Нотр-Дам-де-Луи в шартрском диоцезе. Когда д'Артаньян слишком поздно попросил место для одного из своих протеже, Летеллье послал ему письмо почти что с извинениями: «Я весьма опечален, что не знал ранее, что Вы хотели получить место знаменосца для дворянина, которого Вы рекомендуете. Несомненно, король удовлетворил бы Вашу просьбу...» Кроме того, д'Артаньян стал крестным отцом множества детей мушкетеров и солдат. Так, 8 сентября 1662 года он воспринял из купели в Сен-Роше новорожденную дочь капитана пьемонтского полка Луи де Лорана. В церковные списки он занесен как «лейтенант королевских мушкетеров, проживающий на улице Лягушачьего болота в приходе Сен-Сюльпис». В октябре 1664 года славный двадцатилетний солдат Жюль Арнольфини, сын «стремянного Его Величества и Месье»[68], пожелал стать добрым христианином прежде, чем

отправиться воевать с варварами в Африке. Он попросил стать крестной матерью знаменитую прелестницу прошлых лет Жюли д'Анжен, герцогиню де Монтозье. Д'Артаньян же был призван в крестные отцы. Крещение состоялось 11 октября в церкви Сен-Сюльпис при стечении толпы друзей и любопытных, достигшей двух тысяч человек. Наш мушкетер стал необходимым человеком при дворе. Еще не получив блестящего чина капитан-лейтенанта, он, можно сказать, фактически исполнял соответствующие функции. Официально занимавший эту должность Филипп Манчини, герцог Неверский, после смерти кардинала вел за границей жизнь капризного юнца и вертопраха, по-прежнему выказывая мало склонности к военному делу. Конечно, уже не раз возникала идея попросить его уступить свою должность какому-нибудь другому крупному сеньору, однако на это не могли решиться, зная, как легко раздражается д'Артаньян, и понимая, что он счел бы подобное решение личным оскорблением и унижением его авторитета, а это, как признавал Кольбер, создало бы «непреодолимые трудности». Понятно, что, имея во главе такого человека, мушкетеры стали строже соблюдать предписанный порядок и пользовались в армии самой высокой репутацией. Доказательством такого престижа может служить непомерное увеличение личного состава роты со 120 человек при его создании в 1657 году до 220 человек спустя пять лет и, наконец, до 330 человек в 1668 году. Рота представляла собой некий небольшой отдельный и абсолютно автономный армейский корпус, в котором имелись свой аптекарь, свой священник, свой хирург, свой кузнец, свой шорник, свой оружейник, три каптенармуса, один казначей, много барабанщиков, 16 младших бригадиров, четыре бригадира, один комиссар по наблюдению за поведением, шесть квартирмейстеров, один корнет и один капрал. Вплоть до 1665 года мушкетеры входили в состав инфантерии, а затем рота стала единственной, имевшей и знамя, и штандарт, символ наличия солдат двух видов – пеших и конных. И знамя, и штандарт хранились у знаменосца, оба были сделаны из голубого сатина, обшитого золотом и серебром, и несли на себе эмблему полка: падающую на крепость бомбу и девиз «Quo ruit et lethum» («Вместе с ними нападает сама смерть»). Рота разделялась сначала на две, а затем на четыре бригады (сейчас мы сказали бы, на четыре взвода). Такое разделение позволяло мушкетерам в полной мере играть свою двойную роль: роль элитной роты и роль парадных войск. Пока две или три бригады бросались туда, где в Европе раздавалось пусть чуть слышное бряцание оружия, оставшиеся

находились в Сен-Жермене или Версале для «ординарной охраны» Его Величества. Во время войны, когда мушкетеры включались в состав войск военного ведомства, один отряд всегда оставался там, где был король. Этот отряд, носивший имя «корнетского» в память о знаменитом белом штандарте Людовика XIII[69], оберегал знамя роты. Именно под командованием д'Артаньяна мушкетеры постепенно стали чем-то вроде офицерской школы, где наиболее видные дворяне обучались военному искусству. В роту вступали обычно в возрасте 16-17 лет, и через 3-4 года обучения в роте можно было, имея средства, получить должность лейтенанта и зачастую даже капитана в полках обычных войск. Те, кто предпочитал остаться в роте, входили в состав «стариков», то есть в некую группу избранных, включавшую 52 наиболее старших по возрасту мушкетера. Это элитное формирование вызвало в Европе массу подражаний. Там каждый король желал иметь у себя роту мушкетеров и посылал офицеров на стажировку во Францию. В Меркюр олландэ за 1672 год отмечается, например, что один из союзников Франции, епископ Кельнский, получил разрешение набрать во Франции роту из 120 мушкетеров, которым Людовик XIV выдал такую же форму, как у его собственных солдат. Костюм мушкетера состоял в основном из красной далматикки[70], поверх которой надевалась застегивавшаяся крючком голубая накидка, обшитая золотом и украшенная четырьмя большими обрамленными золотыми языками пламени крестами из белого бархата с цветками лилий на концах. Во время парадов мушкетеры ехали верхом, часто по два или по четыре в ряд; впереди шли полковые барабанщики, трубачи и флейтисты. Начиная с 1663 года у них больше не было трубачей и флейтистов, но остались барабанщики, носившие парадную королевскую ливрею. На лошадей белой или серой масти были накинута красные бархатные попоны с чехлами для пистолетов из золотой парчи. Каждый солдат получал новую куртку и 39 су в день. Однако – и для многих это была тяжелая финансовая задача – на свои средства следовало купить шпагу, пару пистолетов, мушкет для Парижа и ружье для военных действий, оба из которых крепились к седлу прикладом вниз, как у драгун. Казарма мушкетеров, постройка которой была санкционирована патентными письмами от января 1671 года, еще существовала в конце прошлого века на месте современных домов с № 13 по № 17 на Паромной улице. Надстроенная над древним залом Пре-о-Клер, так называемым залом Цирюльников, она состояла из двух больших трехэтажных корпусов, один из которых выходил на Паромную улицу, а другой – на улицу

Боне. Между ними находился широкий двор, где привязывали лошадей. Прежде солдатам приходилось снимать квартиры в городе на свои средства. В декабре 1661 года Людовик XIV, желая улучшить их материальное положение, приказал им объединиться по двое и поселиться на «более подходящих» улицах предместья Сен-Жермен. Хозяева домов должны были предоставить каждому комнату с двумя постелями – одну для мушкетера, другую – для его слуги, – а также место в конюшне для двух коней. В случае необходимости должна была проводиться реквизиция «с соблюдением справедливости и равенства», как уточняло королевское постановление, что, вероятно, не всегда было так. При условии выплаты специального налога в казну купеческого прево жители предместья освобождались от этой тяжелой обязанности. Однако пока карета д'Артаньяна тряслась по альпийским дорогам среди покрытых вечными снегами вершин, в Сен-Жермене по указаниям из королевского кабинета готовились новшества в отношении мушкетеров. Что же именно происходило? В 1650 году Мазарини, как ранее Ришелье, создал конную роту мушкетеров для своей личной охраны. Одетые в пурпурные куртки – цвета мантии кардинала, – эти мушкетеры составляли пышный эскорт министра во время переговоров на Фазаньем острове. В 1660 году после подписания мира Мазарини подарил своих солдат Людовику XIV. Эти солдаты под командованием лейтенанта короля в Венсенне г-на де Марсака в течение нескольких дней охраняли в январе 1662 года арестованного Фуке, прежде чем д'Артаньян заменил их своими людьми. На следующий год они несли службу в Лотарингии. До сих пор эта рота, носившая имя «младших мушкетеров» и квартировавшаяся вначале в Немуре, а затем в Ша-рантоне, не входила в состав войск королевского дома. В первые дни января 1665 года, вскоре после отъезда д'Артаньяна в Пиньероль, брат министра Кольбера капитан гвардии Эдуар-Франсуа Кольбер де Вандьер, граф де Малеврье, купил у г-на де Марсака его должность. Именно тогда король решил упразднить эту роту, создать из нее новую, включенную в войска королевского дома, и посадить ее на черных коней, откуда пошло их название – «черные мушкетеры» – в противоположность «белым» (или «серым») мушкетерам первой роты. Между двумя ротами, отныне включенными в один и тот же корпус, было установлено строгое различие. Было решено, что первая рота, старшая и по времени формирования, и по традиции, должна пользоваться рядом привилегий: если мушкетеры в военное время действовали совместно и во главе рот стояли равные по чину офицеры, командование

должен был принять командир старшей роты. Должность капитан-лейтенанта «черных» мушкетеров получил Кольбер де Вандьер, должность младшего лейтенанта – Франсуа де Турвуа, граф де Монброн, бывший лейтенант гвардии Мазарини. 28 января 1665 года в квадратном дворе старого Лувра под председательством короля состоялось включение нового подразделения в войска королевского дома. Чтобы подчеркнуть, что объединение двух рот соответствует его воле, Людовик XIV приказал Кольберу де Вандьеру маршировать во главе и старых, и новых мушкетеров. Для брата будущего генерального контролера финансов это было значительное повышение, тем более что он надеялся также стать главой всего корпуса, если подтвердится слух о том, что д'Артаньяну будет пожаловано губернаторство в каком-нибудь пограничном городе или крепости. Как нетрудно догадаться, вдохновителем этого маневра был министр Кольбер, старавшийся любыми средствами поддерживать интересы своей семьи, а также желавший удалить слишком сдружившегося с Фуке д'Артаньяна, поручив ему командование в провинции. Есть все основания полагать, что он и его брат – капитан гвардии – специально дожидались отъезда д'Артаньяна в Пиньероль, чтобы вырвать у короля решение о реорганизации мушкетеров. Однако если король и согласился с первой частью их плана, то вторую он выполнять отказался: он хотел оставить д'Артаньяна подле себя. Но теперь не могли не возникнуть трудности. Поскольку д'Артаньян был только младшим лейтенантом и никто не мог отобрать должность у герцога Неверского, чтобы отдать ее д'Артаньяну, то согласно новому установлению он оказывался в подчинении Кольбера де Вандьера, бывшего на двадцать лет его моложе. С этим нельзя было мириться. Значит, нужно было придумать какую-нибудь уловку, которая позволила бы слегка поколебать святая святых войсковой иерархии. Пока племянник Мазарини не ушел в отставку, ответственность за фактическое управление ротой была отчуждена от должности капитан-лейтенанта и официально передана младшему лейтенанту. 16 января Летеллье имел удовольствие разъяснить суть этой новой организации д'Артаньяну, который все еще трудился в снегах Пиньероля. «Уверяю Вас, – написал он в конце своего письма, – что Вам никогда не выпадет большего счастья, чем то, которого я Вам желаю». Вскоре между двумя ротами началось глухое соперничество. Наиболее видные дворяне, желавшие служить королю, по большей части стали вступать в ряды «черных» мушкетеров, потому что там они оказывались под командованием брата важной персоны. Д'Артаньян – и

когда только его поставят на место! – не раз вызывал у того приступы ревности. Гасконец же отдавал себе отчет в том, что его новый коллега будет потихоньку подтачивать его благосостояние, все с большим великолепием экипируя своих солдат. Перед лицом тщеславного короля, который весьма ценил такое изящное соперничество, внешне укреплявшее блеск его величия, у д'Артаньяна не было другого выхода, кроме как постыдно исчезнуть или восстать, потребовав лучшей униформы и для своей роты. Понятно, что он выбрал второй путь. Неосторожный д'Артаньян! Он никогда не умел считать, брал деньги, когда они шли в руки, и легко с ними расставался, проявляя невероятное презрение к скупости. Сколько раз приходилось ему черпать из собственного скудного жалованья младшего лейтенанта, чтобы дать в долг своим людям, зачастую находившимся в еще более стесненных обстоятельствах! Итак, начиная с 1665 года между двумя кланами завязалась мелкая «война кружев». Они состязались в том, кто позволит себе более сумасшедшие расходы или более вызывающие проявления роскоши. Простые мушкетеры стали прикалывать жемчуг и бриллианты к своим уже обшитым золотом рукавам. Во время военных кампаний офицеры устраивали пирры и веселые застолья, не желали отказываться от своих карет, украшенных позолотой и разноцветными шелками. Они одевались с показной роскошью, даже мулов покрывали попонами, содержали армию лакеев и конюхов, разодетых столь же пышно, как и они сами, имели роскошную кухню и требовали множества смен блюд. Суровый и экономный министр Короля-Солнца Кольбер, разумеется, не мог одобрять обременительные траты, в которые пускались два соперника, рискуя разориться только для того, чтобы перещеголять друг друга. Кольбер неустанно объяснял свое отрицательное отношение к этому. «Когда имеющий небольшое жалованье мушкетер, – написал он в меморандуме 1667 года, – тратит свои 300 ливров жалованья на бесполезные украшения, то на какие деньги он собирается жить в течение года? Получается, что добровольно или не добровольно его расходы должен будет взять на себя хозяин дома, где он квартирует». Людовик XIV не обратил никакого внимания на эти ворчливые внушения и продолжал по-прежнему вдохновлять инфляцию униформ, кружев и галунов, которая столь сильно льстила его ненасытному тщеславию. Это было счастливое время для военных. Сельских праздников, смотров войск, турниров и конных состязаний становилось все больше, как будто перед сидящими в партере посланниками, генералами, дамами и, как писали поэты,

«прекраснейшими и целомудреннейшими девами» бесконечно разыгрывался непрерывный восхитительный балет. В марте 1665 года король председательствовал на «общем смотре» мушкетеров в Пре-о-Клер, на котором присутствовал военный комиссар г-н Додрон. В начале апреля в долине Сен-Дени весь двор любовался людьми д'Артаньяна и Кольбера. В своем живописном сочинении «Путешествия по Франции» (1665 г.) итальянец Себастьян Локателли оставил нам описание этого пышного зрелища, собравшего около 30 тысяч человек: «За швейцарцами следовали старшие мушкетеры числом пять сотен, великолепно восседавшие на прекрасных лошадях, почти все из которых были белые или в яблоках. На мушкетерах были плащи из голубого сукна, украшенные серебряной плетеной тесьмой, образующей на спине и на груди два креста, окруженных вышитыми золотом лучами, и вензель короля; эти кресты несколько напоминают кресты мальтийских рыцарей. Их украшенные и расшитые плащи, о которых я уже упоминал, были надеты поверх прекрасных камзолов из голубого камлота с серебряной вышивкой. Попоны их лошадей были красно-фиолетового цвета, и на них по четырем углам были вышиты четыре солнца, потому что король взял своей эмблемой солнце с девизом „Ubique solus“ [71]. На шляпах у них были прекрасные султаны из перьев». Людовик XIV, всегда с неизменным удовольствием председательствовавший на этих непрекращавшихся парадах, горел нетерпением испробовать в бою доблесть своих элитных полков. А все знали, что, когда король чего-либо желает, этого не придется слишком долго ждать... Глава XII. На помощь голландцам Весной 1665 года разразилась война между Англией и Нидерландами. Поначалу она свирепствовала на море, где флоты противников мерились силами, обстреливая друг друга из пушек. Поднявшись вверх по Темзе, Рюйтер [72] забросал Лондон дождем снарядов. Чтобы в свою очередь нанести Нидерландам удар на их собственной территории, Карл II постарался обеспечить себе поддержку на континенте. Он нашел ее в лице готового на любые авантюры буйного и свирепого германского кондотьера Кристофа-Бернарда фон Галена, который странным образом совмещал в себе достоинства изобретателя бомб, содержащих удушающий газ, и епископа Мюнстерского. Франция, соперничавшая с Англией на Антильских островах [73], стала союзницей голландцев и пообещала им свою поддержку. Чтобы спасти Соединенные провинции [74], которые стали жертвой грабительских набегов рейтаров мюнстерского епископа, Людовик XIV составил экспедиционный корпус во главе с

генерал-лейтенантом Франсуа де Праделем, включавший 4 тысячи пехотинцев и 2 тысячи конников, большая часть которых принадлежала к войскам королевского дома: например, бригада лейб-гвардии под командованием двух лейтенантов господ де Ромекура и Фаври, 500 мушкетеров с Кольбером де Вандьером и д'Артаньяном во главе и рота легкой кавалерии дофина под командованием маркиза де Лавальер, брата фаворитки. По замыслу монарха эта символическая демонстрация должна была заставить Европу увидеть силу и дисциплину элитных войск. На деле же за время этой короткой кампании, в которой не было значительных военных действий, у этих войск не было возможности показать силу, и они, как мы еще увидим, продемонстрировали только характерное отсутствие дисциплины. Вместе с тем при их отбытии были приняты все возможные меры предосторожности. Приказ Людовика XIV от 16 октября 1665 года подробнейшим образом предписывал порядок старшинства различных подразделений. В рядах конных войск мушкетеры должны были следовать непосредственно за лейб-гвардией и предшествовали легкой коннице. В случае, если двум ротам пришлось бы принимать участие в пешем бою совместно с пехотой, следовало рассматривать их как два пехотных полка, имеющих преимущества перед всеми другими соединениями, набранными после 1657 года, то есть года сформирования корпуса мушкетеров. Д'Артаньян и Кольбер оба получили ранг полковника инфантерии или «полевого командира» (полковника) кавалерии. 18 октября близ Клая король вместе с послом Соединенных провинций произвел смотр экспедиционного корпуса перед его отбытием. При каждой остановке комиссары и военные контролеры инспектировали соединения в порядке их очередности, дабы выявлять «подставных солдат». Записанный на пергаменте протокол «смotra и обследования», произведенного 29 октября 1665 года в лагере близ Нойона в присутствии гг. дю Шонуа и Додрона, подтверждал, что «младший лейтенант Шарль д'Артаньян, командующий конными мушкетерами первой роты, присланными для службы в военном корпусе, который Его Величество направил в Голландию», повел в бой 245 человек своей роты. К тексту протокола прилагался поименный список этих людей. Все они были на месте. 16 ноября Людовик XIV поблагодарил за это д'Артаньяна: «Я получил список роты и с глубоким удовлетворением отметил, что он полон. Заботьтесь всегда о том, чтобы рота была в хорошем состоянии, и не упускайте случая заставить ее как можно чаще упражняться, чтобы новые мушкетеры стали столь же искусны, как и старые».

Небрежность пригласившей стороны ничуть не облегчила вступление в Голландию. Хозяева не позаботились о заготовке провианта и фуража по пути следования армии. Прибыв в Маастрихт, древнюю крепость на Маасе, пришлось дать передышку экипажам, что, впрочем, не помешало войскам продефилировать по городу с поднятыми шпагами так, как это обычно делала кавалерия императора. Население, окружившее «государственных депутатов», изумлялось столь великолепному строевому порядку, толпилось вдоль маршрута продвижения. Однако это не могло долго продолжаться. Войска отправились на войну с радостью в сердце, но с наступлением сильных холодов их моральное состояние начало ухудшаться. Несмотря на усилия интенданта Карлье, продовольствие удавалось добывать лишь с трудом. Лошади чахли на глазах, люди спорили из-за тощих пайков. Две повозки с продуктами, привезенные людьми д'Артаньяна, были быстро разграблены. В окрестностях Маастрихта, где расквартировали прибывшие войска, нередко можно было видеть, как изголодавшиеся лейб-гвардейцы и мушкетеры бегают по снегу от одной фермы к другой в поисках хоть какой-то пищи. Из-за этого иногда вспыхивали ссоры, и голландские буржуа, обеспокоенные присутствием на своих землях столь многочисленной солдатни, угрюмо ворчали на подкрепление, поначалу пришедшее для того, чтобы помочь им в борьбе против мюнстер-ского епископа, а теперь опустошающее их земли не хуже последних мародеров. Озабоченный в первую очередь славой своих полков, король был очень недоволен. Он полагал, что все эти осложнения могут привести к серьезным последствиям и, будучи неверно истолкованы, бросят тень на его славу. Поэтому он лично обратился к д'Артаньяну с просьбой карать виновных с исключительной строгостью: «Вы должны велеть прогнать их и, более того, постараться в той мере, в какой это зависит от Вас, добиться того, чтобы солдаты, принадлежащие моему дому, жили в единстве между собой, и вдохновлять эти чувства в тех, кто находится в Вашем ведении». Поскольку беспорядки продолжались, спустя несколько недель король возобновил свои увещевания, которые теперь уже носили оттенок угрозы: «Мне стало известно, что поступает множество жалоб „на солдат“ королевского дома, располагающихся в тех местах, где Вы находитесь, однако мне хочется верить, что они не относятся к роте, которой командуете Вы, ведь Вы мне об этом ничего не писали, а я убежден, что Вы не преминули бы уведомить меня в подобном случае и сообщили бы о наложенном Вами взыскании; в противном случае, как Вы прекрасно понимаете, у меня

не было бы оснований быть довольным Вами». Наконец, к великому удовлетворению д'Артаньяна, которого подавляло бездействие, было решено выступить против врага. По такому случаю монарх не преминул дать указания главному штабу, с преднамеренной жестокостью особо указав, что «лучшим и наиболее честным способом» принудить Бернарда фон Галена сложить оружие является разорение и опустошение его земель, постоянные нападения на подвластный ему народ, при необходимости угон людей и скота и нанесение его народу «как можно большего вреда». Многие офицеры не забыли этих советов и тогда, когда позже вторглись в Палатинат и Севены[75]. Король желал, чтобы в каждом бою впереди шли войска его военного дома как настоящий ударный отряд экспедиции. Их следовало «задействовать в первую очередь во всех сложных, необычных, опасных и утомительных операциях». Эта последняя рекомендация была абсолютно бесполезной: как только франко-голландские войска начали военную кампанию, отряды Бернарда фон Галена поспешили убраться восвояси. Только небольшой отряд авантюристов имел смелость закрыться в маленькой крепости Локен на реке Боркель в графстве Зутфен и, несмотря на малочисленность, оказывать упорное сопротивление. Осада городка, единственная значительная операция этой кампании, была недолгой. 14 декабря все было кончено, и союзные знамена уже развевались на укреплениях Локена. Побежденные – около 400 пехотинцев и пять десятков кавалеристов – с утрюмыми лицами прошли строем перед Франсуа де Праделем, Кольбером и д'Артаньяном. Они были в таком жалком состоянии, что французская сторона даже несколько устыдилась того, что обнажила шпаги против подобных оборванцев. Десятитысячный немецкий корпус, из осторожности отошедший на расстояние 3-4 часов пути от этого места, даже не счел достойным себя делом прийти им на помощь! Во время осады мушкетеры, не жалея усилий, занимались самыми трудными работами. Они таскали на себе тяжелые фашины, предназначенные для засыпки полных грязной воды рвов крепости. Эти действия привели в восторг короля, который послал из своего замка Сен-Жермен поздравления их командиру: «Я и не ожидал меньшего рвення от роты старших мушкетеров (...) Это вновь утверждает меня в уверенности, что она никогда не совершит ничего недостойного, если речь идет о служении мне». Благодаря этой легкой победе французы овладели рядом деревень, которые еще удерживал противник, – Алмепоо, Кеппелем, Вильдембоком – и расположились на зимние квартиры. Мушкетеры, размещенные до весны на

берегу Рейна в лагере Рейнберг, вели там веселую жизнь, общаясь с гостеприимным и благодушным населением. «Могу сказать, что я никогда еще не находился на лучшем довольствии, – сообщает нам неизвестный мушкетер, чье письмо сохранилось в архивах. – Те 39 су, которые платит мне король, не уходят у меня полностью на двух лошадей, моего слугу и питание (...) Местные буржуа прекрасно уживаются с нами, а мы с ними. Поначалу они были на нас слегка в обиде, теперь же готовы всем услужить. Единственная наша трудность заключается в том, что приходится ходить по деревням и добывать фураж у крестьян, а те не хотят продавать его добром, однако потом они полюбовно соглашаются постараться и дают нам его». Этот мушкетер сообщил некоторые ценные сведения о жизни в маленьких рейнских гарнизонах. Кусок баранины стоил всего один су, кусок говядины или телятины – два су, курица – пять су. Мера овса обходилась в 30 су, и ее хватало на восемь дней. За сено приходилось платить ежедневно четыре-пять су. «Г-н д'Артаньян, – продолжает мушкетер, – сообщил мне, что испанские лошади стоят ему всего 8 су в день». В данном случае младший лейтенант, содержавший достаточно большой обоз, вряд ли сказал правду, если судить по тому, что написал в тот же день интендант Карлье, слегка бранивший его за излишние расходы: «Испанские лошади г-на д'Артаньяна обходятся ему в 11 су 62 денье в день каждая, другие верховые лошади пожирают сена на 16 су, а лошади каретных упряжей – на 22 су. Исходя из этого, один мушкетер, его слуга и его две лошади весьма умеренны или даже недоедают, если их расходы не превышают 39 су в день». Удовольствия рейнбергской жизни не помешали, впрочем, возобновлению беспорядков. Вопреки приказам короля, строго расписавшего военную иерархию, приказы командиров не всегда выполнялись. Нарушения начались сверху. Независимые, наглые, завистливые, чванящиеся своими титулами и удалью офицеры первыми стали нарушать дисциплину. В частности, полковники инфантерии позволяли себе не признавать верховную власть командиров мушкетеров после того, как король указом от 15 декабря 1665 года включил мушкетеров в корпус конных латников. Людовику XIV и Лувуа[76] не раз приходилось вмешиваться, чтобы принудить строптивцев подчиниться. Неудивительно, что при наличии столь вопиющих примеров в войсках стали происходить и худшие эксцессы: кражи, дуэли, убийства, подделка денег... Печально было видеть, как элита французской армии ведет себя подобно грубым головорезам владетельного епископа мюнстерского. Ко всему этому добавились

еще религиозные унижения, которым подвергались «наши еретики-союзники». В Ресе французские солдаты, несомненно, от излишнего рвения, избили горожан, отказавшихся преклонить колена при пронесении мимо них святых даров. Лувуа удовлетворился тем, что не хотя высказал порицание виновным: он сказал, что подобные действия, «как бы они ни соответствовали внутренним убеждениям Его Величества, полностью противоречат тому способу обращения, которого Он хотел бы, чтобы все придерживались в отношении народа, крайне приверженного своей религии и еще более – своим властям». Вместе с тем следует сказать, что, подобно поведению многих офицеров, воспитанных в духе старой школы, поведение д'Артаньяна во время этой кампании было безупречным. Вместе с интендантом Карлье и главным прево Давре-моном он изо всех сил старался предупредить эксцессы, дебоши и беспорядки любого рода. Когда по недосмотру возник пожар в одном из районов Рейнберга, где была расквартирована его рота, он сразу же предложил внести свою долю в возмещение убытков жителям города. «Он сделал это со всем обаянием, какого только можно было пожелать, – написал Карлье в письме к Лувуа, – и обладатели всех этих домов удовлетворились суммой компенсации в 2000 ливров». Король, которому сообщили все эти подробности, пожелал выразить д'Артаньяну свое удовлетворение. «Я абсолютно убежден, что первая рота мушкетеров действовала полностью в соответствии с установленным порядком, – написал он ему 8 января 1666 года. – Помимо того, что я доверяю всему, что мне пишете Вы, другие письма, приходящие из армии, подтверждают то же самое и отмечают, что быть более исполнительным на службе невозможно. Следует только утвердиться и далее в этом добром поведении, дабы я всегда был доволен ротой и в первую очередь Вами, и Вы можете быть уверены в дальнейшем моем благоволении во всех случаях, которые могут представиться». Спустя несколько недель инспекция, неожиданно проведенная военными комиссарами д'Эсланде и Бава, обнаружила, что рота находится в наилучшем состоянии и полностью укомплектована, что дало повод Людовику XIV вновь послать свои комплименты: «Это полностью соответствует доверию, которое я оказываю Вашему рвению на моей службе. Заботьтесь же всегда в такой же мере о том, чтобы я видел Ваше рвение». Действия в Голландии разворачивались благоприятно для Франции. После двух безуспешных атак против Далема и Маастрихта фон Гален предпочел начать переговоры, которые завершились 19 апреля 1666 года подписанием мира с Генеральными штатами Соединенных

провинций. В первые жаркие дни лета экспедиционный корпус маркиза де Праделя вернулся во Францию. Воссоединившись с войсками, оставшимися подле короля, он принял участие в окрестностях Морэ в исключительно сложных маневрах, которые продолжались целых три дня. Людовик XIV, сидя в военном облачении посреди множества разноцветных шатров, подобных, по словам присутствовавшего при этом д'Ормессона, настоящей радуге, благодарил командующих офицеров, вернувшихся из Голландии. Месье д'Артаньян, в боях умудренный, За доблесть свою был принят благосклонно Так написал поэт Перду де Сублиньи в своей Придворной музе. Монарх был в таком восторге от действий своего младшего лейтенанта, что пожаловал ему первую же освободившуюся придворную должность – должность «капитана маленьких собачек для охоты на косуль», – достойное вознаграждение, название которого сегодня вызывает улыбку; в те же времена никто не находил в этом ничего неподобающего. Эта должность, освободившаяся 8 сентября после кончины занимавшего ее Шарля Жирара, г-на дю Тилле, президента Счетной Палаты, была пожалована д'Артаньяну спустя неделю. Это было пусть небольшое, но событие при дворе. Мрачный Оливье д'Ормессон рассказывает в своем Журнале, что узнал об этом из уст самого Тюренна. Новость вдохновила газетных рифмачей. Приемник достопамятного Лоре[77] Лаграветт де Майола высказался по этому поводу в написанном скверными стихами послании к своей музе герцогине Немурской: Месье д'Артаньян, воюющий ловко, Чьи предусмотрительность, доблесть, сноровка Равны его верности службе и рвению, С каким он вершит короля повеленья, Своих мушкетеров представил отменно И нынче назначен своим сувереном На пост капитана искусных собачек, Без коих в охоте не будет удачи. Для должности сей, что важна на охоте, Вы, право, навряд ли кого-то найдете, Кто был бы проворней, усердней и лучше. Чтобы не отстать от него, соперник Лаграветта Сублиньи, разговаривая с дофином, выразился следующим образом: Если Тилле успокоился на небесах, Король поручил д'Артаньяну О своре собачек для травли в лесах Надеюсь, мы скоро пойдем на охоту! Однако ж нет! Новая должность вовсе не понравилась г-ну д'Артаньяну, то ли потому что он не любил маленьких собачек, то ли потому, что он не был ревностным почитателем святого Губерта[78], то ли потому, что его скверный характер привел к ссоре с кем-то из придворных. Через три недели после назначения он подал в отставку. Король воспользовался этим для того, чтобы упразднить должность и заменить одного

чиновника двумя лейтенантами, несущими совместную службу. 8 октября искусный охотник маркиз де Раре, договорившись заранее с д'Артаньяном, получил одну из этих лейтенантских должностей. Вторая была куплена чуть позже г-ном де Сент-Круа. Так что Людовик XIV ничуть не обиделся на эту быструю отставку и спустя несколько месяцев нашел возможным оказать д'Артаньяну более значительную милость. В начале 1667 года Филипп Манчини, герцог Неверский, вернувшись из Италии, наконец отказался от своих должностей главного генерал-фельдцейхмейстера артиллерии, капитан-лейтенанта мушкетеров и губернатора Ла Рошели. На каждую из этих должностей тотчас явилась толпа соискателей. Особенной популярностью пользовалась должность капитан-лейтенанта. По мнению Кольбера, это была «самая прекрасная должность в королевстве, исполнение которой состояло почти в одном разшгечении (...) Ее можно сравнить только с должностью первого дворянина Палаты». Министры выдвинули своего соискателя. Кольбер, естественно, хотел добиться этой должности для своего брата, чтобы тот смог объединить в одном лице командование обеими ротами. В любом случае, Кольбер лично враждебно относился к тому, чтобы эту должность отдали д'Артаньяну, которому никак не мог простить слишком независимого поведения во время процесса Фуке. Тем не менее король, прежде чем распределять остальные должности, пожаловал эту должность именно д'Артаньяну, ибо, как он позже написал в своих Мемуарах, этот человек «заслужил ее, оказав много важных услуг». Шарль Робине, придворный поэт Генриетты Английской, восславил это событие в своей рифмованной газете: Из всех отважных и рьяных Господина д'Артаньяна выбрал король. В тот же день Оливье д'Ормессон, находившийся после процесса Фуке в полуопале, записал в своем драгоценном Журнале: «Я видел г-на д'Артаньяна, которому король даровал должность лейтенант-аншефа мушкетеров после ухода в отставку герцога Неверского, невзирая на г-на де Кольбера, который не любит г-на д'Артаньяна. Он оказал мне тысячу знаков внимания. Отношение к нему короля удивительно, ведь он знает, что он друг Фуке и враг Кольбера». К тремстам ливрам в месяц, которые давала ему должность лейтенанта, наш безденежный гасконец смог добавить 600 ливров жалованья в капитанской должности, назначенного ему венценосным господином. 22 января на равнине Уй счастливый баловень судьбы вступил в командование перед лицом полного состава роты в присутствии Короля-Солнца и его лейб-гвардии. Глава XIII. Придворный Итак, д'Артаньян стал ровней

самым знатным сеньорам двора. Начиная с 1665 года в документах его называют не иначе, как «граф д'Артаньян». Дюма ничего не выдумал. Д'Артаньян горделиво выставил на всеобщее обозрение герб, «разделенный на четыре поля: на первом и четвертом серебряном поле черный орел с распростертыми крыльями; на втором и третьем поле на красном фоне серебряный замок с двумя башнями по бокам, с наметом из серебра, все пустые поля красного цвета». Разумеется, завистливые придворные подняли шум, утверждая, что он незаслуженно присвоил себе имя и титул, которые ему не принадлежали. Дальше хуже: после смерти д'Артаньяна претензии его семьи оспаривались через суд. Конечно, незаконность присвоения графского титула не вызывает сомнений. Если уж кто и мог претендовать на этот титул, так это не д'Артаньян, а его кузен Жозеф де Монте-сью, которому принадлежали замок и земли д'Артанья-нов на берегах Адур. Однако то, как бесцеремонно произошло это облагораживание позаимствованного имени, наводит на мысль, что гасконец никогда не позволил бы себе ничего подобного, если бы не был уверен в том, что король не станет возражать. Не будем забывать, что в это время только что были созданы «комиссии по выявлению узурпаторов дворянского звания» и что в провинциях интенданты немилосердно преследовали дворян, которые не могли доказать, что их благородное имя существует не менее ста лет. Но это еще не все. Когда в апреле 1667 года некоего господина де Бац д'Арман-тье побеспокоила одна из этих комиссий, оказалось достаточно, чтобы знаменитый капитан мушкетеров признал его своим родственником в присутствии французского посла в Англии г-на де Рювиньи, послужившего в данном случае свидетелем, чтобы все это неприятное генеалогическое расследование тотчас прекратилось. А вот одна гасконская выходка, которая показывает ненасытное честолюбие терзаемого демоном гордыни потомка люпиякских купцов. В договоре об арендной плате, заключенном в замке Сент-Круа, д'Артаньян именуется «кавалером королевских орденов», каковым он, конечно же, не являлся, ибо для того, чтобы носить голубую ленту кавалера ордена Св. Духа и Св. Михаила, нужно было принадлежать к очень древнему роду и представить канцлеру этих орденов доказательства высококоротноеГ своих предков. Несомненно, именно к этому времени относится единственный известный нам портрет д'Артаньяна, помещенный на фронтисписе Мемуаров. Высокий лоб, выступающие скулы, лукавый взгляд, орлиный нос, маленький, но красиво очерченный рот, увенчанный двумя запятыми усов, – все это придает его

лицу выражение насмешливости и открытости и вызывает симпатию с первого взгляда. Д'Артаньян носил собственные волосы, длинные и волнистые, которые на портрете ниспадают на кирасу тонкой чеканки. В целом портрет передает горделивый вид д'Артаньяна и позволяет представить себе его тело изящным, нервным и энергичным. Итак, в 1667 году наш мушкетер производил впечатление человека, которого обычно называли «вельможей в случае», и вел достойный образ жизни, соответствующий его официальному положению. В частности, он с показной пышностью обставил свой старый семейный дом, из которого г-жа д'Артаньян много лет назад сбежала и затворилась в своем имении Сент-Круа. Этот дом, удобно расположенный между Лувром и казармой мушкетеров, представлял собой одно из тех богатых жилищ, которые до сих пор сохранились по левому берегу Сены. У него было преимущество: он выходил на реку, а в те времена большая часть парижских домов выходила в темные проулки и замусоренные тупики. Дом стоял на самом углу Паромной улицы и современной набережной Вольтера, которая в то время носила живописное название набережной Лягушачьего болота, поскольку на ней недалеко от парома, переправлявшего на другой берег, находились владения некоего г-на де Лабора де Лагрениуэра[79]. Эта набережная, которую замостили в 1669 году, служила местом разгрузки и хранения леса, сплавлявшегося по Сене. По ней вечно сновали торговцы со своими тележками и вязанками хвороста, носильщики со своими инструментами и в первую очередь целые орды лодочников, представлявших собой живописную пеструю толпу. Дом д'Артаньяна был построен во времена правления Людовика XIII, в 1630-1635 годах, на землях Пре-о-Клер, которые ранее принадлежали королеве Маргарите Наваррской[80]. Приблизительно в то же время на углу набережной и улицы Боне был построен соседний дом маркиза де Монка-врель, ставший впоследствии известным под названием дворец Мейи-Нель и частично сохранившийся до наших дней. В те годы будущий дом мушкетера принадлежал мастеру-кровельщику по имени Пьер Юло, который вместе с остальным скудным наследством передал его своему сыну Николя. Д'Артаньян, несомненно, приобрел его в 1665 году, когда ему пришлось покинуть находившийся на другом берегу павильон Вольтера. Историк Жан Иллере сообщает, что после его смерти дом перешел во владение Луи-Шарля де Мейи, чья семья занимала соседнее здание с 1666 года. В конце правления Людовика XIV дом стал собственностью Луи-Александра де Мейи, капитан-лейтенанта швейцарского

жандармского полка. В 1715 году в нем с роскошью обосновался кардинал-архиепископ Реймский Франсуа де Мейи. Последним известным хозяином дома был живший во время Революции физик Клод Шапп, изобретатель оптического телеграфа. От этого жилища до наших дней не осталось ничего, оно было снесено в 1881 году при расширении Паромной улицы. По счастью, в Национальном архиве сохранилась инвентарная опись, дающая нам подробное описание дома. Здесь ничто не напоминало скромные башни Капельмора или потертые штаны времен службы у Мазарини. Это удобное четырехэтажное здание представляло собой жилой дом, построенный параллельно реке, к которому со стороны Паромной улицы перпендикулярно примыкал небольшой флигель. Но давайте войдем... Двустворчатые входные ворота с подвесным молотком открывались на довольно широкий двор, в котором могли поместиться две кареты: одна из них была большая, обитая зеленым с разводами бархатом, с обитым золотой тканью диваном сзади, с подушками и двумя занавесками того же цвета, которые ниспадали на четыре окна, застекленные венецианским стеклом; другая карета была маленькая, обтянутая красной камкой с одним сидением и окном венецианского стекла спереди. На цокольном этаже размещались кухня и буфетная: сундук, шкаф с оловянной посудой и низкая кушетка. На ней спала служанка мушкетера по имени Фиакрина Пинон, вдова г-на Жана Бонне. Повезло же этой служанке со столь нетребовательным хозяином! Она его, можно сказать, почти не видела. Когда он не был на войне или при дворе, то чаще всего обедал где-нибудь в городе. Пойдем дальше. Узкая лестница ведет нас в бельэтаж, и мы попадаем в прихожую, окна которой выходят во двор. Далее мы обнаруживаем прекрасную комнату с двумя окнами на набережную; в ней – ложе с высокими ножками из орехового дерева, покрытое красной камкой, «обшитой бахромой с креповой подкладкой и шелковыми кистями того же цвета». На стене роскошный гобелен с узором из листьев из города Ауденарде. Из этой парадной комнаты можно было пройти в маленькую гардеробную. Задержимся на мгновение у окна: сквозь буйные прибрежные заросли фасад Лувра смотрится в черные воды Сены, которые непрерывно бороздят влекомые бредущими по берегу лошадьми речные суденышки и лодки, груженные сеном и бочками. Дальше можно увидеть большой деревянный мост – это «красный мост», позволяющий легко добраться до дворца со стороны улицы Боне. Еще дальше, за излучиной реки, угадываются контуры Нельской башни, Нового моста и памятника королю

Генриху... Какое вознаграждение, какое воплощение мечты кадета из Гаскони! Расположение комнат третьего этажа повторяет то, что мы видели на втором. Прихожая с диваном для отдыха, столом, несколькими стульями и двумя шкапами. Затем комната д'Артаньяна; на двух ее стенах висят фламандские гобелены с лиственным узором; уютная комната, меблировка которой состоит из двух буковых столов, двух кресел, шести стульев, шести покрытых желтой саржей складных стульев, одной ширмы и, наконец, огромной кровати со стойками, убранной покрывалом из желтой саржи, гармонирующим с убранством стульев. С полога кровати свешиваются изящные занавеси с ламбрекеном, «все из шелковой парчи с цветочками, выстроенными в полосы, отделанные настоящим крепом и с шелковой подкладкой». У стены мы видим зеркало высотой в три фута, перед которым наш блестящий мушкетер мог изящно завивать усы... В суровые зимние дни мерцающий в камине с высокой каменной трубой огонь, должно быть, распространял в этом утонченном жилище приятное, нежное тепло. Маленькая дверь вела в будуар, окна которого выходили во двор. Будуар был также изящно обставлен: еловый стол, покрытый полупарчовым покрывалом, кресло, два стула из орехового дерева, сундук и еще одна кровать для отдыха. На стенах маленькие раскрашенные эстампы перемежались с фламандскими гобеленами. В середине стены из рамы позолоченного дерева улыбался кардинал Мазарини, напоминая хозяину дома о его бурной молодости. Далее лестница вела на последний этаж, обставленный менее изящно. Там было три комнаты, мебель в которых не была тщательно подобрана: большая комната с окнами на набережную, чердачное помещение во флигеле и маленькая проходная каморка. Погреб, во время инвентаризации оказавшийся пустым, должно быть, содержал тонкие вина, учитывая, что д'Артаньян держал у себя на службе специального виночерпия по имени Бертран Жерве. Костюмы, описание которых сохранилось в протоколе, были под стать пышной обстановке: роскошный костюм из светло-серого английского сукна и двубортным камзолом из парчи с цветочками на золотом фоне и подкладкой из алого объера, кюлоты из замши и голландского сукна, коричневые замшевые перчатки с кружевом, не говоря об обычных плащах, куртках, коротких штанах и множестве разнообразных камзолов. Желая выйти из дома, граф д'Артаньян мог выбрать одну из многочисленных накидок, плащей из черного бархата или испанского сукна. Оставаясь дома, он мог расслабиться, небрежно облачившись в прекрасный домашний халат в турецком

стиле, подбитый зеленым сатином... Однако привыкший к бродячей жизни, д'Артаньян не был домоседом. Трудно представить себе этого бойкого мушкетера в тапках и домашнем халате сидящим в уголке у камина и читающим какой-нибудь изящный роман! Впрочем, если бы даже у него возникло такое желание, его венценосный господин не предоставил бы ему досуга для подобных занятий. Глава XIV. Деволуционная война 8 мая 1667 года Людовик XIV разослал всем европейским государствам, включая испанское правительство, манифест, в котором требовал признать в пользу своей супруги так называемое деволуционное право наследования, которое по брабантскому обычаю сохранялось за детьми от первого брака[81]. Снабдив свое заявление весьма необоснованными юридическими объяснениями – было использовано обычное частное право, ибо античное деволуционное право явно не могло быть применено к вопросам наследования в королевских семьях, – король Франции потребовал полного пересмотра Пиренейского договора и присоединения к Франции герцогства Брабантского, маркизата Антверпенского, графства Намюр, герцогства Лимбургского, Мехелена, Верхнего Гелдерна, графства Артуа, герцогства Камбрези, графства Геннегау, Франш-Конте и части герцогства Люксембургского. Не больше и не меньше! Уже в течение года Франция жила в атмосфере бряцания оружием. Она превратилась в огромную казарму, сотрясалась громом барабанов и выстрелами из мушкетов. Оказавшись в железных руках Летеллье и его сына Лувуа, армия была полностью реорганизована, дисциплина укреплена, а склады наполнены оружием, боеприпасами и фуражом. Эти широкомасштабные приготовления сопровождались регулярными мощными военными парадами на равнине Уй, в Фонтенбло, Венсенне, то есть в местах, в которых обычно присутствовали мушкетеры. Солдаты, славные отвагой и напором, что под началом д'Артаньяна и Кольбера Нам служат доблести и верности примером. 15 мая д'Артаньян получил чин бригадира кавалерии с жалованьем 500 ливров в месяц и впервые стал командовать небольшим армейским корпусом, состоявшим из пяти эскадронов и включавшим, помимо его собственной роты, еще два полка. 21-го числа король в сопровождении Тюренна произвел смотр конных войск, расположенных вдоль Соны между Амьеном и Корби, и составил план атаки. Его выбор пал на д'Артаньяна как на человека, способного храбро вклинуться в неприятельские ряды. Оставив войска, д'Артаньян вместе с бригадиром Фурно отправились в Аррас и догнали авангард пехоты подле Сен-Венана. 24 мая, имея около двух тысяч человек,

д'Артаньян вторгся на территорию противника и захватил Армантьер. Испанцы уже начали сносить укрепления города, намереваясь отойти к более значительному пункту, когда увидели, как на них мчится наш мушкетер во главе своих людей. Губернатор, «отдыхавший в своем доме», был быстро захвачен в плен вместе со всем гарнизоном. Легкая победа, а потому бесславная, как заявила во всеуслышание Газета в специальном выпуске от 29 мая. Упоенные своим успехом, д'Артаньян и де Фурно отправились в обратный путь, оставив в Армантьере только несколько инженеров по фортификациям, 150 всадников и 200 французских гвардейцев. 2 июня таким же образом без боя был взят Шарлеруа. Война еще даже не была объявлена! Утверждали, что эти города составляют часть наследства королевы Марии-Терезии и что «мы войдем с войсками в Нидерланды, только чтобы попытаться вернуть себе то, чего нас незаконно лишили!» Верхом изощренности было то, что испанский посланник сопровождал двор в этой поездке и таким образом имел возможность присутствовать при захвате крепостей своего господина. После Куртре было решено атаковать Турне, который был защищен сильными укреплениями, 50 башнями и устрашающими бастионами. Чтобы испанцы не догадались об истинных намерениях армии, Тюренн взял курс на Брюссель, в то время как 2500 лота-рингских наемников под командованием принца Лотарингского Франсуа-Мари де Лиллебонна двинулись от Авена на Аррас, где к ним должна была присоединиться бригада д'Артаньяна. Как только было объявлено, что д'Артаньян отправился воевать, дворяне-добровольцы, не занимавшие до этого никакого определенного поста, встали под его знамена. Лозунгом сбора было: «Бог да будет с нами, да здравствует король!» В 7 часов 21 июня корпус Тюренна, пройдя по дороге на Брюссель, занял позицию под стенами Турне. Вечером граф д'Артаньян и вспомогательные лотарингские войска, выйдя из Арраса и перейдя Дель по Верденскому мосту, неожиданно оказались на другом берегу Шельды и перекрыли осажденным все пути к отступлению. Вскоре к ним присоединился отряд в 200 конников под командованием г-на де Лоржа. С обеих сторон сразу же начался взаимный обстрел. На следующий день около пяти часов вечера 50 удалцов при поддержке гарнизона предприняли вылазку против лагеря д'Артаньяна в пригороде. Для них это плохо кончилось. «Их так хорошо встретила обстрелявшая их конная гвардия, – рассказывает Пеллиссон в своей Истории Людовика XIV, – что больше половины из них осталось на месте, и это отбило у других охоту следовать их

примеру». В тот же вечер решено было рыть траншею. Мушкетеры, находясь в первых рядах, не щадили себя и принимали на себя изрядную часть огня, так что, когда король из бравады вздумал навестить во время боя их капитана, двух скакавших рядом с ним пажей сразили пули. 23 июня пушечный обстрел продолжался. «Лагерь находился столь близко к городу, – рассказывает далее Пеллиссон, – что пушечные ядра постоянно попадали внутрь, причем чаще всего разбивали палатки. К тому же в этот день стояла такая жара, что Его Величество, возвращаясь обратно и проходя мимо палатки г-на д'Артаньяна, увидел маршала де Бельфона, который пил у входа пиво, и попросил стакан вина». Заброшенный снарядами Турне не стал дожидаться окончательного штурма и 24 июня капитулировал. Людовик XIV торжественно въехал в город. Перед ним скакали его мушкетеры, во главе которых – по заслугам и честь! – на сером скакуне восседал наш герой. Спустя четыре дня отдохнувшая армия возобновила свой победоносный марш вдоль Шельды и 28 июня подошла к Гельхину. Под покровом ночи был послан вперед генерал-лейтенант граф де Дюра с бригадами Бисси и д'Артаньяна и двумя батальонами лионского полка. Дюра переходит через Скарп у Маршьенна и осаждает Дуэ со стороны Лилля. 2 июля к нему присоединяется основная армия. Первые два дня осады мушкетеры стояли в резерве. Гвардия и батальоны саперов окружили город сетью траншей. 5 июля, как только работы были завершены, французский парламентар предложил испанцам сдаться. Те презрительно отказались. – Трубите атаку мушкетерам! – приказал король. Через час мушкетеры в стройном порядке с музыкантами впереди вошли в траншею, не обращая внимания на картечь и пули. Они открыли ужасающий огонь, с первого удара захватили контрэскарп, перешли через ров, смели гарнизон одного из рavelинов и горделиво воздвигли свои знамена над передними укреплениями города. В запале они даже со шпагами в руках ворвались внутрь города, но Людовик XIV, желая поберечь их, послал им приказ умерить свой пыл. Результаты дерзкого удара д'Артаньяна превзошли все ожидания. Жители Дуэ утратили последнюю надежду и на следующий день сдались, добровольно и по всей форме. Пока королевская армия несколько дней отдыхала, король поехал в Компьень навестить королеву, от чьего имени совершались все эти завоевания. Его возвращение было отмечено исключительными торжествами. После этих праздников победоносная армия отправилась к Ауденарде, который сопротивлялся всего два дня. 31 июля Тюрени и граф Дюра двинулись на север в

направлении Дандермонда. Однако испанцы успели открыть шлюзы и затопить соседние равнины. Потеряв много людей, Тюрени предпochел снять осаду. Значило ли это, что колесо Фортуны повернулось? Европа надеялась, что это так, и радовалась неудаче. Венский императорский двор с иронией приносил свои соболезнования французскому посланнику. Однако насмешки быстро прекратились, когда стало известно, что – о ужас! – королевская армия осадила Лилль, самую мощную крепость Фландрии. Этот гордый испанский город, имевший 27 бастионов, гарнизон из двух тысяч бойцов, сотни испанских, неаполитанских и ирландских наемников, сотню пушек, запасы боеприпасов и продовольствия, которых хватило бы на год, а также стойкого и умного губернатора графа Брюэ, казался несокрушимым. На деле же он продержался всего 15 дней, за время которых д'Артаньяну вновь представилась возможность отличиться. Поначалу он стоял со своими пятью кавалерийскими эскадронами между Фивом и Геллемом, однако 28 июля король, перестроив войска к бою, передал ему командование новой бригадой, составленной из двух рот лейб-гвардии под командованием гг. де Треме и де Шаро, легкого конного полка королевы и полков Энгiena и Монако. 10 августа Вобан приказал построить контрвалационную линию[82] с гласисом в 800 шагов[83]. На следующий день была выстроена вторая линия для защиты лагеря в случае прибытия вражеских подкреплений. Через восемь дней, когда эти первые работы были завершены, в сторону крепости прорыли двойную траншею. Справа находился первый батальон швейцарцев под командованием графа де Суассона, слева – полки Шампаня и Дюплесси. Вечером 19 августа «бригадир д'Артаньян» ввел в траншею войска первой линии, которые «задавали тон в течение целого дня». Можно представить себе д'Артаньяна в бою: седеющие волосы, бешеный аллюр, воинственный дух, сверкающая кираса, перехваченная белой перевязью командира. Скача в едкой пыли, поднятой саперами, он отдавал отрывистые сухие приказы, произнося их с певучим гасконским акцентом, от которого, как говорят, полностью избавиться невозможно. 21 августа расставленная батареями артиллерия начала обстреливать крепость с внешней стороны. Прибывшее подкрепление под командованием г-на де Креки позволило в ночь с 24 на 25 августа произвести первую атаку. Имея прикрытую дорогу, французы спешно соорудили на контрэскарпе батарею из 22 орудий, чтобы пробить брешь в стене. Наконец 26 августа состоялся окончательный штурм. Людовик XIV пустил в ход основную часть войск. На беду

д'Артаньяна для участия в атаке из его бригады взяли всего 60 человек, а сам он должен был оставаться в арьергарде в резерве. Каково же было ему топтаться на месте, созерцая происходящее, пока две роты мушкетеров под командованием г-на де Монброна сражались, как львы, на равелине! Несчастный не мог стоять спокойно и проклинал свое бездействие, ожидая, когда же пришлют за ним, чтобы и он мог вступить в бой. Поскольку этот счастливый момент все не наступал, он решил, что следует его поторопить. Около десяти часов вечера, воспользовавшись ночной тьмой, он покинул свой пост и без сопровождения бросился в первых рядах в самую гущу схватки против леса пик под выстрелами мушкетеров. «Он по лучил легкую контузию», – сообщает хроника, но его честь была удовлетворена. Никто, даже король, не осмелился обвинить его в неподчинении приказу. Французская атака повергла город в состояние паники. 27 августа население Лилля ворвалось на укрепления и разоружило солдат, заставив таким образом графа де Брюэ капитулировать. Таким образом, за несколько недель простая вооруженная прогулка свела на нет оборонную мощь испанцев во Фландрии. Оставалось встретиться лицом к лицу с графом де Марсеном, спешно прибывшим на помощь Лиллю. В ночь с 29 на 30 августа, покинув лагерь на Дейнзе, д'Артаньян и его бригада галопом поскакали вслед за генерал-майором графом Генрихом де Подвицем. Французы смяли авангард де Марсена, прорвали оборону эскадронов и посеяли панику среди войск противника, разбежавшихся во все стороны. Разгром был полным. Марсен спешно бежал в Брюгге, оставив за собой 500 убитых и раненых, отдав солдатам французского короля 1500 пленных и богатый урожай великолепных знамен. С наступлением осенних дождей войска королевского дома, покрытые ранами, в изодранных плащах, поредевшими рядами вернулись на свои квартиры. Д'Артаньян вновь принял командование своей ротой и, как свидетельствует «отчет о смотре», сохранившийся среди рукописей Национальной библиотеки, представил ее королю 26 октября на плацдарме старого замка Сен-Жермен. Менее чем через три месяца, 20 января 1668 года, он произвел еще один смотр своим людям в Пре-о-Клер, прежде чем опять отправиться в бой. Спустя несколько дней мушкетеры двинулись в направлении Труа-Эвеше²³. Прибыв в Труа, д'Артаньян получил новый приказ, отправивший его в Франш-Конте. Уже в течение многих недель Конде, после многих лет опалы вновь ставший служить королю, втайне готовил вторжение в эту плохо защищенную испанскую провинцию, в которой никто и не догадывался о его

воинственных планах. Официально Его Высочество прибыл в свою Бургундию[84] для того, чтобы присутствовать на собрании Провинциальных Штатов. Он постарался заранее усыпить бдительность жителей графства, торговавших, как всегда в любом конфликте, о цене своего нейтралитета. Конде занимался всякого рода крючкотворством с тем, чтобы выиграть время для военных приготовлений. Жители Франш-Конте предлагали 300 тысяч ливров, он потребовал с них 500 тысяч. Ослепление контуазцев было столь велико, что они решили, будто мелочная торговля по поводу возобновления их нейтралитета – естественная причина затягивания переговоров. Наконец 2 февраля граф д'Артаньян со своей ротой и полком Дюплесси открыто прибыл на берега Соны и стал лагерем близ Осона. На следующий день, 3 февраля, Конде велел сказать ошеломленным депутатам из Франш-Конте, что, поскольку они не оправдали ожиданий Франции, он собирается, не откладывая долее, занять с войсками их провинцию. В тот же день мушкетеры вступили на испанскую территорию у Рошфора-на-Неноне, везя с собой бревна, чтобы восстановить недавно разрушенный мост. Выполнив свою задачу, они разбили лагерь в Шатене, в четверти лье от Рошфора, где только что соединились войска Конде и его помощника герцога Люксембургского. 5 февраля принц Конде написал герцогу Рокелору: «Я послал д'Артаньяна с мушкетерами и драгунами и приказал ему перейти реку с тем, чтобы осадить Безансон. Завтра на рассвете за ним последует г-н де Гадань с полками конницы герцога Орлеанского и Дюплесси и пехотным полком д'Аркура». Безансон мог легко выдержать осаду, поскольку число осаждавших не превышало 2 тысяч человек. Однако, впав в панику, безансонцы, видимо, решили, что их окружила куда более значительная армия, и горожане капитулировали после первого же предложения о сдаче, не сделав ни одного пушечного выстрела. 8 февраля Конде и д'Артаньян с гордым видом вошли в старый испанский город через Аренские ворота. 9-го они соединились перед Додем, где квартировал де Фошран, с королевской армией, неделей раньше покинувшей Сен-Жермен. Город-соперник Безансона[85] сдался после символического сопротивления. В свою очередь пали крепости Жу и Сент-Аньес. 18 февраля после трехдневной осады сдался Гре, в котором находился губернатор провинции маркиз д'Иенн. 24 февраля Людовик XIV уже возвращался в Сен-Жермен после блестящей молниеносной войны, продлившейся всего три недели[86]. Глава XV. Кузены д'Артаньяна Несмотря на свой откровенно индивидуалистический характер, наш

гасконец тем не менее имел врожденное чувство связи с семьей. Д'Артаньян не посрамил репутацию своих соотечественников и подобно им брал в свою роту многочисленных кузенов, близких и дальних родственников, друзей и знакомых. Например, он получил у короля место младшего лейтенанта для своего двоюродного брата Жана-Луи Кастераса де Ларивьер. После отъезда жены и детей он перенес всю свою привязанность на двух кузенов, Пьера и Жозефа де Монтескью д'Артаньян. Пьер, родившийся в 1645 году в замке Байонны, был сыном дяди д'Артаньяна Анри де Монтескью и Жанны де Гассьон, то есть его двоюродным братом, однако из-за разницы в возрасте д'Артаньян часто обращался с ним как с племянником. А первый раз они, должно быть, встретились во время празднеств в честь свадьбы короля в Сен-Жан-де-Люзе. Пьер, которому было в ту пору четырнадцать лет, горел желанием носить славный плащ мушкетера. Поддерживая это желание, его отец решил дать ему образование, обеспечивающее подготовку к военной службе, единственно достойной дворянина. В октябре 1660 года Пьер стал пансионером Королевской академии Жийи, которой руководили ораторианцы[87]. Там он постиг все науки, которые следовало знать человеку благородного происхождения: латинский язык, историю, географию, основные разделы математики; научился искусству снимать план местности, фортификации и в первую очередь верховой езде, фехтованию и танцам. По выходе из Академии молодой человек стал жить в Лувре, заняв должность пажа Малой конюшни. Нося это звание, он в мае 1664 года принял участие в несравненном празднике «Забавы Волшебного острова», данном в Версале в честь прелестной Лавальер. «Г-н д'Артаньян, – читаем мы в официальном отчете об этом зрелище, – шел во главе двух других „пажей“ в богатых одеждах огненного цвета – ливреях Его Величества, – неся его копье и щит, на котором блистало солнце из драгоценных камней со словами „Nee cesso, pes ergo“ [88], что подразумевало приверженность Его Величества к занятиям государственными делами и образ его действий». Спустя некоторое время «маленький д'Артаньян», как называли Пьера при дворе, был принят в качестве кадета в полк французской гвардии и по ходатайству своего кузена-мушкетера прикомандирован к охране суперинтенданта Фуке. В декабре 1664 года он сопровождал заключенного до Пиньероля и оставался там в течение нескольких месяцев, орудуя пикой и мушкетом в роте г-на де Сен-Мара. По окончании этого сурового учения он смог, наконец, встать в ряды мушкетеров. По этому случаю д'Артаньян помог ему

составить себе гардероб и продал ему ради соблюдения правил многих своих лошадей. Поэтому спустя несколько лет в оставшихся после его смерти бумагах оказался еще один неоплаченный счет. Пьер д'Артаньян в течение трех лет оставался в первой роте мушкетеров и участвовал в осаде Локена в 1666 году, в осаде Лилля, Турне и Дуэ и сражении с Марсеном в 1667 году, во взятии Безансона в 1668 году. Затем он вступил в гвардейский полк в звании знаменосца, а позже стал младшим лейтенантом. В феврале 1672 года будущий маршал де Монтескью официально объявил о своей помолвке с богатой и добродетельной горожанкой из хорошей семьи дамой Жанной Поделу, «вдовой покойного Клода Кюрье, бывшего при жизни королевским советником, старшим судебным секретарем при соляном амбаре в Пуасси», которая жила, как и он, на улице Малых полей. Свадьбу отпраздновали 1 марта того же года в церкви Св. Евстахия в Париже в присутствии брата Пьера шеваляе Ремона д'Артаньяна, специально приехавшего из Гаскони, чтобы передать материнское благословение. Дальнейшая карьера Пьера была весьма блестящей и заслуживает того, чтобы сказать о ней несколько слов. Он стал генерал-майором гвардии, затем генеральным инспектором инфантерии, после чего весьма доверявший ему Лувуа поручил ему управление административной организацией пехотных войск. Этот суровый человек, высокомерный, как испанский идальго, и педантичный, как старый нотариус, сыграл впоследствии значительную роль в проведении глубоких реформ, способствовавших улучшению порядка набора в армию, укреплению дисциплины и усовершенствованию тактики пехотных войск во второй половине правления Людовика XIV. Продолжая дело генерал-майора Мартине, он стал для этого пока еще не добывшего громкой славы и считавшегося плебейским рода войск тем, чем Вобан стал для развития инженерных войск и фортификации, г-н де Фу-риль – для кавалерии, а дю Мец – для артиллерии. В 1693 году он получил повышение, став генерал-лейтенантом Артуа и губернатором Арраса. После жестокой битвы при Мальплаке (1709 г.) [89], когда дорого оплаченную победу пришлось уступить герцогу Мальборо и принцу Евгению, он получил в качестве высшей награды украшенный лилиями жезл маршала Франции. Именно в это время он отказался от имени д'Артаньян и взял имя Монтескью. В любопытном письме, адресованном министру Портшартре-ну, он просил отсрочить свое производство в маршалы, поскольку, писал он, «я все еще колеблюсь и не в силах решить, взять ли мне имя моего дома, которое есть Монтескью, или сохранить за собой имя д'Артаньян,

которое мы стали носить только после того, как один из младших Монтеस्कю женился на наследнице рода д'Артаньянов и взял себе это имя». Вопреки незаслуженной критике Сен-Симона, следует признать, что Пьер де Монтеस्कю – с этих пор он носил это имя – вместе с маршалом де Вилларом добился в 1712 году одной из наиболее неоспоримых побед французского оружия – победы под Дененом, принесшей стране спасение в исключительных обстоятельствах чужеземного нашествия[90]. В период Регентства[91] он был назначен губернатором бретонских земель, где явно не пользовался популярностью из-за своего прямолинейного и грубого характера. Затем он был послан в Лангедок в звании губернатора и скончался в августе 1725 года в своем замке Дюплесси-Пи-ке в возрасте 80 лет. В неизданных письмах, приобретенных несколько лет назад Национальной библиотекой вместе с бумагами Робера де Монтеस्कю, содержатся интересные данные о жизни другого двоюродного брата д'Артаньяна, Жозефа, сына Арно де Монтеस्कю, сделавшего не менее блистательную карьеру в конце XVII века, когда он стал капитан-лейтенантом «серых» мушкетеров, губернатором Нима, генерал-лейтенантом и кавалером королевских орденов. Начало его службы никак не предвещало столь изумительных успехов. Однажды вечером в октябре 1666 года он приехал к д'Артаньяну, изможденный после тяжелого путешествия из Гаскони. Его сопровождал брат самого д'Артаньяна, ученый и набожный Арно де Кастельмор, занимавшийся воспитанием мальчика после смерти его отца, случившейся в 1652 году в замке д'Артаньян. В Париж Жозеф приехал молодым неотесанным деревенщиной в возрасте 15 лет, скованным, неловким и не проявлявшим тонкости ума. Его наставник и кузен Жан де Кандиллак д'Озон, командор Мальтийского ордена, послал его в столицу для получения достойного дворянина образования. «Я не послал Вам письмо с последним курьером, – написал Жозеф своему наставнику 23 ноября 1666 года, – потому что мы приехали довольно поздно, однако прибыли мы в полном здравии. Я нахожусь у г-на д'Артаньяна. Вексель, который Вам было угодно мне послать, я получил, однако он прибыл позже меня. Я здесь задешево приоделся, и моя одежда стоила мне всего 50 ливров, а одежда для моего слуги – 12 экю». Д'Артаньян, понятно, не мог взять в свою роту столь неопытного юношу. Поэтому он определил его в пользовавшуюся хорошей репутацией академию г-на де Форестье, где ему могли дать солидное образование. Спустя несколько месяцев полностью преобразованный Жозеф стал безупречным наездником, в совершенстве

овладел шпагой, воевал орудовал пикой и умел стрелять из мушкета. Он также усвоил начала математики и картографии, стал изящно танцевать и небесталанно рисовал. Уже в ту отдаленную эпоху жизнь в Париже была недешевой, в особенности для горящего энтузиазмом юноши, в котором соблазны большого города пробуждали стремление к безудержному расточительству. Те несколько сотен ливров, которые, накопив ценой серьезных жертв, каждый семестр присылала ему семья, расходовались быстро. «Мадемуазель наша дражайшая матушка[92], – писал он 2 июля 1667 года, – сегодня закончились очередные 6 месяцев, и я с нетерпением ожидаю прибытия коня, надежду на получение которого Вы во мне пробудили, ибо нет ни одного достойного человека, не имевшего бы коня. Я надеюсь, Вы поговорите с г-ном д'Озоном, чтобы он мне его прислал». Слепленный столичной роскошью, Жозеф вел жизнь, полную проказ и опьяняющих приключений, частенько заходил в кабаки и солдатские притоны, брал на содержание бойких девиц. Обеспокоенный этим излишним волокитством, командор д'Озон не без опаски вскрывал письма своего беспутного подопечного. В январе 1668 года от него пришла просьба прислать 800 ливров «для удовлетворения первейших нужд», в марте он попросил, вернее, потребовал еще 800 ливров для окончания военной академии. Письма не отличались особой вежливостью. Агент командора г-н Кардой приказал пристально наблюдать за молодым человеком и жаловался на его рассеянный образ жизни, фривольность и склонность к дебошам. Жозеф пробыл в академии до 17 лет. После того как он вступил в роту мушкетеров, его долги, естественно, только возросли. Соперничая с ротой Кольбера, мушкетеры стремились покупать первоклассных коней, расшитые одежды, кружева и галуны. 14 октября 1668 года Жозеф написал своему наставнику из гарнизона Сен-Лоран-дез-О: «Уверяю Вас, что пребываю в большой нужде, что у меня нет ни су и что я должен г-ну знаменосцу д'Артаньяну (Пьеру д'Артаньяну) 40 луидоров за покупку лошади, которую он мне уступил, и за то, что он был столь любезен и прислал мне денег (...) Я надеюсь, что Вы не сможете не проявить милосердия к несчастному, который, несомненно, погибнет без Вашей помощи». Благодаря таким аргументам все семейство входило в расходы. Помимо д'Артаньяна и Кастераса де Ларивьер, время от времени делавших ему щедрые подарки, добрый аббат де Кастельмор также считал своим долгом, не рассчитывая на возврат, давать ему займы сколько-то экю из доходов аббатства Ла Рео в Пуату. Так не могло продолжаться бесконечно. В декабре 1668 года

ненасытный и расточительный гасконец, повсюду снискавший худую репутацию, оказался в такой нищете, что его мудрый ментор д'Артаньян счел единственно возможным решением отослать его назад в те земли, в которых, как он думал, соблазны не так многочисленны и уж во всяком случае не столь дорого стоят. 23 декабря своевольный юноша объявил наставнику, что возвращается в замок д'Артаньян, чтобы потребовать у него денег: «Я получил вексель, который Вы столь любезно мне направили. Я должен тем не менее с большим неудовольствием сообщить, что в ближайшую среду по приказу г-на д'Артаньяна и г-на де Ларивьера я уезжаю, ибо не могу прокормиться здесь, оказавшись в долгах. Я буду иметь честь приехать к Вам, чтобы лично просить Вас оказать мне любезность и дать денег». В оправдание молодого человека следует сказать, что он помогал многим своим товарищам экипироваться и не всегда получал назад то, что давал займы. Дело уладилось, и в конце концов Жозеф остался в Париже: во имя мира г-н д'Озон еще раз уступил и погасил присланный ему счет. Весна 1669 года предоставила мушкетеру большие возможности для новых трат: в феврале – смотр войск в Булонском лесу, в марте – еще один смотр в долине близ Коломба. Чуть позже мушкетеры отправились в лагерь св. Себастьяна, расположенный между лесом Сен-Жермен и Сеной. После традиционного парада солдат королевского дома был организован грандиозный праздник для придворных дам. «Командиры ставили столы и угощали всех своих друзей», – рассказывает старшая Мадемуазель. «Все здесь чувствуют себя прекрасно, – пишет Жозеф. – Мы не стоим лагерем, слава Богу, хотя все войска королевского дома живут в лагерях, он избавил от этого своих мушкетеров». В мае рота д'Артаньяна сопровождала короля из Парижа в Сен-Жермен. В сентябре она направилась в Шамбор, где Людовик XIV назначил д'Артаньяну ежегодное жалованье в 6 тысяч ливров. Погрязший в долгах Жозеф воспользовался этим, чтобы напомнить о себе своему доброму покровителю-гасконцу: «Все требуют от меня денег, умоляю Вас, будьте добры, пришлите мне что-нибудь, чтобы я начал отдавать свои долги...» Самым большим пугалом для всех этих гасконцев была возможная необходимость оставить престижную королевскую службу и уехать жалким образом доживать свои дни в обветшалом фамильном замке. Приручение дворянства Людовиком XIV достигло такой степени, что дворянин считал себя несчастнейшим из смертных, если ему приходилось жить в собственном поместье. Вне окружения короля хорошей жизни не было! «Умоляю Вас не

оставлять меня, – опять просит Жозеф г-на д'Озона 26 декабря 1669 года, – ибо без Вашей помощи мне придется вернуться в Гасконь. Если бы Вы смогли поддерживать меня еще шесть месяцев, то, возможно, моя матушка к этому времени решила бы уже свои затруднения и пожелала бы прислать мне денег. Разумеется, если моя просьба излишне затруднит Вас или доставит неудовольствие, я мог бы как-то продержаться. Но еще худшим было бы для меня уехать обратно в Гасконь и никогда более не покидать ее. Это „привело бы меня в“ крайнее отчаяние... Когда Вы узнаете, что нам приказали достать бархатные камзолы и попоны и что мне следует одеться в черное и купить для себя костюм из дрогета и еще один для моего слуги, Вы поймете, что никто никого даром не одевает, а если посчитать еще и покупку крепа, то это будет мне стоить еще 2 или 5 пистолей; и при этом у меня нет ни одного су долга, кроме тех денег, что я взял для уплаты за квартиру за три месяца вперед, а также истраченных мною 70 с лишним пистолей; я умоляю Вас погасить эти два векселя, которые вместе составляют 100 экю». Эти письма – а можно было бы процитировать множество подобных – показывают, в каком безденежье оказывался средний мушкетер, стремясь одеться так, как было угодно Его Величеству. Они объясняют также, почему д'Артаньян, щедро помогавший своим людям, так никогда и не составил себе состояния, несмотря на свое жалованье капитан-лейтенанта и ежегодный пенсион Глава XVI. Восстание в Виварэ «Мадам[93] умирает... Мадам умерла!» В то время, как Ее Величество Генриетта Английская испускала последний вздох, а монсеньор Боссюэ[94] бросал с высоты своей кафедры звучные и памятные слова, заставлявшие весь двор рыдать от охвативших его чувств, маркиз де Лувуа, запершись в своем рабочем кабинете в замке Сен-Жермен, занимался совершенно другими делами. Дело в том, что в одной из провинций, входивших в сферу его административной власти, в Виварэ, только что разразился мятеж. Поначалу все имело вид банальной, вызванной нищетой, жакерии бедноты. После суровой зимы, где-то в апреле 1670 года, пронесся слух, возможно, распространявшийся агентами-провокаторами, что король готовит эдикт о новом налоге на несчастную область Виварэ, уже и так разоренную податями. Каждая семья якобы должна будет теперь платить 10 ливров за девицу, 3 – за новую одежду, 5 су – за шляпу и за рубашку и 1 су – за каждый рабочий день. Смехотворность этого вымышленного налога, естественно, ускользнула от понимания бедных крестьян-горцев, которые, вооружившись граблями и вилами,

собрались вместе и кричали: «Опять налоги!» и «Смерть кровопийцам народа!» Первые проявления возмущения остались бы без последствий, если бы плачевное состояние экономики в области не способствовало распространению восстания. 12 мая три или четыре тысячи повстанцев захватили крепость Жуайез и беззастенчиво разграбили лавки купцов. Такие же эксцессы повторились 14 мая в Ларжантьере, где толпа осадила дом пре-во. Сборщики налогов, захваченные при исполнении своих непопулярных обязанностей, были убиты. Повсюду распространился террор, и в небе Виварэ в зареве пожаров можно было видеть черный дым, поднимавшийся от разоренных домов и ферм. Во главе движения встал местный мелкий дворянин Ан-туан дю Рур, господин де Ларанд. Имея опыт нескольких лет службы в чине капитана в полку Леспинасса, он попытался сделать из приходивших к нему в большом числе лохматых неотесанных крестьян, одетых в козы шкуры, умело воюющих солдат. Историки уже давно изучают мощные народные восстания, которые заливали Францию кровью в XVII веке и на протяжении всего царствования Людовика XIV постоянно сотрясали провинции, возникая как следствие голода и бесконечного повышения цен на продукты²⁴. Очень часто эти движения превращались в региональные восстания, направленные на защиту местных свобод от налоговой администрации и королевского интенданта. Восстание в Виварэ служит самым ярким примером этого, поскольку сторонники дю Рура хотели изгнать всех «избранных», то есть местную знать. Зараза распространилась на Ла Шапель, Элион, Прад, Сент-Этьен-де-Фонбеллон, Вогюе, Мажи, Меркюер, Жюльен, Сен-Прива... В ряды восставших вставали тысячи человек. После короткого перемирия девять тысяч «руровцев» захватили Обенас и убили консулов. Швейцарский гарнизон городского замка был вынужден сдаться. Город Жуайез был окружен и занят. Восставшие хотели построить в нем новые укрепления. А Антуан дю Рур не ограничился скромным триумфом! Он приказал сшить себе великолепную форму генерал-лейтенанта, дерзко намереваясь отныне вести переговоры с представителями власти на равных. Конечно, подобную наглость не могли долго терпеть во Франции Короля-Солнца. По окончании церемонии погребения Мадам, Лувуа решил послать великому байли Виварэ Луи-Пьеру Сципиону де Гримоарду, графу дю Руру, дальнему родственнику вождя восставших, подкрепление в 4600 человек. Командование этим экспедиционным корпусом было поручено старому генерал-майору Лебре и его заместителям, пехотному бригадире г-

ну де Мегалотти и бригадиру кавалерии г-ну д'Артаньяну. Пехотные войска состояли из трех полков, шести рот французской гвардии и 300 швейцарцев. Кавалерия представляла собой значительный отряд из двух мушкетерских рот, эскадронов гг. Соммьера, Шуазеля, Фуко и Сент-Эстева и двух рот королевских драгун – всего около 1500 конников. Настоящая армия! Описания этих событий, помимо мемуаров и свидетельств того времени, сохранились в депешах посланника Венецианской республики дожу Контарини. Следует ли верить явно встревоженному тону этих депеш? Создается впечатление, что от короля скрывали реальное положение дел. «Руровцы», числом 12-13 тысяч, действовали при активной поддержке местного населения и располагались в малодоступных местах. Прибытие королевских войск только усилило их решимость стоять насмерть. Любая надежда на мирное урегулирование сразу погасла. «Повстанцы Виварэ, – отмечает посланник в письме от 23 июля, – получив тревожные известия о размещении в этой провинции королевских войск и их продвижении в их сторону, отказались от своего первоначального решения сложить оружие и вернуться к должному подчинению королю. Вместо этого они позволили себе непростительное возобновление смуты и упорствуют в нежелании сдаваться. (...) Достоин особого упоминания тот факт, что у восставших имеются в изобилии деньги и более 4000 мушкетов, которые они себе раздобыли и которые помогают им решительно продолжать восстание». К 20 июля королевская армия приблизилась к очагу восстания. Пройдя вдоль Роны и миновав Апс и Сен-Жан-ле-Сантеннье, она сосредоточилась подле Вивье. Мучимая невероятной летней жарой, армия во время своего форсированного марша потеряла немало людей и особенно лошадей. 23 июля Антуан дю Рур оставил 800 человек в гарнизоне Обенаса и отправился в свою штаб-квартиру в Ла Вильдье. 25 июля около 6 часов вечера королевская кавалерия остановилась неподалеку от деревни Прадель. Д'Артаньян – д'Артаньян в лучшей своей форме! – чувствовал, что следует сразу же нанести удар: захватить повстанцев врасплох, произведя массовую кавалерийскую атаку в тот же вечер. Это был рискованный план, поскольку малоизвестная чужакам земля изобиловала ловушками, извилистыми тропами и глубокими пещерами. Небольшой отряд разведчиков из 12 человек был послан под командованием офицера, чтобы выяснить расположение лагеря противника, находившегося на расстоянии одного лье. Отряд вернулся с хорошими известиями: в этот вечер «руровцы» не позаботились об обороне. Их лагерь был в полном беспорядке. Горячий

гасконец больше не сомневался. Вместе со всей своей кавалерией он галопом поскакал в направлении Ла Вильдье. За ним шли Лебре и пехота. Невдалеке от лагеря он построил свои войска в боевом порядке. Эскадроны драгун и мушкетеров с развевающимися перьями на шляпах, не нарушая тишины, построились к бою, сдерживая своих разгоряченных скакунов. Было около 7 часов вечера. Внезапно раздается сигнал к атаке. Шпаги и сабли вылетают из ножен, тяжелые кони с ржанием бросаются вперед. Орда восставших оборванцев захвачена врасплох. Часовые поднимают тревогу и трубят общий сбор. Слишком поздно! Крестьяне-солдаты, прекрасно умеющие нападать из засады и совершать быстрые набеги, чувствуют себя беспомощными перед лицом элитной королевской армии, которая стреляет сплошным огнем. Повстанцы бегают туда и сюда, расталкивают друг друга, пытаясь подобрать свои мушкеты. Неопикуемая сутолока... Единственный, кто не теряет хладнокровия, – это Антуан дю Рур. Он понимает, что рискует головой. Примчавшиеся из окрестностей курьеры сообщили ему о том, что нынче же ночью или на следующий день придут значительные подкрепления от крестьян. Он надеется, что сможет продержаться до их прибытия. Он подбадривает растерявшихся людей и умудряется выставить своих лучших гренадеров против сомкнутых рядов мушкетеров и гвардии г-на де Вернея, которые под этим жестким натиском на мгновение откатываются. Готова ли судьба повернуться против войск короля? Именно тогда д'Артаньян и Лебре, задействовав фланги кавалерии и произведя маневр на окружение противника, моментально ломают атаку восставших. Всего нескольких минут оказывается достаточно, чтобы нанести смертельный удар опасному призраку Виварэ. Восставшие беспорядочно отступают. Всадники преследуют беглецов, мчась напролом через изгороди и кусты. Остаток ночи проходит в заботах по подтягиванию обоза и подсчету пленных бунтовщиков. Рано утром на залитой кровью равнине и лесах Миаса обнаруживают более сотни убитых. «Этот несчастный генерал, – написал о дю Руре один из мушкетеров, – у которого была почти одна только пехота, собрал ее в долине между скалами, и, поскольку у нас была почти одна только кавалерия, оставляю Вас догадываться, каково пришлось всем этим бунтовщикам. Их убивали направо и налево»²⁵. После катастрофы в лагере в Ла Вильдье восстание, казалось, было полностью подавлено. Антуан дю Рур с группой своих сторонников был вынужден бежать в крепость Ла Ша-пель. На следующее утро, 26 июля, около 8 часов великий байли Виварэ граф дю Рур, Луи-Пьер Сципион де Гримоар,

и его надменный прево г-н де Флорак через Кордельерские ворота вошли в Обенас во главе королевских войск. Городской замок, из которого всего несколько недель тому назад «руровцы» выбили швейцарских гвардейцев, сразу же сдался. Многие из жителей области, так и не решившие, на чью сторону встать, довольно вяло приветствовали победителей. Д'Артаньян вместе со штабом обосновался в городе, а солдаты разбили импровизированный лагерь в долине, называвшейся «землями Мадам». Последующие дни ушли на то, чтобы подавить последние очаги сопротивления. 1 августа Лебре во главе значительного кавалерийского отряда направился в Прива. Некий бедный крестьянин в бегах имел несчастье попасть в его руки. Ради примера и для того, чтобы посеять ужас во всей области, он приказал повесить его на дереве. Со своей стороны, граф Каррэ д'Алиньи описывает в Мемуарах, как вместе с двумя отрядами мушкетеров и полком г-на де Вернея он участвовал в осаде замка Монреаль, удерживаемого сотней повстанцев. В замке находилась большая добыча, которую повстанцы захватили, разграбив ярмарку в Бокере. Потом начались исключительно жестокие репрессии, напомилавшие действия Тюренна или Люксембурга при вступлении в завоеванные страны. Зло хотели выкорчевать с корнем. Военный совет и судьи сенешальства и президиального суда Нима собрались для того, чтобы судить виновных. 27 июля было вынесено семь смертных приговоров, и они были немедленно приведены в исполнение. Согласно некоторым источникам, были казнены несколько десятков повстанцев. На скамьи галер попали еще 500 или 600 человек. Да, как не мог не признать д'Агессо, великий байли г-н дю Рур «сочетал при подавлении восстания мудрую умеренность со справедливой твердостью»; совсем по-другому поступал генерал-майор Лебре, проявивший невероятную жестокость в отношении гражданского населения. Старый вояка приказал повесить без суда пленных из Ларжантьера и предал огню дом Антуана дю Рура в Ла Шапели. Соревнуясь с ним, генерал-майор Жувель приказал перебить всех мятежников этого города. 12 сентября Обенас был лишен права посылать представителей в Провинциальные штаты Виварэ за то, что действовал заодно с подстрекателями. Стены Ла Вильдье и Ла Шапели были в нескольких местах разрушены, со многих колоколен в других селениях сняли колокола и отправили их в переплавку. Кроме того, Лебре позволил солдатам по своему усмотрению грабить область и жить за счет местных жителей, плодя руины и превращая эту уже жестоко пострадавшую землю в пустыню. Реквизировали скот, разные товары, урожай.

Сразу же на дорогах появились несчастные крестьяне, которые, сбившись в кучу в телегах, бежали из своих мертвых и жестоко разграбленных деревень. Трагичнее всего было то, что самое их бегство рассматривалось как преступление. Согласно подписанному интендантом указу, жителям области настоятельно предписывалось вернуться на свое место жительства под страхом «лишиться милости, которую Его Величество готов еще оказать своим мятежным подданным из Нижнего Виварэ». Сумевший улизнуть от преследователей Антуан дю Рур был 21 августа осужден заочно судом в Вильнев-де-Берге и приговорен к смертной казни через колесование и полной конфискации имущества. Его задержали несколько позже в Сен-Жан-Пье-ле-Порте при попытке пробраться в Испанию, и 29 октября он был казнен в Монпелье. А какое участие принимал во всем этом д'Артаньян? Понятно, что все эти утонченные жестокости весьма далеки от веселых кавалькад, описанных добряком Дюма. Все эти грабежи, убийства гражданского населения кажутся отвратительными нашим чувствительным сердцам. Но зачем обманывать себя, веря, что мушкетеры были добродетельными ангелами или паладинами, подобно тем героям, которых мы находим в рыцарских романах? XVII век был суров, жесток к слабым и к неудачникам. Д'Артаньян, несомненно, принимал участие в жестоких репрессиях, обрушившихся на всю провинцию Виварэ. Вместе с тем он не мог быть замешан во все эти злоупотребления и ужасы. Дело в том, что 10 августа он уже покинул Обенас, в котором не хватало воды, и разместился в Вильнев-де-Берге. Спустя несколько дней он уже был на пути в Сен-Жермен вместе с войсками королевского дома. Систематическое разграбление области по приказу жестокого Лебре началось – а нам так и хотелось на это надеяться! – уже после его отъезда.

Глава XVII. Лозен В среду 25 ноября 1671 года около 6 часов вечера карета капитана лейб-гвардии Его Величества г-на де Лозена, скрипя осями, проехала через главный въезд в замок Сен-Жермен. Фаворит короля вернулся из Парижа, куда ездил покупать драгоценности для г-жи де Монтеспан. Под приветствия стоящей на посту охраны он легко взбежал по большой мраморной лестнице и закрылся в своей комнате. Спустя несколько минут капитан дежурного поста гвардии г-н де Рошфор в сопровождении майора г-на де Форбе-на и множества солдат с факелами в руках подошел к его апартаментам. В дверь громко постучали. Лозен открыл и увидел своего коллегу Рошфора. – Его Величество приказал мне забрать твою шпагу, – мрачным тоном сообщил он. – Можешь поверить, мне это неприятно.

Однако ты должен подчиниться и следовать за мной. – Что?! Ты пришел меня арестовать?! – восклицает потрясенный Лозен, отпрянув, как от удара. В ярости он ломает свою шпагу и бросает ее на землю. Гвардейцы тотчас хватают придворного, врываются в его комнату и пытаются открыть дверь маленького соседнего кабинета. Лозен решительно отказывается дать им ключ. – Там нет ничего, что было бы важно для королевской службы. – Соппротивление тебе не поможет, – настаивает Рошфор. Но тот упорствует: – Там только мои личные вещи. Я ни за что не позволю вам на них смотреть. Рошфор жестом приказывает своим людям ломать дверь. Ящики бюро Лозена открывают свои секреты: любовные письма, «бесчисленные портреты, изображения в обнаженном виде, одно – без головы, другое – с выколотыми глазами», – это портреты его кузины Екатерины-Шарлотты Монакской – «длинные и короткие локоны, снабженные этикетками, дабы избежать путаницы» (г-жа де Севинье). После этого гвардейцы окружают арестованного и ведут его в комнату г-на де Рошфора на другой стороне двора, где его ожидает лейтенант гвардии г-н де Ша-зерон. Можно себе представить изумление придворных сплетников при виде королевского фаворита в подобном сопровождении. Возможно ли? Люди с удивлением оборачиваются, таращат глаза, перешептываются, посмеиваются... Спустя два часа в Люксембургском дворце старшая Мадемуазель, которая, как всем было известно, в прошлом году стала законной сожительницей этого удивительного персонажа, ужинала в компании многочисленных друзей. К г-же де Ножан, сестре Лозена, подошел слуга и прошептал ей на ухо несколько слов. Она побледнела, однако дождалась конца ужина, прежде чем тихо сообщила невероятную новость своей соседке за столом г-же де Фиеск. Мадемуазель, ничего не зная о разыгрывающейся драме, была в веселом расположении духа. Графиня де Фиеск сопровождала ее в ее комнату. – Господин Лозен... – начала она. Принцесса подумала, что тот вошел в ее комнаты через гардеробную. – Это вполне в его духе! – сказала она с радостным выражением лица. – А я-то думала, что он в Сен-Жермене. И она с улыбкой заторопилась к своей комнате. Г-жа де Фиеск остановила ее и сказала: – Дело в том, что он арестован. – Арестован?! Мадемуазель покачнулась, «пораженная в самое сердце». В это мгновение прибыл ее интендант Роллинд, сообщивший все подробности ареста фаворита. Однако когда его стали спрашивать о причине королевского решения, слуга был вынужден лишь развести руками. Он не знал причины, и три века спустя все это остается тайной, порождающей

различные домыслы. Даже сам Лозен всегда делал вид, что ничего об этом не знает. Конечно, будучи дерзким придворным, Лозен не раз ненадолго попадал в Бастилию за то, что вызывал недовольство своего господина. Однако на этот раз дело было явно намного серьезнее, поскольку д'Артаньяну, человеку, честно исполнявшему исключительные поручения, было велено находиться неподалеку с каретой и сотней мушкетеров с тем, чтобы препроводить арестованного в Пинь-ероль, туда, где уже семь лет по воле короля томился хозяин великолепного замка Во. Возможно, никто никогда не узнает скрытых причин этой странной немилости, которая стоила несчастной жертве десяти лет сурового заточения. Точно можно сказать только одно: Лозен, отличавшийся грубым и вспыльчивым характером, сумел восстановить против себя почти весь двор, а более всего г-жу де Монтеспан и Лувуа. Его арест и заключение в Пиньероле стали логическим следствием безалаберного и необузданного поведения. Впрочем, д'Артаньян невысоко ставил этого маленького белобрысого некрасивого человека с хитрой физиономией и острым красным носом. «Наполовину лысый, с сальными волосами, неопрятный и безобразный», он «напоминал скорее индуса или татарина, нежели француза» (Прими Висконти). Все говорили о Лозене, что он честолюбив, капризен, взбалмошен, дерзок, высокомерен, что при дворе гремит слава его похождениям. Ловко двигаясь по лабиринтам интриг, обладая ядовитым языком, постоянно злословя, он в высшей степени воплощал собой тип угодливого и лицемерного придворного, настоящего сеятеля раздора. В конце века Сен-Симон получил возможность познакомиться с ним поближе²⁶ и описал его как «придворного, в равной степени бесцеремонного, насмешливого и готового унизиться вплоть до лакейства, постоянно изворачивающегося и плетущего интриги, дабы достичь своих целей, а потому опасного и для министров, и для двора; человека, которого все боялись, который имел множество жестоких черт и был всегда готов острить, не щадя никого». Д'Артаньян впервые увидел его, когда в один прекрасный день тот приехал в дом его двоюродного брата маршала де Грамона. Лозен был в те времена всего лишь младшим сыном из дома Комонов по имени Пюигилем и едва выбрался из своей родной Гаскони. Однако он быстро проложил себе дорогу через извилистые и полные ловушек пути придворной жизни. Став в 22 года капитаном легкой конницы, он унаследовал от своего отца должность капитана дворян-телохранителей, что позволило ему занимать завидное место во время праздников, сопровождавших женитьбу

короля. В 1663 году он уже адъютант и ведет себя в бою совершенно бесстрашно. Вскоре он получает командование вновь созданным военным формированием – королевскими драгунами, которых он с таким усердием заставляет хорошо обуваться и одеваться, что они в конце концов затмевают мушкетеров Кольбера и д'Артаньяна и привлекают внимание прекрасных дам. Лихие скачки вкупе с салонными интригами неожиданно приносят ему должность капитана лейб-гвардии. В 1670 году он становится генерал-лейтенантом и получает командование армией, сопровождающей Людовика XIV в его инспекционной поездке по недавно завоеванным фламандским городам. 4 июня того же года эти войска в последний раз собираются в лагере Гесдена перед роспуском по квартирам. Там по неизвестной причине Ло-зен поссорился с капитаном мушкетеров, который тоже был человеком с характером. После несколько несдержанного обмена словами оба офицера много месяцев вели холодную междоусобную войну. Злопамятный д'Артаньян относился к Лозену с презрением. Он конечно же не пошел, подобно другим придворным, к предприимчивому гасконцу с поздравлениями, когда спустя несколько месяцев было объявлено о его помолвке со старшей Мадемуазель. Но он также не произнес ни слова, когда король, желая избежать подобного мезальянса, стал настаивать на разрыве. Эти двое в конце концов помирились в начале ноября 1671 года, то есть за несколько дней до ареста Лозена, «что весьма меня радует – пишет м-ль де Монпансье, – ибо мне кажется, г-ну де Лозену было бы неприятно находиться под конвоем человека, которого он оскорбил». «Правда, – добавляет она, – от д'Артаньяна трудно ожидать подлости даже в отношении его врагов, ибо это очень честный человек и заслуживает еще более высокой оценки и доверия, нежели то, которым дарит его король». Утром 26 ноября в холодном дворе Сен-Жерменского замка вокруг кареты д'Артаньяна собрались сто мушкетеров в голубых плащах. К капитану подошел слуга и передал ему от Лувуа записку следующего содержания: «Я пишу Вам эти несколько слов только для того, чтобы просить Вас сообщить мне, не нуждается ли Вы в чем-либо и есть ли у Вас все приказы короля, которые Вы считаете необходимым иметь, и все снаряжение, какое Вам нужно. Его Величество желает, чтобы Вы во всех подробностях сообщили ему все, что Вам удастся узнать от Вашего узника». Нет, ничто не было забыто. Казначей министра только что выдал д'Артаньяну аванс в 11 тысяч ливров на дорожные расходы, все солдаты явились по приказу, лошади были оседланы, карета запряжена, все было готово к отъезду.

Лейтенант лейб-гвардии г-н де Шазерон, всю ночь бодрствовавший подле арестованного, подошел к д'Артаньяну и передал узника под его охрану. Д'Артаньян любезно предложил Лозену сесть в карету. Потом он сам сел в нее вместе с Мопертюи и своим юным кузеном Пьером д'Артаньяном, теперь уже младшим лейтенантом гвардии. И – вперед! Окруженная когортой мушкетеров карета быстро покатилась в сторону Альп. Первые четыре или пять лье Лозен, казавшийся очень подавленным, не разжимая губ, смотрел, как за окном проплывают хмурые ноябрьские пейзажи. Проезжая мимо Пти-Бур, где он едва не занял прекрасный замок старшей Мадемуазель, он вздохнул: – Увы! Этот дом напоминает мне о том положении, в котором я находился всего год назад. Видя, как он грустит, три его спутника попытались тогда завязать разговор, думая, что «это доставит ему удовольствие». Будучи, как любой уважающий себя гасконец, прирожденным болтуном, Лозен не заставил себя упрашивать. И вот уже, утратив бывшее высокомерие, его лицо оживляется и он рассказывает о своей беспокойной жизни при дворе, о своем невероятном приключении с кузиной короля. С этого момента его аудитория стала проявлять к нему «большое дружелюбие». Еще недавно бывший маленьким человеком, а потом ставший столь едким и столь опасным, теперь неожиданно превратившись в узника, Лозен оказался очаровательным попутчиком, кротким, любезным и бескорыстным. Чтобы не дать ему опять впасть в меланхолию, Мопертюи и д'Артаньян старались поддерживать разговор. Они расспрашивали его о его имени, о семье, вспоминали его военные кампании и «случаи, когда они оказывались вместе»²⁷. «Все знали, что он едет в таком великом отчаянии, что его старались ни на мгновение не оставлять одного, – сообщает г-жа де Севинье. – (...) Он говорил, что абсолютно не виновен перед королем и что его преступление состоит в том, что у него слишком могущественные враги. Что король ничего не объяснил, и это молчание вполне ясно показывает, чего стоит его преступление. Он думал, что его оставят в Пьер-Энсизе, и начал прощаться с д'Артаньяном, однако, когда узнал, что его везут в Пиньероль, вздохнул и сказал: „Я пропал“. В городах, которые он проезжал, люди очень сочувствовали ему в его опале». 16 декабря они прибыли в Бриансон. В архивах этого города сохранился любопытный документ, описывающий прием, оказанный им консулами: «16 сего месяца прибыл отряд в 100 королевских мушкетеров под командованием Монсеньора дартэньяна, капитана гвардии, препровождающий заключенного г-на барона де Луазона (sic) в Пиньероль и

будучи предупреждены гвардейцем Монсеньора герцога, что надлежит городским властям нанести ему визит по прибытии, так и сделали и сочли уместным послать ему люильерского вина в количестве 4 бутылок, что стоило 24 су». В другом документе того же времени москательщик Жан Мартен спрашивал у «мессиров консулов и аудиторов графа Бриансона» соблаговолить возместить ему 9 ливров 12 унций за факелы, которые у него были взяты во время визита. Была ли просьба удовлетворена, неизвестно. И вот опять видны башни Пиньероля. Перед приехавшими появляется раскрасневшаяся физиономия г-на де Сен-Мара, который уже семь лет несет неустанную службу подле опального суперинтенданта. Утомительное путешествие завершилось в 5 часов вечера 19 декабря 1671 года. Оно длилось 23 долгих дня. Едва ступив на землю, д'Артаньян послал своего юного кузена срочным курьером к Лувуа и Летеллье сообщить, что его миссия завершена. Сам он остался на несколько дней в крепости, чтобы дать передохнуть людям и лошадям и переждать снежные бури, затруднявшие движение по альпийским дорогам. Он посетил находившиеся в ведении Сен-Мара тюрьмы. Он объявил военному комиссару крепости г-ну де Луаотэ, что «весьма удовлетворен» приготовленным для Лозена помещением: это были две хорошие комнаты, расположенные под комнатами Фуке. Тайный агент Лувуа г-н де Налло, прибывший в Пиньероль пятнадцатью днями ранее с инструкциями от короля, не преминул сообщить своему господину: «Поскольку г-н д'Артаньян уже послал к Вам своего племянника с сообщением о прибытии г-на де Лозена, я только имею честь довести до Вашего сведения, что он счел, что все необходимые меры безопасности и удобства размещения добросовестно приняты и что остается единственно произвести некоторые усовершенствования вне (тюрьмы), что будет сделано за три дня». Капитан мушкетеров проследил, чтобы на окнах комнат Лозена были установлены внешние решетки, и отправился со своими людьми в обратный путь. Он возвращался короткими переездами, поскольку суровый климат сильно затруднял переход через горы. Когда Мадемуазель увидела, как он, строгий и суровый, въезжает в Версаль в своей военной форме, она не посмела обратиться к нему и лишь присела в реверансе со слезами на глазах. «Во второй раз, – рассказывает она, – я более осмелела и позвала его к себе. Он вошел в салон. Я спросила его о г-не де Лозене. Он сказал, что оставил его в добром здравии, насколько он мог быть в добром здравии вдали от короля; что он столь трогательно говорит о короле и о своем расположении к нему, что с этим ничто нельзя

сравнить. Я сказала ему: – А сказали ли Вы это королю? – Конечно; в конце концов все, что я мог сказать, так это то, что он любит все, что должен любить, и что ничего дурного нет у него на сердце и что он весьма чувствительно переживает свое несчастье. Он не уполномочил меня говорить что-либо от его имени, да мне и не подобает братья за подобные поручения. Однако он ведет себя должным образом, так, как желали бы те, кто его любит. На этом мы расстались». Итак, д'Артаньян вновь со всей лояльностью выполнил возложенное на него поручение, как всегда, не забыв придать своим действиям свойственный ему деликатный оттенок гуманности. Глава XVIII. Лилль 15 апреля 1672 года накануне объявления войны с Соединенными провинциями д'Артаньян получил звание генерал-майора (бригадного генерала). Вопреки возвышенной версии Дюма, который в последней главе «Виконта де Браже-лона» изображает, как д'Артаньян за несколько секунд до того, как погибнуть от вражеского ядра, получает жезл с королевскими лилиями[95], на самом деле назначение генерал-майором было его последним продвижением по службе. Вместе с тем получение жезла генерал-майора не сопровождалось приказом капитану мушкетеров отправиться в армию, готовившуюся к военным действиям. Людовик XIV готовил ему другую миссию – миссию губернатора Лилля и Лилльской области в отсутствие маркиза д'Юмьера. Следует сказать, что это была серьезная задача. По словам посланника Савойи г-на де Сен-Мориса, управление Лиллем было «одной из лучших губернаторских должностей, какую только мог пожаловать король: это важная провинция и важная должность». После знаменитой осады города его губернатором был сначала назначен г-н де Бельфон. Его сменил маршал Франции Луи де Креван, маркиз д'Юмьер. В начале 1672 года этот последний получил приказ присоединиться к армии Тюренна и встать под его начало. Лилль должен был оставаться без губернатора до конца октября, потому что срок военной службы маршала истекал приблизительно в это время. Нужно было найти опытного человека, способного его заменить. Тут Людовик XIV вспомнил о д'Артаньяне. Мушкетер был крайне польщен такой честью. Дело в том, что на должности губернаторов больших городов было принято назначать не младших сыновей гасконских фамилий, а носителей самых блестящих имен французского дворянства. Так что его временное губернаторство весьма льстило его гордости и позволяло в полной мере вкушать счастье. «Людовик, милостью Божией король Франции и Наварры, нашему дорогому и любезному г-ну д'Артаньяну, капитан-лейтенанту

мушкетеров нашей ординарной гвардии, шлет пожелания здоровья (...) Мы остановили наш взгляд на Вас, зная, что не сможем найти более достойного подданного, который мог бы послужить нам с большей пользой, нежели Вы, учитывая все свидетельства Вашей доблести, храбрости и опытности, каковые Вы являли, исполняя различные поручения как в военных делах, так и при добром управлении людьми, а также Ваше осмотрительное и мудрое поведение, и потому мы полностью доверяем Вашей исключительной преданности и приверженности нашей службе. А посему (...) мы назначаем Вас, приказываем Вам и подтверждаем нашей собственноручной подписью, что на время отсутствия нашего кузена маршала д'Юмьера и вплоть до последнего дня октября сего года Вы становитесь командующим в нашем городе и крепости, а также земле и замковых владениях Лилля, Орши и в землях Лалле... » Должно быть, д'Артаньян с удовольствием читал эти лестные слова, не особо вдумываясь в то, что писцы военного ведомства, ведавшие составлением назначений и приказов, щедро расточали их по любому адресу. Так или иначе, он немедленно выехал в Лилль, тем более что в организации армии в последний момент возникли осложнения. Маршал д'Юмьер и его коллеги Грамон, Креки и Бельфон отказались исполнять обязанности генерал-лейтенантов под командованием Тюренна и Конце, которым считали себя равными. Этот бунт генералов взбесил короля, и он, по словам г-жи де Севинье, послал их «сажать капусту в деревне». Г-ну д'Юмьеру предстояло сажать капусту в своем поместье Муши близ Компьеня, где он мог на досуге размышлять о своем величии и низости тех, кто находится при дворе. Как только этот вопрос был улажен, д'Артаньян смог отбыть в Лилль. 5 мая мастер-ткач Пьер-Игнас Шаватт записал в своем дневнике: «С сегодняшнего дня в Лилле новый губернатор». Этот большой северный город был в то время одной из наиболее мощных крепостей, которые когда-либо были построены. Вобан заканчивал там работы по укреплению оборонительных сооружений, желая, по его собственному выражению, сделать из крепости «старшую дочь фортификации». Первый камень был заложен в июне 1668 года. Спустя четыре года Лилль уже являл собой равносторонний пятиугольник, закрытый тройной оборонительной линией с вновь отстроенными бастионами, рavelинами и казематами. В цитадели, бывшей шедевром сооружений подобного рода, могли в обычное время разместиться 1200-1300 человек гарнизона, но она была задумана так, что в случае войны вместила бы и больше. Сам же город, деловой и торговый,

насчитывал около 50 тысяч жителей. Это был горделивый фламандский город, крепко державшийся за свои корпоративные привилегии и местные свободы; в нем жили недоверчивые буржуа, мало привязанные к королю и все еще цеплявшиеся за робкую надежду на возвращение испанского владычества. Согласно подробно изложенным условиям своего назначения, д'Артаньян получал высшую власть над всеми жителями и служащими как в городе, так и в крепости. Кроме того, его власть распространялась на соседние земли и укрепленные пункты: Орши, находившийся под командованием г-на де Батина, сеньориальный округ Лилля и местность Лалле-ан-Артуа на левом берегу Лиса с деревнями Лаванти, Флёрбе, Сэйи, Л а Горг и др. Сам д'Артаньян только олицетворял собой власть короля или, в его отсутствие, королевы, поскольку пока еще не существовало генерал-губернатора Фландрии. Однако в военных и административных вопросах он был связан с интендантом юстиции, полиции и финансов во Фландрии Лепел-летье де Сузи. Наконец – и этой детали наш капитан, вечно живший без гроша в кармане, конечно же не мог не придавать значения – должность генерал-губернатора, помимо веса в обществе, давала ему 1000 ливров дохода в месяц. Переписка д'Артаньяна и Лувуа, сохранившаяся в архиве Военно-исторической службы, свидетельствует об активной и разнообразной деятельности мушкетера в Лилле. Существует около 20 писем, относящихся к этому периоду. Естественно, первое место в них занимают военные вопросы. Постоянно получая информацию о передвижении войск, их введении и выведении из крепости, губернатор должен был подписывать приказы, контролировать выдачу пропусков, избегать инцидентов с жителями, улаживать споры о старшинстве между отрядами и сажать под арест дерзких офицеров. Эта задача была тем более сложной, что в это время близ Лилля происходило формирование нового армейского корпуса под командованием генерал-лейтенанта графа де Нанкре, и передвижения войск стали постоянными. Чтобы помочь губернатору в исполнении его функций, один из комиссаров полка французской гвардии г-н Лекамю получил специальную должность «начальника полиции войск лилльского гарнизона». Еще одна задача губернатора состояла в том, чтобы обеспечить минимальную безопасность на королевских землях. Помимо охоты на многочисленных в то время дезертиров, он должен был также препятствовать иностранным вторжениям на французскую территорию. Казалось, во Фландрии все еще шла настоящая партизанская война. Так, вскоре после приезда д'Артаньяна вооруженный отряд из

трех десятков человек совершил ночью дерзкое нападение на королевскую канцелярию в Дельмоне в двух лье от Лилля. Во время нападения контролер канцелярии был ранен, а один из охранников захвачен в плен. Свидетели уверяли, что якобы видели нападавших накануне вечером в кабачке на Ипрской дороге в Варнетоне. Предполагалось, что это могли быть голландские солдаты, которых привел некий житель Армантьера. Д'Артань-ян сразу же послал в сторону Ипра полковника с 50 конными солдатами в погоню за злоумышленниками. В военном секретариате не очень-то верили, что голландские войска стали бы «вторгаться в земли, подвластные королю для того, чтобы совершить эту экспедицию». Лувуа скорее предполагал, что этот налет – дело рук солдат из Испанской Фландрии. В таком случае это дело могло испортить отношения с подданными испанского короля. Все стали задавать себе вопрос: «А не поддерживают ли втайне наши неугомонные соседи врагов, столь нагло нарушая установления Пиренейского мира?» Министр, предполагая заявить протест послу Испании, запросил у губернатора Лилля подробности о тех, кто совершил этот наглый налет. После того как кавалерийский отряд, к сожалению, никого не обнаружил, д'Артаньян приказал усилить военные посты при переправах на Лисе и велел крестьянам внимательно наблюдать за окрестностями. Тщетно! Разбойников так и не нашли, а пограничные инциденты, к великому отчаянию губернатора, продолжались. В июне в земли испанского короля были угнаны голландцами городские торговцы лошадьми. Крайне раздраженный интендант Лепеллетье потребовал от министра, чтобы Франция заявила официальный протест губернатору Испанских Нидерландов: «Г-н д'Артаньян или г-н граф де Нанкре могли бы, монсеньор, если Вы сочтете это уместным, запросить о причине этого происшествия г-на графа де Монтерей и даже пригрозить ему репрессиями против подданных испанского короля, если он не ответит». Стараясь утихомирить возмущение французов, губернатор Нидерландов г-н де Монтерей принял свои меры и специальным приказом запретил проникновение в испанские земли как голландским, так и французским войскам. Спокойствие длилось недолго. 17 октября произошел новый инцидент. «Голландским отрядом», явившимся из испанской крепости Слейса, было совершено нападение на редут Стеенстраате на канале между Ипром и Ньивпортом. Это нападение повлекло за собой гибель троих и пленение еще 12-13 французских солдат. В это же время крепость Комин оказалась ослаблена в результате дезертирства большей части гарнизона, что заставило

губернатора Лилля послать туда новый отряд. Д'Артаньяна занимали и другие обязанности. Существовал обычай в каждом городе королевства отмечать все победы короля и дни рождения членов королевской семьи устройением народных празднеств: следовало петь *Te Deum*, стрелять из пушки, зажигать потешные огни; на севере также организовывали большие ристалища и состязания лодочников. За время пребывания д'Артаньяна в Лилле не было ни одного месяца, чтобы церковные колокола не возвещали радостно о подобных праздниках. Так, были отпразднованы день рождения герцога Анжуйского и многочисленные победы молниеносной голландской кампании: взятие Рейн-берга, Орсоа, Бюдериха, переход через Рейн... Еще одной заботой мушкетера было ускоренное возведение новых укреплений, строившихся согласно плану губернатора крепости Вобана. Д'Артаньян посещал строительные площадки, строго упорядочил надзор над рабочими, всегда готовыми к бунту против нанимателей, подгонял небрежных или слишком медлительных инженеров. Он также интересовался пиротехническими разработками никому не известного швейцарского капитана по имени Грожан, изобретшего гранату, способную взрываться без поджигания фитиля, а просто при контакте с землей. Это было революцией в военном искусстве XVII века. Губернатор сразу же понял, сколь огромный интерес представляет подобное взрывное устройство при стремительном штурме. «Г-н граф д'Артаньян, – писал интендант Лепеллетье в письме к Лувуа, – счел это изобретение оригинальным и столь полезным, что хотел бы, чтобы Вы заказали его для мушкетерского полка». Вобан, присутствовавший при испытаниях, проявил не меньший энтузиазм и счел эти гранаты «весьма изрядными» и подходящими для королевской армии. Лувуа заинтересовался и просил составить меморандум по этому вопросу для сообщения Людовику XIV. Что из этого вышло в дальнейшем, неизвестно.

Глава XIX. Гарнизонные свары

Как настоящий гасконец, д'Артаньян далеко не всегда отличался уживчивостью. Не терпя ни малейшего ущемления своего авторитета, ни малейшего нарушения дисциплины, он свирепствовал каждый раз, когда чувствовал в этом необходимость. Опыт длительного командования в элитных войсках привил ему вкус к личному вмешательству во все дела, вплоть до мелочей. Более того, следует сказать, что он «состарился на службе бранной» и с годами его недостатки становились все более явными. Именно в Лилле полностью проявился его авторитарный и несносный характер. В июле произошла первая ссора с одним из работавших в крепости инженеров, Огюстеном

Леаке, шевалье де Монживро, по словам Сен-Симона, «человеком исключительным», сколотившим большое состояние, несмотря на «малоприглядную репутацию». Как генерал-губернатор, д'Артаньян настаивал на том, чтобы ему докладывали обо всех фортификационных работах, в то время как Монживро, проработавший в Лилле уже пять лет, не желал подчиняться никому, кроме Вобана, на тот момент отсутствовавшего. Ссора разразилась после того, как инженер приказал в двух местах перерыть старые городские укрепления, помешав г-ну губернатору совершить ежедневный объезд города верхом. Недовольный тем, что его вовремя не поставили в известность, д'Артаньян примчался к г-ну Монживро с требованием немедленных объяснений подобного неисполнения долга. По счастью для инженера, его в этот момент не было дома. Губернатор попросил сопровождавшего его майора[96] оставить ему письмо с повелением как можно быстрее восстановить объездную дорогу, чтобы он мог снова нормально совершать свои инспекционные объезды. В течение восьми дней письмо оставалось без ответа. В начале августа Монживро явился к д'Артаньяну в его частный дом на улице Аббьетт. В этот момент д'Артаньян с тростью в руке и в огромной шляпе с галунами прогуливался в саду, окруженный двумя десятками офицеров гарнизона. Увидев вошедшего инженера, он приложил руку к шляпе. – Сударь, нужна ли вам от меня какая-либо помощь? – спросил он с явной злобой, но при этом самым вежливым тоном. – Нет, я зашел просто навестить вас. – В таком случае я просто не заслуживаю того, чтобы вы столь утруждались. Это уже слишком. Считайте, что я вам за это благодарен. – Но господин губернатор... – Сударь, мне кажется, я разговариваю вполне вежливо. Вам не на что жаловаться. Честь имею. И д'Артаньян, не говоря больше ни слова, но в высшей мере с вызывающим видом развернулся на 180 градусов и продолжил прогулку. Страшно разозленный Монживро покинул сад губернатора. Этим дело не окончилось. Три или четыре дня спустя д'Артаньян проезжал неподалеку от рвов, в которых работали пять или шесть человек; среди них был и инженер. Все почтительно приветствовали губернатора, за исключением последнего, который притворился, что не видит его. Этого гасконец уже не мог стерпеть. Еще один неучтивый поступок вдобавок ко всему предыдущему окончательно взбесил его. Он явился к интенданту, жалуясь, что его отказываются приветствовать. – В следующий раз, когда этот инженеришка откажется приветствовать меня на находящейся под моим командованием территории, – добавил он, – я размозжу ему голову, чтобы

научить уважению к старшим по чину. Я предупреждаю вас об этом заранее с тем, чтобы г-н Лувуа знал, что я ничего не делаю в запальчивости. Последнее замечание просто великолепно: д'Артаньян был весь красен от гнева! Его еще никогда не видели столь подозрительным и столь разозленным. Г-н де Монживро, со своей стороны, поспешил написать Лувуа, жалуясь на неучтивое обращение с ним нового губернатора. Естественно, он представил дело в свете, выгодном ему самому. Лувуа подождал некоторое время вестей от д'Артаньяна. Поскольку их не последовало, он послал ему письмо с упреком: «Не получая от Вас известий по поводу всего того, что произошло в Лилле после возвращения Его Величества, я не мог не прочесть Его Величеству письмо упомянутого шевалье. Его Величество не одобрил того, как Вы с ним обошлись, и желает, чтобы Вы нашли способ исправить содеянное Вами, и причем таким образом, чтобы он не подумал, будто может вести себя плохо по отношению к Вам, а понял, что, ежели он совершит нечто неподобающее, Вы сообщите Его Величеству, который пошлет ему приказ вести себя с Вами так, как следует». После такого письма любой другой безоговорочно последовал бы королевскому приказу и сделал бы все возможное, чтобы помириться с инженером Вобана. Однако задетый в своей гордости граф д'Артаньян не мог легко примириться с упреком. Уступая диктату своей порывистой натуры, он написал в ответ длинное письмо, представив все возможные объяснения своего поведения и твердо стоя на своем. Глубоко уязвленный словами короля, он даже просил отозвать его с поста губернатора. «17 августа 1672 года Монсеньор, Если я не написал в Сен-Жермен после Вашего туда прибытия, то покорнейше прошу Вас верить, что это произошло скорее из почтения, нежели по какой-либо другой причине, ибо в отношении того, чтобы отчитаться Вам о том, что происходило в Лилле после того, как Его Величество вернулся в Сен-Жермен, заверяю Вас, Монсеньор, что, за исключением наблюдения за отправкой гвардии, отдачи приказов и совершения инспекционных объездов, я ничем другим здесь не занимался, подобно самому последнему подданному королевства (...) С тех пор, как я нахожусь в Лилле, я вполне по чести обращался с шевалье де Монживро и, более того, думаю, что сделал для этого даже слишком много. Ни разу с тех пор, как я здесь, он не сказал мне ни слова о том, чем он здесь занимается, и лишь говорил, что имеет от Вас приказ не отчитываться ни перед губернатором, ни перед интендантом. Я ответил ему, что он поступает хорошо и я со своей стороны ничего от него не требую и что я удивлен, почему он

говорит мне это, но после того (...) он перерыл объездную дорогу, сорвал несение караула, спустил воду в протекающей через город реке, – то есть совершил вещи, которые явно не должно (совершать), не предупредив человека, руководящего таким городом, как этот, ибо в противном случае население увидит, что руководителя ни во что не ставят (...) Я убежден, Монсеньор, что король разгневался бы на меня, если бы я позволил какому-то выскочке-инженеру презрительно относиться к должности, которую Его Величество сделал мне честь доверить здесь. Я осмеливаюсь, Монсеньор, просить Вас узнать у Его Величества, не желает ли он освободить меня от должности и позволить вернуться к нему, я был бы Вам за это весьма обязан». Интендант Лепеллетье сам весьма обеспокоился тем, какой оборот принимают события, и абсолютно безрезультатно попытался использовать свою дипломатию, чтобы успокоить буйного губернатора. «Я пытался умерить его пыл, – написал он Лувуа, – однако вплоть до сегодняшнего дня он явно к этому не расположен. Он считает, что не оскорбил шеваляе тем, что ему сказал, и настаивает, что не указывал ему на дверь ни рукой, ни шляпой. Я сделаю все, что от меня зависит, чтобы погасить вражду между ними, однако Вы знаете, сколь д'Артаньян упрям и тверд в своих решениях». В конце концов, утомив всех своим упорством, д'Артаньян выиграл дело: Лувуа приказал шеваляе де Монживро уступить. «Поскольку Вам не удалось добиться каким-либо образом, чтобы г-н д'Артаньян умерил свой пыл и примирился с шеваляе де Монживро, – написал он Лепеллетье, – считаю уместным, чтобы Вы велели этому последнему при встрече с ним приветствовать его, сняв шляпу, что он обязан непременно сделать, а далее пусть спокойно занимается всем тем, что должен делать на фортификационных работах в Лилле». Отпраздновав триумф, д'Артаньян с этих пор находил удовольствие в том, чтобы вставлять инженеру палки в колеса под любым предлогом. Лувуа утвердил план фортификационных работ шеваляе – ерунда! Господин губернатор настоял на том, чтобы распорядиться всем самому, хотя, как он некогда сам писал, в строительстве ничего не смыслил. 7 ноября Монживро опять пожаловался министру: «Мы до сих пор не снесли стену, идущую от ворот Магдалины до ворот Барр, потому что г-н д'Артаньян не соизволил дать разрешение, хотя ему потребовалась бы для этого лишь пара минут; я не знаю причин этого отказа, ибо вот уже три месяца новая стена служит в четыре раза лучше старой, имеющей с прошлой зимы бреши в 60 туазов, через которые можно проехать верхом на коне. Г-н маршал д'Юмьер, уезжая

отсюда, приказал снести ее, и работы были начаты, но мы были вынуждены их приостановить». 8 ответ Лувуа сразу же отдал приказ, который должен был удовлетворить инженера, что отнюдь не привело к успокоению д'Артаньяна, всегда готового ломать копьё. В начале октября, вернувшись в Лилль, Вобан явился к губернатору в достаточно тщетной надежде примирить двух противников. Дьявольски хитрый гасконец изобразил полную предупредительность по отношению к пришедшему и извинился «по-своему весьма по чести», заявив, что по сути все произошедшее всего лишь мелкая неурядица. – Я столь уважаю вас, – добавил он, – что все сделал бы, чтобы удовлетворить вашу просьбу, если бы я еще раньше не обязался перед Его Величеством и господином Лувуа этого не делать! «Одним словом, – написал министру Вобан, – после часовой беседы по этому вопросу я расстался с ним весьма мало удовлетворенный, при том, что Монживро остался в том же положении, в котором был до этого». Инженер упорно отрицал, что проявил недостаточно уважения к губернатору, отказавшись приветствовать его при объезде укреплений. «Г-н д'Артаньян, – добавляет Вобан, – который, как мне показалось, вовсе не заблуждается насчет всего этого, как и насчет мнимого спуска воды, впал затем в состояние бешеного гнева по его адресу вплоть до того, что стал говорить, что прикажет сбросить его со стены, и сопровождал все это множеством оскорбительных слов, несправедливых, двусмысленных, бесполезных и малопристойных для человека с высоким положением. Что его особенно задевает в настоящее время, так это письмо, которое Вы ему написали по этому поводу. Говоря по правде, Монживро пожаловался на него слишком поспешно, и г-н интендант, которому он передал письмо, не должен был давать ему ход, как он это сделал, поскольку тогда все это было лишь мелочью, которую было легко уладить. Как бы то ни было, ясно, что г-н д'Артаньян абсолютно неправ и что подобное отношение к дворянину, который служит королю по меньшей мере не хуже, чем он сам, способно вызвать досаду даже у самого снисходительного человека». На этом проблемы д'Артаньяна отнюдь не закончились. Спустя несколько дней после «дела» Монживро в лильском гарнизоне разразилась новая свара, на этот раз произошло столкновение нашего мушкетера с исполнявшим обязанности коменданта крепости, в отсутствие Вобана, г-ном де Ла-веркантьером. Вот факты. За день до конца августа д'Артаньян после инспекционной поездки на три лье от города вернулся домой только к 6 часам – времени ужина. По причине этого опоздания г-н де Лаверкантьер не прислал никого к

губернатору за приказами. На следующий день он поступил так же. Д'Артаньян из-за своего авторитарного характера, а также из боязни, что подчиненные не будут уважать его, взбесился в ответ на подобное нарушение дисциплины. Более того, он обнаружил, что ворота города заперли без его приказа. Было из-за чего разбушеваться! Как, ворота закрывают, а его, губернатора, не предупреждают об этом, как будто он простое частное лицо! В каком свете они все его выставляют! Он сразу же послал одного из своих офицеров с приказом вновь открыть ворота, а затем послал к г-ну де Лаверкантьеру узнать, не пришел ли от двора некий новый приказ. Посланный привез губернатору отрицательный ответ, и тот, не соизволив даже самолично сдвинуться с места, вновь послал его к де Лаверкантьеру, чтобы выяснить, по какой причине в таком случае тот приказал закрыть ворота без его согласия и уже два дня никого не присылает за приказами. Лаверкантьер высокомерно заявил протест: – Это не моя вина! Все это касается майора крепости. Пусть господин губернатор разбирается с ним. Разумеется, такой ответ не удовлетворил д'Артаньяна. Для него было невыносимо видеть, как старший офицер уклоняется от ответственности, обвиняя своего подчиненного. В нем заклокотала ярость. Он прикусил ус и затем, задумавшись на несколько секунд, сухо потребовал плащ, шляпу и трость. – Приготовьте мою карету, – добавил он. – Я сейчас же еду. Едва карета губернатора была подана, тот сел в нее вместе с лейтенантом короля г-ном д'Эгреноном и майором города г-ном де Бёссом, которых срочно вызвал для этого. Экипаж величественно проехал через большой город, миновав по дороге церковь Св. Маврикия, ратушу, собор Св. Петра, и наконец прибыл к главному въезду в крепость. – Вызовите ко мне господина де Лабержантьера (так на гасконский лад он произносил имя Лаверкантьера), – велел д'Артаньян майору. – Скажите ему, что я желаю немедленно с ним поговорить. Скажите также, что, если он откажется прийти, я пошлю жалобу господину де Лувуа и прикажу находящимся в городе войскам быть наготове. Судя по тону, объяснение обещало быть яростным. Майор вышел из кареты и направился к первому посту охраны. Солдаты тотчас взяли на караул. Подвесной мост опустился, и он вошел в крепость. Через некоторое время д'Артаньян, вместе с лейтенантом короля оставшийся ждать у двери своей кареты, увидел, что его посланный возвращается в сопровождении майора крепости г-на де Клаво и помощника майора г-на де Сен-Винсента. Это было уже слишком! У г-на де Лаверкантьера хватило наглости не подчиниться его приказу и не явиться!

Д'Артаньян выскочил из кареты, остановился перед двумя посланцами из крепости и сухо бросил им: – Я желал говорить не с вами! Затем нервным шагом он подошел к офицеру охраны ворот Полю Лепрестру, кузену Вобана: – Капитан! Пойдите к господину де Лаверкантьеру и скажите ему, чтобы он немедленно явился. Если он этого не сделает, я исполню то, что обещал ему через моего майора. И пусть не сомневается, что я это делаю без колебаний! Угроза была слишком опасной, чтобы де Лаверкантьер мог ее проигнорировать. Ему пришлось выйти. – Господин губернатор, – начал он, – я не понимаю, почему вы ищете со мной ссоры. Не моя вина, если к вам не явились за приказами. Вы прекрасно знаете, что по это му вопросу сюда следовало прийти майору или помощнику майора. Уверяю вас, что не имею к этому делу никакого отношения... – Однако, сударь, разве не вы отдаете приказы офицерам в этой крепости? – резким тоном спросил д'Артаньян. – Конечно... – В таком случае именно вы как человек, старший майора по иерархии, несете ответственность за неисполнение службы. Я удивлен, что такой старый офицер, как вы, допускает подобную небрежность. По правде говоря, вы очень странно себя ведете. – Но, господин губернатор, – запротестовал несчастный, – я не виноват во всем этом... – Прекрасно, сударь, – сказал д'Артаньян, которого этот ответ окончательно вывел из себя, – раз вы настаиваете на своем мнении, пусть нас рассудит господин маркиз де Лувау. Я немедленно пошлю к нему одного из моих слуг, чтобы он сообщил ему о вашем упорном неповиновении. Можете идти. После этого пышущий гневом д'Артаньян вернулся в город и сел составлять письмо. Он как раз перебирал в уме наиболее зажигательные слова, когда к нему явился вестовой от г-на де Лаверкантьера с просьбой отказаться от задуманного. – Господин де Лаверкантьер сожалеет о своих словах. Он просил вас не сообщать об этом деле господину де Лувау, поскольку это может сильно ему повредить. Он готов подчиняться вам и в будущем полностью удовлетворять все ваши требования. Добрая душа д'Артаньян успокоился. Раз все согласились признать превосходство осуществляемой им власти, то он не будет изображать из себя кляузника и ломать карьеру сотоварища по военной службе. И вестовой сразу же вернулся к коменданту крепости с успокоительным ответом, что г-н губернатор «готов забыть все это». Спустя несколько дней был пойман дезертир из гарнизона. Капитан, как положено по уставу, послал заявление об этом д'Артаньяну, который подписал его и приказал созвать на следующий день военный совет. Совет собрался, вынес солдату приговор, и

того без проволочек повесили, не сообщив об этом губернатору и не внося в приговор слов «чьей властью созван военный совет», и, наконец, г-н де Лавер-кантьер не попросил у д'Артаньяна разрешения «применить оружие». Д'Артаньян, превыше всего любивший все эти предоставляемые должностью мелкие возможности удовлетворить свое тщеславие, опять взбесился. Он уже присутствовал на военных советах в Голландии и в Биварэ и ни разу не видел, чтобы поступали подобным образом. Чуть позже де Лаверкантьер еще более усугубил положение тем, что не предупредил губернатора о своем приказе вывести солдат из тюрьмы. Это уже чересчур! Д'Артаньян хватается за перо и составляет на имя министра длинную реляцию, во всех подробностях сообщающую о его столкновениях с дерзким комендантом. Он заканчивает свое послание следующими словами, написанными в весьма курьезной орфографии[97]: «Я верю и надеюсь Монсеньор что Вы не одобрите повидения г-на де Ла Бержантьера, и дело состоит в том Монсеньор что я прошу справедливости и как будучи как всегда Вашим слугой то вы не пожилаете чтоп я был сдесь комендантом без власти и афторитета, которые моя должность мне обеспе-чивает и которую мне Король сделал чесь сказать, что он жилает, чтоп я ей пользовался». Г-н де Лаверкантьер тоже написал Лувуа, горько жалуясь на то, сколь неучтиво ведет себя с ним мушкетер. Он просит только об одном: чтобы ему сообщили о намерениях короля и о том, какие приказы он должен выполнять. Людовик XIV долго читал эти письма с жалобами. Он нашел, что его «дорогой Д'Артаньян» перегнул палку в дисциплинарных требованиях и осудил его слишком импульсивный характер. Действительно, чуть больше гибкости – и этого было бы достаточно, чтобы избежать всех этих дрызг и ссор по пустякам, которые уже дошли до абсурда. 5 сентября Лувуа успокоил Лаверкантьера. «Король, – написал он, – велел мне передать Вам, что он понимает, что Вы не делаете в крепости ничего без того, чтобы доложить самолично или послать с докладом к г-ну д'Артаньяну. Вместе с тем я хотел бы сказать Вам, что, поскольку по сути Вы не виноваты в том, что произошло между вами и при этом он написал о Вас все достойным образом, Вы не должны понимать это как его предубеждение против Вас. Хорошо было бы, чтобы Вы смогли с ним ужиться». Губернатору Лилля он сурово написал: «Вам следовало удовлетвориться тем, что Вам явился сказать г-н де Клаво от имени г-на де Лаверкантьера и не прибегать в подобное время к угрозам офицеру, командующему крепостью, требуя, чтобы он вышел к Вам в неурочное время только для того, чтобы сказать

Вам то же самое, что он уже передал Вам через двух других человек. Более того, в приговорах военного совета не обязан быть упомянут никто, кроме короля, являющегося его председателем, и тех, кто выносил приговор, – таков порядок, принятый повсеместно». Упрек д'Артаньяну был суров. Лувуа, начинавший лучше понимать его характер, все же не хотел его обидеть. Во второй части письма он пишет более любезно, убеждая д'Артаньяна забыть об уязвленном самолюбии. По его словам, г-н де Лаверкантьер «вовсе не имел намерения поставить Вас в неловкое положение или присвоить себе права, относящиеся к Вашей компетенции, чего, Вы можете быть уверены, Его Величество не потерпел бы, ибо в его намерения входило, чтобы Вы имели в Лилле всю власть, подобающую Вашей должности». Это последнее уверение в доверии не произвело на гасконца никакого впечатления. Он читал и перечитывал письмо Лувуа и пришел к выводу, что о поведении г-на де Лаверкантьера сложилось слишком хорошее мнение. Устроенный ему нагоняй показался ему невыносимым. И д'Артаньян, пренебрегая опасностью вызвать королевский гнев, посылает еще одно письмо – одно из ценнейших для нас, – в котором удивительно проявился его брюзгливый характер вечного спорщика. Ему нечего ответить на замечания Лувуа, которые по сути являются замечаниями короля, «однако»... Однако он опровергает один за другим все его аргументы. Вот текст оригинала. «Лилль 10 сентября 1672 года Монсеньор, Я получил письмо которое вы сделали мне честь написать 6 числа сего месяца и на которое мне нечего ответить, кроме того что я вовсе не угрожал г-ну де Лабержантьеру. Это верно что я сказал ему что пошлю к Вам курьера чтоп извистить вас об этом деле, и я не думаю что сие было угрозой, паскольку именно Вы улаживаете дела подобнаго рода. Паз-вольте напомнить Вам, Монсеньор, что приговор который я хотел вынести в военном совете всегда выносятся по приказу того кто командует и кто имеет влась и что сдесь они делались от имени губернатора г-на маршала д'Юмьера; что никогда в крепости не дапускалось брать оружие без того что бы известить того кто командует; никогда не приказывали вывадить солдат из тюрмы без того что бы командующий был об этом извещен; никогда в крепости не проходило ни дня что бы к командующему не посылали за преказами. Все эти четыре случая праизошли со мной сдесь, и я единственный с кем праизошли падобные вещи и от того я тем более рассержен что это вызывает небрежное отношение ко мне гарнизона... » В завершение он добавил, что мог бы еще кое-что сказать по поводу письма г-на де Лабержантьера,

который во многих вопросах искажил правду, но что удовлетворится тем, что постарается дослужить в Лилле свой срок, по возможности не привлекая внимания, однако считает себя несчастным из-за того, что не получил никакого ответа на свою недавнюю просьбу об отставке. Это письмо чрезвычайно интересно для историков. «Оно изобличает, – как тонко заметил Арман Правьель, – неукротимого в своей гордости, проникнутого чувством собственной важности гасконца, легко обижающегося, но в то же время дьявольски сутяжного, крючкотвора, способного препираться до бесконечности. Он вполне соответствует удивительному проявлению традиционного духа этой страны индивидуалистов, где каждый ожесточенно защищает свой клочок земли, не приносящий ему никаких доходов, осаждаёт приемные мировых судей, жалуется сам и заставляет плодить жалобы на пустом месте, ради чести, ради удовольствия»²⁸. Послав просьбу об отставке, д'Артаньян рассчитывал на то, что его попросят остаться на посту, и с нетерпением ждал одобрения своих действий. Наконец пришло успокоительное письмо. «Если я не написал Вам ничего в отношении того, что Вы поручали мне в письме просить Его Величество сократить срок Ваших полномочий, – написал ему Лувуа 15 сентября 1672 года, – то дело в том, что Его Величество не счел это уместным, имея в виду, что в настоящее время он не может доверить управляемый Вами город никому, в чьих руках он был бы в большей безопасности». Губернатор крепости Вобан, который по части прямолинейности и упрямства ни в чем не уступал д'Артаньяну, крайне не одобрял «эти склоки». Ему казалось, что бесконечные посягательства губернатора Лилля на его прерогативы выставляют его самого в смешном свете. В письме к Лувуа он с горечью жаловался на то, как поступает мушкетер, и в пику ему предложил уже свою отставку: «Поскольку, как мне кажется, этот последний обладает правом отдавать приказы по всем вопросам, касающимся крепости, я счел необходимым покорно просить Вас, монсеньор, соблаговолить сообщить мне, каково было намерение Его Величества, когда он передал мне управление, и в чем состоят мои обязанности, ибо не могу представить, чтобы король, который при каждом случае демонстрировал свое милостивое ко мне отношение, желал бы, чтобы я играл здесь роль „принца Тривеллина“²⁹... Мне достаточно тяжело оказаться отстраненным от управления после четырех лет, в которые я считал, что являюсь губернатором [крепости], благодаря безупречному обращению со мной г-на маршала д'Юмьера и благоприятному пониманию им слова Власть, которую королю было

угодно мне доверить». Со своей стороны, супруга маршала д'Юмьера настойчиво просила Лувуа вернуть ее мужа «к управлению Лиллем, где, – писала она, – я думаю, его присутствие было бы бесполезно при сложившихся обстоятельствах и пригодилось бы его пусть малое разумение в делах». По правде говоря, сложности, возникшие при управлении Лиллем, вполне объяснимы. Уже в течение долгого времени власть губернаторов провинций и городов неуклонно приходила в упадок. Обычно оставаясь при дворе и лишь изредка и ненадолго появляясь на подвластных им территориях, губернаторы не имели обыкновения держать в узде подчиненных им лейтенанта короля и губернатора крепости. Д'Артаньян не принадлежал к этой породе больших сеньоров и придворных, привыкших просто носить почетные титулы. Как деятельный военный, привыкший командовать людьми, он не считал возможным передавать в другие руки возложенные на него полномочия генерал-губернатора. Что мог сделать Лувуа при виде такого усердия, как не призвать остальных к терпению? Он отказал Вобану в отставке и удовлетворился тем, что посоветовал ему дождаться конца срока губернаторства капитана мушкетеров. «После этого, – написал он ему, – все Ваши требования будут удовлетворены и все дела будут улажены таким образом, что Вы останетесь довольны». Так что права д'Артаньяна были продлены еще на целый месяц в ожидании времени, когда окончится опала маршала д'Юмьера. В День Всех Святых д'Артаньян получил приказ присвоить всем эшевенам города звание «комиссаров по обновлению Закона». По словам Лепеллетье, он весьма ответственно отнесся к этой задаче: «Публика оказалась весьма довольна, и г-н д'Артаньян со всей ответственностью отдал свой голос в поддержку тех лиц, которых счел наиболее способными и лучше всего расположенными к этой деятельности, судя по докладам, которые ему были сделаны». Наш губернатор был особенно тесно связан с неким фламандским дворянином Михелем-Анхелем де Верденом, большим другом Франции и одним из четырех бальи Лилль-ского округа. Весьма достойно сожаления, что в своих Мемуарах этот человек не оставил нам никаких подробностей о «графе д'Артаньяне, капитане мушкетеров, человеке исключительных достоинств и невероятной храбрости, имевшем честь удостоиться благорасположения Его Величества». «Это был, – просто написал он, – один из моих самых могущественных покровителей и один из моих лучших друзей». Наконец, 6 декабря д'Артаньян вернул должность губернатора маркизу д'Юмьеру, приехавшему для того, чтобы председательствовать на ассамблее

Лилльских Провинциальных штатов. Можно догадаться, с каким облегчением после всех пережитых неприятностей д'Артаньян покинул туманную Фландрию и вернулся в Париж, в свой дом на Паромной улице, к своим мушкетерам и к своему королю. Глава XX. Осада Маастрихта 1 мая 1673 года Людовик XIV в сопровождении всего двора и многих тысяч солдат вновь отправился на войну. На этот раз речь шла о подавлении упорного сопротивления голландцев, которые за год до этого предпочли открыть шлюзы и затопить часть своей земли, нежели уступить французам. Задачей экспедиции был захват крепости Маастрихт, но сначала следовало усыпить естественную настороженность испанцев и заставить их ограничиться тем, чтобы только усилить гарнизоны Ипра, Сент-Омера, Ньивпорта и Остенде, Брюгге и Ген-та. В таком случае их войска оказались бы уже не в состоянии прийти на помощь голландцам. Именно поэтому 13 мая королевская армия разбила лагерь подле Лилля, а затем 15 мая остановилась у Куртре, ставшего резиденцией двора. 23 мая армия, уже без короля, двинулась в направлении границы Испанских Нидерландов. На следующий день она перешла через Лис и встала лагерем в Ландегхеме, неподалеку от Гента. «Так прошло несколько дней, – пишет Людовик XIV в своих Мемуарах, – и это создало впечатление, что я хочу двинуться на Гент или на какой-нибудь голландский город, или на те, что остались позади меня». 27 мая генерал-лейтенант Рошфор получил приказ перейти через канал Бругге вместе с шестью тысячами человек, в составе которых были также мушкетеры и драгуны, и разбить лагерь у Дендермонда. Чтобы еще более усилить беспокойство, король в начале июня остановился под стенами Брюсселя. 4 июня он послал г-на де Лоржа с мушкетерами на осаду Маастрихта. Это должна была быть первая крупная осада с начала правления Людовика XIV. Король настолько ясно осознавал это, что приказал Кольберу прислать к нему художника, «ибо, – отметил он, – я думаю, он увидит здесь много великолепного». Старый укрепленный город на Маасе, который д'Артаньян хорошо знал, потому что был там во время экспедиции несколько лет назад, располагался на стратегически исключительно важном пересечении дорог на расстоянии пяти лье от Льежа и шести лье от Ахена. Город принадлежал льежскому епископству, которое входило во владения курфюрста Кельнского, однако голландцы обосновались там и сильно укрепили город. Укрепления – древние стены, снабженные множеством сторожевых башен, – со стороны долины прикрывались тремя рядами бастионов, угловых укреплений и кронверков,

каждый из которых представлял собой небольшой, выдвинутый вперед и хорошо обороняемый ансамбль с маленьким гарнизоном. Наконец, как обычно, позади гласиса шла объездная дорога, подле которой пролегла крытая траншея. На некотором расстоянии от города на холме со стороны Льежа возвышалась крепость Св. Петра, мощный бастион с казематами и контрэскарпом, являвшийся частью общей оборонительной системы. Маастрихт был осажден по левому берегу Мааса королевской армией, а по другому берегу – семитысячным отрядом из корпуса Тюренна. Таким образом, у подножия голландского города была сосредоточена большая часть французских войск, первые победы которых уже заставляли дрожать Европу: 26 тысяч пехотинцев, 19 тысяч кавалеристов и 58 пушек, огромный запас продовольствия и боеприпасов, позволявший продержаться шесть недель без подвоза провианта. В лагере противника ситуация была прямо противоположная, ибо там ничего заранее не предусматривали. Город никак не ожидал появления под своими стенами такой массы войск. Гарнизон, если не считать городскую милицию весьма среднего уровня подготовки, насчитывал не более пяти тысяч пеших солдат и одну тысячу кавалеристов. Однако городом управлял заклятый враг Людовика XIV. Речь идет о г-не Фарио, бароне де Манде, офицере французского происхождения, испытанном в многочисленных осадах и особенно в битве при Валансьенне в 1656 году, где он немало способствовал разгрому Тюренна и Лаферте. Отряды саперов перебросили с обеих сторон реки понтонные мосты для обеспечения соединения французских корпусов. Разъединенные до сих пор отряды мушкетеров оказались таким образом вновь вместе под командованием своего начальника. И сразу же отряды землекопов и солдат, вооруженных лопатами и кирками, принялись за тяжелые работы, которые всегда предшествуют осаде. При Маастрихте была применена новая тактика, так называемые «параллельные траншеи», уже использовавшиеся турками и принятые на вооружение Вобаном. Сначала с нужной стороны рыли траншею подальше от городских укреплений, чтобы первое время быть вне досягаемости для выстрелов противника. Затем строили первую линию траншей, параллельную городским укреплениям, после чего при помощи зигзагообразных ходов сообщения рыли вторую и третью линии, параллельные первой и все более приближающиеся к городу. Таким образом можно было безопасно подойти на расстояние нескольких шагов к укреплениям противника на самом гласисе. Итак, атака на город производилась с трех сторон. Первая – справа от Мааса в

направлении городского района Вик, вторая – слева, со стороны Брюссельских ворот, и, наконец, третья направлялась на Тонгрские ворота. Эти Тонгрские ворота, основной объект французской атаки, давали прямой доступ в город, однако были хорошо защищены угловыми укреплениями, между которыми располагались рavelин и гласис. Утром 18 июня начался яростный артиллерийский обстрел, одну за другой уничтожавший батареи противника. На город обрушился адский огонь. В течение 36 часов грохот взрывов и залпов, производимых с французской стороны 26 батареями, раздирал воздух. Затем была захвачена крепость Св. Петра, расположенная между Маасом и рекой Яар. Пушки крепости сразу же были повернуты против города. Захват этого стратегического пункта стал решающим для развития сражения, поскольку крепость была расположена выше города. Наблюдая за передвижениями осажденных, французские артиллеристы быстро заставили замолчать огневые точки де Фарьо. Главнокомандующие, поочередно руководившие боевыми действиями, сменялись каждый день. Случилось так, что на День св. Иоанна, то есть день, на который планировался штурм, генерал-лейтенантом стал англичанин Джеймс Скотт, герцог Монмут, побочный сын английского короля. Дело в том, что во французскую армию был включен небольшой отряд английских войск, отряд, впрочем, весьма символический, поскольку он насчитывал всего два десятка «джентльменов», среди которых был Джон Черчилль, будущий герцог Мальборо, и эскорт из тридцати «телохранителей». Д'Артаньян, который, согласно диспозиции, был особо приставлен к личной охране короля, как генерал-майор подчинялся Монмуту. На следующий день около 10 часов 18 батарей, стоявших на горе Св. Петра, осветили небо своим огнем, в то время как в долине бесшумно сосредоточивались королевские войска. Атакой слева должен был командовать Месье, герцог Орлеанский, вместе с генерал-майором г-ном де Монталем. Оставалось лишь произвести отвлекающий маневр силами «черных» мушкетеров и полка дофина. Основная атака на Тонгрские ворота, где находился сам Людовик XIV в сопровождении д'Артаньяна, должна была осуществиться совместными силами войск короны, королевского полка под командованием бригадира от инфантерии г-на де Монбронна, корпуса из 300 гренадеров, 100 мушкетеров первой роты и некоторого числа отрядов из второй. «Все вертелось вокруг г-на д'Артаньяна, нашего столь известного и ценимого всеми командующего», – рассказывает в своих Мемуарах граф Каррэ д'Алиньи. Внезапно по приказу командиров солдаты

рванулись вперед и под бой барабанов, с поднятыми знаменами через ходы и окопы бросились на штурм рavelина. В адском грохоте сражались за каждый клочок земли. Солдатам никогда еще не приходилось слышать столь большого числа взрывов. За несколько минут взорвались две большие мины и шесть тысяч гранат. Голландцы сопротивлялись, бросая фугасы, горящую смолу и стреляя из мушкетов. Однако им пришлось отступить перед неистовством атаки. Отдельной задачей мушкетеров первой роты был штурм рavelина, в то время как мушкетеры второй роты должны были пройти между рavelином и угловым укреплением. Это было одно из самых блестящих сражений. Кто под градом пуль дерзко водрузил на парапет знамя с цветами лилий? Д'Артаньян? Черчилль? Это неизвестно. Однако менее чем через полчаса французы захватили рavelин и небольшой «сарай» справа от него. Но потери были велики: семь или восемь офицеров убиты, многие ранены, среди них – г-н де Мопертюи; в этом бою сложили головы в общей сложности около сотни солдат. «Я был счастлив, что не ранен, – рассказывает д'Алиньи, – не был ранен и д'Артаньян, хотя мы вовсе себя не щадили, (чем) король был весьма доволен». Противник, со своей стороны, потерял около 400 человек убитыми и пленными; был убит их подполковник. Монмут имел приказ только удерживать крытую траншею вокруг рavelина. Тем не менее он решил воспользоваться преимуществом и захватить укрепление и траншею. Саперы с помощью солдат и мушкетеров снова стали откатывать тележки с землей, укладывать фашины, устанавливать перекрытия. Затем неистовых, взмокших от пота мушкетеров сменила французская гвардия, а те отошли под прикрытием ночи, чтобы получить заслуженный отдых. Утром 25 июня над долиной поднялось сияющее солнце и разогнало тучи дыма, плывшие над извилистыми излучинами Мааса. Посреди темнеющих силуэтов палаток д'Артаньян созерцал в сиянии нарождающегося утра купола и колокольни осажденного города, не зная, что всего несколько часов отделяют его от смерти. Его мечтания прервал подошедший Монмут, одетый в сверкающую кирасу. – Сударь, – сказал он, – следует послать офицера к господину де Монталю, чтобы узнать, как там обстоят дела. – Мой принц, – сразу же ответил д'Артаньян, – нужно послать д'Алиньи. Он – друг господина де Монталья. Так и сделали. Д'Алиньи отправился на левый фланг, где дела обстояли не так хорошо. Там уже погибли 200 или 300 человек. Бедный Монталь признался, что хотел сделать больше, чем приказано, и вместо отвлекающей атаки произвести настоящую. Не имея достаточной

поддержки, он был жестоко отброшен. К 8 часам, вернувшись к своим, д'Алиньи стал свидетелем небольшой стычки между упрямым Монброном и раздраженным д'Артаньяном. Первый настаивал, что следует, не откладывая, соорудить вдоль рavelина деревянный барьер и укрепить его землей до новой атаки неприятеля. Он утверждал, что г-н де Лафейяд, который должен был в этот вечер сменить герцога Монмута, обязательно прикажет это сделать. «Г-н д'Артаньян, разбирающийся в этом лучше его, – пишет д'Алиньи, – ответил: – Мы захватили рavelин и контрэскарп. Господин де Фейяд поступит сегодня вечером так, как сочтет нужным, а мы ограничимся тем, что выпьем за здоровье короля. – Мой принц, – сказал он Монмуту, – нам не следует всем обедать одновременно, чтобы каждый офицер из траншеи мог поднять тост за здоровье короля». Монброн вновь начал говорить о барьере, который следует безотлагательно построить. – Господин де Лафейяд, – повторил вышедший из себя д'Артаньян, сделает то, что сочтет нужным, когда примет командование. Если же сейчас послать людей, то их увидит неприятель. Вы рискуете тем, что множество народу погибнет ни за что. Кроме того, подобные приготовления при свете дня могут внушить осажденным желание совершить еще одну вылазку, которая будет нам дорого стоить. Однако Монброн уперся: – То, что можно сделать сегодня, не следует откладывать на завтра. Взбешенный таким упорством д'Артаньян, которого теперь трясло от злости при малейшей попытке перечить ему, вспылал, дал волю своему гневу и наконец уступил: – Пожалуйста! Пусть так! Составляйте отряд, но еще раз вам говорю: боюсь, вы намеренно втягиваете нас в гиблое дело. Спустя 3 часа палисад был действительно воздвигнут, но на все еще удерживаемом голландцами рavelине разгорелся яростный бой. Генерал-майор вместе со своими мушкетерами оставался в арьергарде, не желая вмешиваться в эти действия, которые считал бесполезными. В абсолютном спокойствии он пообедал вместе со своими офицерами. «В конце нашего обеда, – рассказывает далее д'Алиньи, – г-н д'Артаньян, который постоянно присматривался к происходящему, сказал нам: – Смотрите, на том рavelине огонь; следовало бы отбить рavelин, пока противник там не закрепился». Этот взрыв большой мины был сигналом к контрнаступлению голландцев. Фарियो со шпагой в руке, ведя за собой несколько сот человек, опрокинул французскую гвардию, которая смогла удержаться лишь на краю укрепления. Продолжая начатый штурм, осажденные предприняли массированную вылазку со стороны реки Яар. После нескольких удачно

проведенных атак почти все достижения предыдущего дня были сведены на нет. Гг. де Лафейяд и де Мон-брон находились неподалеку. В отсутствие герцога Монмута, который, как и д'Артаньян, утром удалился, они сразу же отдали приказ французским гвардейцам отбросить нападающих. Однако было очевидно, что уставшие солдаты уже не в силах вновь захватить потерянные укрепления. Чувствовалась острая необходимость в подкреплении. Такого мнения придерживался и Монмут, явившийся в этот момент. Капитан мушкетеров не был в это воскресенье 25 июля «дежурным» и рассчитывал отдохнуть от утомления после трудов предыдущего дня. Однако узнав о стремительном отступлении гвардии, он оставил своих сотрапезников и сразу же отправился в штаб г-на Монмута. Именно тогда он принял решение, стоившее ему жизни. Увидев, в какой растерянности пребывают другие командующие – Монмут, Лафейяд и более всех Монброн, в большой степени сам виноватый в неудаче, – он, по словам англичанина лорда Алинг-тона, «повел себя с редкостной бравадой»: без королевского или чьего-либо еще приказа, несмотря на то, что ничто не обязывало его возобновлять бой, он послал вестового в базовый лагерь мушкетеров, чтобы собрать все имеющиеся подкрепления. После этого он попросил поручить г-ну д'Алиньи командование 30 мушкетерами и 60 гренадерами. – Атакуй рavelин с той стороны, с которой мы атаковали прошлой ночью, – сказал он д'Алиньи, – ты скоро получишь известия от меня. В то время как д'Алиньи направился к краю укрепления, д'Артаньян повел остальных своих людей к знаменитому барьеру, расположенному подле горловины рavelина. Там к нему присоединился герцог Монмут со своими «телохранителями». Небольшое пространство от баррикады до рavelина можно было преодолеть, только пробежав по открытой местности. Предприятие было тем более опасным, что через узкий проход на баррикаду можно было проходить только по одному. Англичанин считал, что для того, чтобы спуститься в траншеи и так добраться до штурмуемого укрепления, у них нет времени. Он хотел провести своих людей поверху. – Через открытую местность?! И не думайте, мой принц! Это было бы глупой неосторожностью! Нас перебьют, прежде чем мы достигнем цели! – воскликнул д'Артаньян. – Неважно, у нас нет времени, – ответил сын Карла II. И он выхватил шпагу, торопясь броситься в проход. Д'Артаньян остановил его жестом: – В таком случае, я с вами! И вот они сумасшедшим броском преодолели баррикаду, ведя за собой бежавших людей и не отводя взгляда от вражеского укрепления, которое встретило их

картечным залпом. Спустя несколько минут ожесточенного боя равелин был снова взят. «Мушкетеры проявили чудеса исключительной храбрости, – рассказывает Пеллиссон, – ни один из них не отступил. Многие были убиты, а у оставшихся в живых после тех ударов, которые они наносили, шпаги были погнуты и залиты кровью вплоть до рукоятей». Когда Людовик XIV лично прибыл к траншее, там подсчитывали потери: 50 офицеров убитыми или ранеными, 100 убитых гвардейцев, 300 человек ранено, из них 60 мушкетеров. Те, кто остался в живых, были охвачены горем при виде своего командира, лежавшего посреди гласиса. «Он был мертв, и его опознали по оружию». Рядом с ним на земле распростерлось вышитое серебром знамя роты. «Он был убит выстрелом в голову, – уточняет лорд Алингтон, – после чего герцог (Монмут) и я прошли рядом с тем местом, где г-н о'Брайен был ранен выстрелом в ноги. Солдаты яростно сражались, герцог дважды вел их вперед с великой храбростью (...) Некоторые из старых генералов говорят, что это была самая смелая и самая стремительная операция, которую они когда-либо видели в жизни». Уважение мушкетеров к своему капитану было столь велико, что многие из них сразу вызвались вынести его тело из-под огня противника. Четверо из них были убиты или ранены, после чего это удалось сделать первому квартирмейстеру роты г-ну де Сен-Леже. В награду за этот мужественный поступок король пожаловал ему целых 30 тысяч ливров. Д'Артаньяна единодушно оплакивали при дворе, где его бесконечно уважали. Старшая Мадемуазель, все еще влюбленная в своего «маленького Лозена», «была весьма огорчена», поскольку, как она сказала, «это был человек, с которым король, вполне вероятно, мог бы как-нибудь заговорить о г-не Лозене, и он был не из тех, кто оказал бы ему плохую услугу». Пеллиссон, некогда находившийся у него под арестом, а затем ставший льстивым историографом «Великого короля», записал 26 июня 1673 года: «Невозможно выразить, в какой степени все сожалели о нем, и в особенности король, который многократно говорил об этом с большим уважением и горестью». Рассказывают даже, что Людовик XIV велел отслужить в своей личной часовне заупокойную службу в его память, скрыв это ото всех офицеров. 3 июля в королевском шатре опять вспоминали о храбром солдате. «Король, – сообщает Пеллиссон, – говорил исключительно хорошо о г-не д'Артаньяне и особенно восхвалял его за то, что он почти единственный человек, который сумел заставить людей любить себя, не делая для них ничего, что обязывало бы их к этому; при этом он имел в виду г-на Фуке,

которого д'Артаньян весьма строго содержал под стражей, и г-на д'Юмбера, чей пост он занимал». Смерть д'Артаньяна заставила храбрых мушкетеров проливать слезы. Не было ни одного, кто не сожалел бы горько о своем любимом капитане. «Если бы от горя умирали, то, по правде сказать, я был бы уже мертв, – пишет д'Алиньи. – Если бы не стали строить этот проклятый барьер, он был бы сейчас жив, ибо то, что было там сделано, сработало против нас, и он был убит наповал именно в тот момент, когда перелезал через этот барьер. Мало кто стал бы участвовать в столь опасном предприятии, в котором он принял участие, однако при том положении вещей, вопреки всему, что говорят придворные, будто бы это похоже на безрассудство юнца, именно великая доблесть г-на д'Артаньяна и храбрых мушкетеров принесла королю Маастрихт, и Его Величество написал письмо королеве, упоминая его в следующих выражениях: – Мадам, я потерял д'Артаньяна, которому в высшей степени доверял и который годился для любой службы». Далее д'Алиньи, говоря в своих Мемуарах о маршале д'Эс-траде и о том человеке, который был в течение многих лет его командиром, добавляет: «Лучших французов трудно найти». Друг д'Артаньяна из Лилля барон Михель-Анхель де Верден написал в его память хвалебную латинскую эпитафию. Что до поэта Джулиани де Сен-Блеза, то он сочинил в его честь несколько наивных стихов, которые, впрочем, следует признать, стоили всех надгробных речей: Король скорбит о сей потере, Как не скорбел еще доселе Его войска, сдержав рыданья, Не в силах выдержать страданья, С печалью восклицают непрестанно «Хороним славу вместе с д'Артаньяном!»³⁰ После сражения, в присутствии двух кузенов д'Артаньяна, Пьера и Жозефа де Монтестья д'Артаньян, тело капитана мушкетеров было погребено в голландской земле у подножия стен Маастрихта. Его должность, одна из наиболее значительных при дворе, сразу стала предметом соперничества честолюбцев. 30 июня неумный и тщеславный капитан легкой конницы дофина Лавальер весьма униженно молил своего друга Лувуа вмешаться с тем, чтобы обеспечить эту должность ему. «Мне так нужно, чтобы король оказал мне милость, – стонал он и предлагал взять в уплату 50 тысяч экю из приданого его жены, – ибо „у меня самого ничего нет“». Его просьба была сразу же отклонена. Кузен д'Артаньяна бригадир королевской армии и младший лейтенант мушкетеров Жан-Луи Кастерас де Ларивьер был в числе соискателей этой должности, однако ему не достало надежных рекомендаций. Людовик XIV отвел также и его кандидатуру, поскольку год назад во время вторжения в

Голландию ему не понравилось то расслабляющее влияние, которое он оказывал на окружающих. Уязвленный отказом, де Ларивьер ушел из мушкетеров и получил в качестве компенсации необычайно большое денежное вознаграждение. В конце концов должность капитан-лейтенанта первой мушкетерской роты досталась майору лейб-гвардии шевалье де Форбену, который сумел получить за нее 50 тысяч ливров ренты, «но, поскольку он многократно обкрадывал собственную роту, случилось так, что его уже не любили так, как любили его предшественника»³¹. Глава XXI. Сыновья д'Артаньяна Жозеф д'Артаньян долго выжидал, прежде чем сообщить Полю де Капельмору о гибели его брата 11 июля он отправил ему из лагеря при Ниссе, куда мушкетеры отошли после своих славных подвигов при Маастрихте, следующую записку: «Я не хотел быть в числе первых, кто принес Вам жестокое известие, которое Вы теперь уже получили, но уверяю Вас, что в мире нет человека, который переживал бы это несчастье сильнее меня. Дело не в том, что я возлагал на него надежды в связи со своим продвижением по службе, а в том, что, потеряв его, я потерял отца. Я думаю, что даже Ваше горе не будет столь велико, как мое. Следует сделать усилие и пережить это случившееся с нами несчастье и не допустить, чтобы случилось еще одно, если Вы слишком предадитесь скорби, ибо Ваши племянники нуждаются в Вас и во мне». По смерти супруга г-жа д'Артаньян, считая, что пришло время потребовать вдовью часть имения, покинула свое уединенное поместье в Бургундии и поселилась в Париже на улице Сены рядом с бывшим дворцом королевы Марго в гостинице «Коронованная Маргарита». В декабре того же года советник короля и гражданский лейтенант города Парижа месье Жан Лекамю снял печати с квартиры на Паромной улице и приступил к инвентаризации имущества покойного. Он обнаружил, что дом находится в страшном беспорядке, и это, несомненно, доказывает, что д'Артаньян не был особо аккуратен в своей частной жизни – об этом нетрудно было догадаться¹. Секретарь суда крупным округлым почерком написал подробный список предметов, которые он наугад извлекал из захлавленных комнат. Перечисление достойно поэмы Превера^[98]: две пары сапог, печать и уздечка, кожаная перевязь, поппона для лошади, два ящика с пистолетами, культовые предметы, табакерка – ага! д'Артаньян нюхал табак¹ – естественно, не были забыты и две большие рапиры: одна с рукоятью из матового золота с латунным лезвием, другая – из потемневшего железа. Любители древностей и исторических курьезов явно будут разочарованы: из

всего этого ничего не сохранилось. В сундуках и коробах вместе с безделушками лежали оружие и одежда всех видов. Были найдены официальные бумаги, подписанные королем и его министрами и датированные временем процесса над Фуке. Стоило ли разгребать еще не остывшую золу? Может быть, покойному были известны какие-нибудь государственные тайны? Осторожный по натуре и наученный опытом своей профессии почтенный мес-сир Лекамю поспешил сообщить об этом своему начальнику г-ну Кольберу. «Сняв печати, наложенные на имущество г-на д'Артаньяна после его смерти, – написал он, – мы обнаружили несколько спрятанных пакетов и из нескольких слов на конверте поняли, что в них находятся различные указы короля, касающиеся дела г-на Фуке. Я приказал, чтобы их не раскрывали, прежде чем не узнаю от Вас, что Вы считаете правильным сделать». Кольбер распорядился, чтобы все было разобрано. Государственные бумаги были отправлены в королевский архив. Все прочее, перечисленное в инвентарной описи, включая две кареты, гобелены и одежду покойного, было оценено в 4500 ливров. Какая нищета! Можно держать пари, что Анна-Шарлотта пожалела о том, что покинула свое уютное имение Сент-Круа ради столь жалкого наследства. Не было ни книг, ни дорогой мебели, ни одного предмета искусства или просто ценного предмета, даже ни одной картины известного мастера из тех, что составляли богатство и очарование жилых помещений века Людовика XIV. Супруг Анны-Шарлотты ушел из жизни почти столь же бедным, каким явился в Париж около 40 лет тому назад. Более того, д'Артаньян еще оставил долги. Так что, будучи женщиной мудрой и осмотрительной, вдова неисправимого гасконца предпочла сразу же отказаться от этого «более обременительного, нежели выгодного» наследства, оставив за собой лишь «приданое, вдовью часть имения и имущество, приобретенное до вступления в брак». 19 декабря 1673 года мессир Лекамю составил акт об опекунстве над двумя детьми д'Артаньяна, которым в ту пору было 12 и 13 лет, в присутствии смотрителя гардероба Месье г-на Жана-Франсуа де Шанлеси, кузена Шарлотты, друзей семьи: г-на Жюльена-Сезара Фора, владельца Шампа, Франсуа Руайе графа де Сен-Мико и брата покойного – люпиакского кюре аббата Арно де Кастельмора. С всеобщего согласия опекуном было решено объявить Поля де Кастельмора, но, поскольку он жил уединенно в своем имении в Гаскони, был назначен опекун-надзиратель в лице кузена Кастераса де Ларивьера. 22 декабря каноник Иерозм Фер-ран, служащий в святой капелле Венсеннского замка, принял его

предложение стать действительным опекуном. В начале следующего года г-жа д'Артаньян, надев свое лучшее платье, пришла на аудиенцию в Версаль. Газета рассказывает, что Его Величество «засвидетельствовал оказанием разного рода милостей вдове и детям то удовлетворение, с которым он относился к службе покойного». Всехристианнейшего короля печалило лишь одно: из-за разногласий со своим оплакиваемым супругом Анна-Шарлотта не сочла в свое время возможным крестить своих сыновей. Это упущение было восполнено: 3 марта и 5 апреля 1674 года молодые люди были торжественно крещены в церкви Св. Юлиана в Версале лично монсеньором Боссюэ. Крестными отцом и матерью старшего сына Луи стали Людовик XIV и королева Мария-Терезия; крестными родителями второго сына, также носившего первое имя Луи, стали Великий д-фин и Мадемуазель де Монпансье. Как видим, сироты получили самых высоких покровителей. Они долгое время жили на улице Сент-Андре-дез-Ар в старых меблированных комнатах своей матери под надзором добродушного кузена Ларивьера. Что до Анны-Шарлотты, которая могла теперь не без высокомерия именовать себя «вдовой высокородного и могущественного сеньора мессира Шарля де Капельмора, графа д'Артаньяна», то она сразу же вернулась в свою родную провинцию Брес. Там она продолжала увеличивать свое имение, прикупила за 20 тысяч экю земли Шанлеси, которые достались по наследству ее брату, и скончалась 31 декабря 1683 года. Д'Артаньян – «высокородный и могущественный сеньор»? Явно не все были такого же мнения, в особенности же те дотошные представители интенданта Монтобана, которым было вменено в обязанность сосчитать дворянские поместья и выявить узурпаторов родовых титулов, входящих во Французский гербовник. Вызванный в следственную комиссию Поль де Капельмор не смог предъявить ни единого реального доказательства своих претензий. И понятно почему! Скромные люпиакские купцы не оставили в своих котомках ни жалованных грамот, ни генеалогических древ! Так что 15 января 1702 года брат д'Артаньяна был приговорен управителем округа города Монтобана к выплате 2030 ливров штрафа. Отказываясь признать себя побежденным, старый губернатор Наварранса направил непосредственно королю следующее прошение: «Государь, Поль, владелец Капельмора, покорнейше напоминает Вашему Величеству, что имел честь служить покойному блаженной памяти королю Вашему отцу и Вашему Величеству... Его преклонный возраст и долгая служба, которую он будет нести до последнего вздоха, а также

служба покойного г-на д'Артаньяна, его младшего брата, погибшего при осаде Маастрихта в 1673 году, где он командовал первой ротой мушкетеров, позволили ему взять на себя смелость просить Его Величество отменить предвзятое судебное решение, вынесенное против него г-ном интендантом Монтобана по вопросу о его благородном происхождении... » Людовик XIV, умеющий быть справедливым, согласился удовлетворить эту просьбу. Он велел интенданту Лежандру прекратить какие бы то ни было преследования и оставить в покое семью его старого и верного слуги. Старший сын д'Артаньяна сначала был взят пажом в королевские конюшни. В течение нескольких лет он был знаменосцем, затем лейтенантом в полку французской гвардии, где служил с храбростью и отличием. Получив ранения в битве при Сен-Дени в 1678 году, а затем в битве при Валку-ре в 1689 году, он оставил военную службу и после смерти дядюшки Поля обосновался в Кастельморе. Он умер в 1709 году в возрасте 49 лет. По причине слабого здоровья он так и не женился. Младший сын, по словам маркиза де Сурша, «юноша весьма хорошего сложения», стал младшим лейтенантом гвардии, компаньоном Монсеньора дофина, полковником в одном из кавалерийских полков и кавалером ордена Св. Людовика. Весной 1707 года он, уже седеющий сорокалетний мужчина, женился на честной буржуазке Марии-Анне, старшей дочери покойного Жана-Батиста Амэ, торговца винами и королевского советника в президиальном суде Реймса. Став после смерти брата графом д'Артаньян, он прожил остаток своих дней в Бургундии на милой его сердцу земле Сент-Круа, которую унаследовал от матери. У него было два сына: Луи-Габриэль и Луи-Жан-Батист, опекуном которых стал губернатор Арраса маршал Пьер де Монтескью. О Луи-Жане-Батисте не известно почти ничего; похоже, что он умер молодым. Напротив, послужной список его старшего брата, крещенного 23 января 1710 года в приходской церкви Сент-Круа, сохранился. Сначала он был мушкетером, потом капитаном в Николаевском драгунском полку. Он занимал пост помощника майора жандармерии в лагере Менай близ Льежа. Это было уже в правление Возлюбленного[99]. Луи-Габриэль был блестящим офицером, отличавшимся некоторой манией величия и помпезно именовавшим себя «графом де Бац д'Артаньян, шевалье, маркизом де Кастельмор, бароном де Сент-Круа и де Люпиак, владельцем Эспа, Аверона, Мейме и других мест». Его подчеркнуто родовитое дворянство показалось подозрительным в Бургундии, где его заставили обстоятельно объясниться на предмет происхождения этих явно фантастических

титулов. В конце концов его признали «добрым дворянином» и «из прославленной семьи», поскольку «его отец, офицер полка французской гвардии, и его дед по отцу, мессир Шарль де Кастельмор, граф д'Артаньян, барон Сент-Круа, капитан-лейтенант королевских мушкетеров», имели записи в дворянской палате Бургундских штатов, где они «подавали свои голоса по поводу рассматриваемых там дел». Его герб – на красном фоне три серебряные башни на ажурном поле – был включен в гербовник бургундского дворянства. Был ли Луи-Габриэль расточителен? Во всяком случае, его состояние вряд ли было под стать его титулам и патрицианским претензиям. Нуждаясь в деньгах, он в 1741 году продал Сент-Круа «согласно праву высшему, среднему и низшему». Эта замечательная сделка принесла ему 300 тысяч ливров, которые он неизвестно как прокутил, ибо на следующий год оказался не в состоянии заплатить за должность младшего лейтенанта жандармерии, которую получил. Вскоре после этого он оставил военную службу и задешево уступил поместье Кастельмор, колыбель своих предков, некоему советнику налогового ведомства в Монтобана. Он решительно обосновался в столице, где 12 июля 1745 года женился на очаровательной баронессе Констанции-Габриэль де Мон-сель де Лурэй, даме де Вильмюр. Из-за отсутствия средств последние дни своей жизни он прожил в меблированных комнатах в Париже. У него был один сын, родившийся в 1747 году и крещенный в церкви Св. Евстахия. Его звали Луи-Константен де Бац, граф де Кастельмор, и он стал помощником майора в иностранных королевских войсках. В армии его ценили как хорошего подчиненного, весьма любившего свое дело, но полного «живых страстей». Он стал последним отпрыском мужского пола в роду д'Артаньянов, но уже не носил имени своего прадеда. Наступила Революция. В эту бурную эпоху история младшего сына из гасконского рода, приехавшего в Париж без гроша за душой и ставшего благодаря своей доблести в один ряд с первыми дворянами королевства, была забыта. Даже поддельные Мемуары г-на Гасьена Куртиля де Сандра, пользовавшиеся большим успехом в первой половине века, остались почивать под слоем пыли в библиотеках, ожидая появления искусного сочинителя захватывающих романов Александра Дюма, который одним росчерком пера сумел поднять историю этого скромного и прекрасного героя на высоту национальной эпопеи. «Хороним славу вместе с д'Артаньяном», – написал поэт Сен-Блез в героическом ключе о «доблести французов». Он не мог предвидеть, что менее чем через два столетия другая слава – на этот раз чисто литературная –

поднимет д'Артаньяна из могилы и дарует ему бессмертие. «Слуга царю, отец солдатам» Итак, перевернута последняя страница книги... Прежде всего считаю своим долгом выразить полную солидарность с Э. М. Драйтовой, в своей вступительной статье пропевшей гимн создателю трилогии о мушкетерах. Делаю это с радостью, поскольку мушкетеры Дюма, и конечно же в первую очередь д'Артаньян, оказались какой-то (и не такой уж малой) частью всей моей духовной жизни. Хорошо помню, с чего началось. Было мне лет десять-одиннадцать, когда сосед по квартире (жили мы тогда в коммуналке) дал мне на прочтение толстенный растрепанный томик в синем матерчатом переплете с выцветшей позолотой; то была часть вторая «Двадцать лет спустя», выпущенная издательством «Academia». Не сразу все оказалось понятным, но потом... Потом я погрузился в некий волшебный мир, из которого долго не мог выйти. Разумеется, тут же началась охота за остальными частями трилогии, что в то время было нелегким делом. Д'Артаньян мне снился, я рисовал его портреты, приобщал к своему кумиру друзей. В классе сразу же возникли четыре мушкетера, мой же дальнейший жизненный путь был уже прочерчен без малейших колебаний: после школы – только истфак Московского университета, только кафедра Средних веков, только Франция XVI-XVII столетий... Однажды, уже на втором курсе, когда началась специализация, я углядел в кабинете Средних веков... мемуары д'Артаньяна! Радости не было предела. В тот же день, безмерно счастливый, я тащил домой три тома с подзаголовками «Кадет», «Лейтенант», «Капитан» (последний, позднее приобретенный у букиниста, и сегодня обременяет одну из моих книжных полок). Каково же было разочарование, чтобы не сказать больше, когда, прочитав несколько страниц, я понял: не то, совсем не то... То была конечно же пресловутая стряпня Куртиля, убогая подделка, напоминающая бездарный комикс³². Дочитывать Куртиля я не стал, а интерес к д'Артаньяну так и остался неудовлетворенным. Имя его, правда, кое-когда мелькало в моих штудиях, например, в письмах мадам де Севиньи или в деле «Железной маски», которым я одно время занимался, но то были крохи, а заголовкам «Подлинный д'Артаньян», временами появлявшимся в бюллетенях иностранной литературы, я больше не верил. И вот теперь, шестьдесят лет спустя, довелось встретиться с книгой, которая разом поставила точку в этой наболевшей проблеме. «Истинный д'Артаньян» Жана-Кристиана Птифиса не случайно переиздавался и получил престижную премию у него на родине³³. Книга эта коренным образом отличается от

творений Куртиля и его последышей. Это – правда истории, изложенная живым языком о живом человеке. Птифису веришь так же, как верил Дюма, хотя «вера» здесь качественно разная и даже в чем-то противоположная: в одном случае – вера жизненной правде, в другом – искусству романиста. Но вот что знаменательно. Перечитывая Дюма, вдруг обнаруживаешь, что в ряде мест своей трилогии он словно бы черпал материал (точнее, его освещение) не из Куртиля, своего единственного источника, а из книги Птифиса, которой в его время и не могло быть! И феномен этот объясняется просто: гениальным чутьем романиста Дюма предугадал (или предчувствовал) те подлинные документированные черты героя, которые обнаружил Птифис и мимо которых прошел Куртиль. Книга «Истинный д'Артаньян» отнюдь не биография знаменитого мушкетера, ибо на воссоздание его жизненного пути недостает документов, а Птифис прежде всего историк-документалист. И по жанру своему книга, пожалуй, скорее подходит к серии «Повседневная жизнь», нежели к серии «ЖЗЛ», поскольку она изображает именно повседневную жизнь «повседневного», обыкновенного человека. Да, оказывается, герой Птифиса был в общем всего лишь обычным, средним человеком своей эпохи, и даже дворянство его было сомнительным, и даже фамилия «д'Артаньян» ему не принадлежала. И все же был он не совсем обычным. Правда, он не совершал «великих подвигов», не доставлял королеве бриллиантовых подвесок, не проявлял чудес храбрости под Ла-Рошелью и не похищал генерала Монка, но у него были и свои подвиги, и свой героизм, а иными из личных качеств он резко выделялся из своей среды. Мы видим д'Артаньяна в его антураже, при исполнении служебных обязанностей в разных амплуа, которые он получал, порой совершенно неожиданно, по прихоти «великого короля». И во всех этих ипостасях д'Артаньян неизменно оставался верным и усердным исполнителем монаршей воли, одновременно проявляя посильную заботу о подчиненных и вверенных ему людях. Воистину – «слуга царю, отец солдатам». И однако... Однако там, где дело касалось его престижа, его самолюбия, его гасконской гордости, он проявлял такое упорство, что даже заставлял иной раз «державного хозяина» уступать, как было в период его «губернаторства» в Лилле. Ну как тут не вспомнить сцену из «Виконта де Бражелона», когда упорствующий капитан мушкетеров в знак неповиновения готов был отдать королю свою шпагу! Представляется очевидным, что подобная двойственность в поведении вряд ли могла долго устраивать Короля-Солнца, не терпевшего ни

малейшего противоречия своей воле. И не завершишь жизненный путь капитана мушкетеров преждевременной смертью под Мадрихтом, быть может, его ждала бы в конце концов обычная опала – вспомним судьбу Вобана, или того же Кольбера, или даже Лувуа – самого «устойчивого» из функционеров Людовика XIV. Впрочем, не станем загадывать, что могло бы быть, обратимся к тому, что было. А было то, что, несмотря на неизменное «благоволение» короля, на кратковременное «губернаторство» и чин генерал-майора, «граф» Шарль д'Артаньян умер почти таким же нищим, каким начал свою карьеру. И столь печальный вывод Птифиса, основанный на подлинных документах эпохи, лучше, ярче показывает сущность Короля-Солнца, нежели тысячи страниц, посвященных этому монарху и его «великому» царствованию. В целом книга Птифиса – откровение для всех, кто увлекался Дюма и любит д'Артаньяна. И нет ни малейшего сомнения, что она будет с благодарностью принята нашим читателем.

www.feedbooks.com
Food for the mind